

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Южный федеральный университет»

В.И. КУРБАТОВ, Л.Ш. КРУПЕНИКОВА

НЕТРАДИЦИОННЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ
Учебное пособие

Ростов-на-Дону
2015

УДК 316.7
ББК 60.5
К 93

Курбатов В.И., Крупеникова Л.Ш.

К 93 Нетрадиционные социологические концепции: учебное пособие.
— Ростов-на-Дону : Издательство Южного федерального университета, 2015. — 166 с.
ISBN 978-5-9275-1423-6

В учебном пособии «Нетрадиционные социологические концепции» рассматриваются сложившиеся в последние годы социологические концепции, не подпадающие под традиционную классификацию: классическая, неклассическая и постнеклассическая социология. В число таких подходов входят: социальный акционизм, активизм, социальная объектология, инвайроментальная социология и социология жизни, квантовая, фрактальная и тетрарная социология, логическая социология, креативная, герменевтическая и интегральная социология, социология виртуальной реальности.

Учебное пособие ориентировано на преподавателей гуманитарных и социально-политических дисциплин, исследователей, студентов, магистрантов, аспирантов, докторантов и всех тех, кто интересуется современной социологией, ее изучением и преподаванием.

Публикуется в авторской редакции.

ISBN 978-5-9275-1423-6

УДК 316.7
ББК 60.5

© Южный федеральный университет, 2015
© Курбатов В.И., Крупеникова Л.Ш., 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо введения	4
Глава 1. Различные социологические подходы	6
1.1. Классическая, неклассическая и постнеклассическая социология	6
1.2. Современные социологические подходы	18
1.3. Трансдисциплинарная методология нетрадиционных социологических теорий	32
Глава 2. Модификация объекта социологического исследования	37
2.1. Социальная объектология	37
2.2. Социальный активизм (активистская социология)	56
2.3. Социальный акционизм	61
2.4. Социология жизни	63
2.5. Инвайроментальная социология	71
Глава 3. Модификация предмета социологического исследования	78
3.1. Креативная социология	78
3.2. Герменевтическая социология	89
3.3. Интегративная социология	98
3.4. Виртуальное (сетевое) мышление как предмет социологии	111
3.5. Социология виртуальной реальности	122
Глава 4. Модификация методов социологического исследования	141
4.1. Квантовая социология	141
4.2. Фрактальная социология	151
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	163

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

Нетрадиционная социология может быть описана по разным основаниям. Первым логично представление нетрадиционной социологии как отрицание ее исторической предшественницы [1].

Нетрадиционная социология:

- 1) является наукой, обращенной преимущественно к исследованию социального процесса, протекающего на микроуровне - уровне взаимодействия конкретных индивидов;
- 2) лишена разрыва между теоретическим и эмпирическим постижением реальных социальных связей;
- 3) рассматривает конкретную личность, рядового обывателя действующим творцом социального процесса [2; 3].

Традиционная социология, в частности, сделала возможным адекватное понимание совокупности условий, определяющих поведение людей на микроуровне, т.е. режим осуществления взаимодействия. Однако реальность рубежа тысячелетий обнаруживает одну важную историческую тенденцию - увеличение пространства игры во взаимодействии людей; тенденция обеспечивается открытостью отдельных социальных систем по отношению к внешней макросистеме [5; 6; 7].

Таким образом, микроуровень, уровень социального взаимодействия рядовых граждан становится ареной большой истории. А каждый из участников взаимодействия способен повлиять на его ход и тем самым изменить направление социального процесса. Социология в этих условиях из науки, изучающей макроструктуру общества, становится областью исследования механизма складывания социального процесса в переплетении бесчисленных линий взаимодействия конкретных индивидов [2]

Нетрадиционная социология развивается в исторических условиях, когда человеческой интуиции, способности играть в предложенной ситуации предоставляются большие возможности, большее пространство; и наука становится иной, обретает свойства так называемых «этнонаук». В соответствии с этим, в нетрадиционной социологии социальная реальность идентифицируется не с субстанциями, но со связями, которые носят спонтан-

ный характер и выстраиваются в определенном пространственном континууме (социальном пространстве). Связи эти подвижны, что определяет внутреннюю подвижность социальных структур и ментальных структур – структур восприятия складывающихся в пространстве связей.

Классическая социология, мыслящая схемами, пишет данный автор, не может уловить динамизма социального процесса; ее неадекватность становится очевидной на этапе небывалого возрастания темпов исторического развития [2; 4; 9].

Формулирование нестандартных социологических концепций в данной работе, которая по существу является своеобразным справочником или дайджестом, будет дано в оригинальном авторском изложении (в терминах авторов данных концепций) с массовыми ссылками на соответствующие источники и авторские тексты.

Литература:

1. Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. Социологический словарь. — М.: Экономика, 2004. — 620 с.
2. Барзгова Е.С. Нетрадиционная социология в России? // <http://sociology-history.ru/uchebnik-po-istorii->
3. Бронзино Л.Ю. Неклассические социологические теории и неклассическая рациональность. Автореф. дисс. к.социол.н.: М.: 2010. – 25 с.
4. Глотов М.Б. Объект и предмет социологии // Харчевские чтения. Сессия 2. XIV. Измерения социологического знания.
5. Иванов Д.В. Парадигмы социологии: Учебное пособие. - Омск: Изд-во ОмГУ, 2005.
6. Курбатов В.И. Современная западная социология. Аналитический обзор концепций. Уч. пособие. Ростов-на-Дону, Изд-во «Феникс», 2001. - 436 с.
7. Романовский Н.В. Новое в социологии - «бум памяти» <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/10/21/1267239950/Romanovsky.pdf>
8. Социология на пороге XXI века: новые направления исследований. М.: 1998.
9. Штомпка П. Теоретическая социология и социологическое воображение. - Социологический журнал, 2001, № 1. – С. 56-78.

ГЛАВА 1.

РАЗЛИЧНЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

1.1. КЛАССИЧЕСКАЯ, НЕКЛАССИЧЕСКАЯ И ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Существует достаточно много попыток классифицировать социологические теории. Одна из них связана с выделением классической, неклассической и постнеклассической моделей социального знания. Ряд теоретиков довольствуется простым перечислением сложившихся школ и традиций, не всегда указывая основание подобного разграничения [5]. Примером указанного способа рассуждений может служить работа В.Г.Немировского.

Автор пишет: «В современной социологии существует пять основных парадигм – исходных концептуальных схем, объяснительных моделей, на которые опираются различные концепции. Они различаются в зависимости от того, как авторы понимают социальную реальность» [7, 27].

Список их, согласно Немировскому, таков: «парадигма социальных фактов» (Э.Дюркгейм, Т.Парсонс), версии «понимающей социологии» (символический интеракционизм, феноменологическая социология), «парадигма социального поведения» (бихевиоризм и теория социального обмена), «психологический детерминизм» З. Фрейда и «экономический детерминизм».

Представленная «картина» современной социологической науки, как отмечает такой исследователь как А.С.Иванова, навряд ли может быть признана логически последовательной [5, 23]. В частности, неясно, На каком основании в качестве самостоятельной «парадигмы» выделен фрейдизм и почему тогда в этом статусе отказано другим влиятельным концепциям современной гуманитаристики.

Очевидно, здесь нарушен принцип единства критериев классификации. Для осуществления более корректной «группировки» различных социаль-

ных теорий многие авторы справедливо прибегают к различным теоретическим дихотомиям.

Наиболее общей моделью является оппозиция «объективизм – субъективизм» [5]. Ее своеобразными «вариациями», как правило, выступают «натурализм – культурцентризм», «позитивизм – антипозитивизм», «социоцентризм – антропоцентризм», «макроанализ – микроанализ» и др. Указанные оппозиции сегодня широко представлены на страницах специализированной литературы. При этом в значительной части случаев они рассматриваются как «синонимичные».

А.С.Иванова отмечает, что, хотя и допустимо говорить о своеобразных «линиях притяжения» между ними, однако их полное отождествление неправомерно: «социоцентризм» не есть автоматически «натурализм», равно как «антропоцентризм» не является достоянием исключительно «культурцентризма». Именно поэтому, во избежание терминологических «злоупотреблений», необходимо указывать на возможность различных трактовок данных понятий («предметный» и «методологический» аспекты проблемы) [5].

С этой точки зрения, оппозиции «натурализм – культурцентризм», «позитивизм – антипозитивизм» тяготеют к гносеологизму: речь, в первую очередь, идет об объяснительном принципе, о методологическом стандарте, на которой ориентируется социальная теория.

С этих позиций анализирует историю развития социального знания Л.Г.Ионин [6, 213], рассматривая ее как противоборство «натуралистической» и «культурцентристской» ориентаций. Не подвергая сомнению эвристическую ценность заявленной оппозиции, отметим, однако, что в рамках данного подхода не проясненным остается вопрос: является ли «социальное» – трактуемое ли по аналогии с «природным», или же как отличное от него – субъектной реальностью или реальностью надындивидуального порядка?

В логике данного подхода рассуждает, в частности, В.А. Ядов, характеризуя современную социологию исходя из противостояния «макросоциологической» и «микросоциологической» перспектив. Он пишет: «Макро-

теоретики оперируют понятиями общества, культуры, социальных институтов, глобальных социальных процессов. Микротеоретики» работают с понятиями социального поведения, акцентируя внимание на его механизмах, включая мотивацию, стимулы групповых действий и т.д.» [13, 16].

Таким образом, автором справедливо тематизируется проблема того, как мыслить само «социальное» – на уровне «внешних» структур или межличностных интеракций. Сложность, однако, в том, что к «микротеоретической» ориентации с равным успехом может быть причислена как феноменологическая социология, так и социальный бихевиоризм, что содержательно явно неоправданно.

В этой связи, как отмечает А.С.Иванова, можно утверждать, что в целях корректной экспликации «социологических парадигм» необходимо учитывать взаимоналожение двух обозначенных ранее перспектив – онтологической и гносеологической [5, 24].

Среди попыток подобного рода концептуализаций можно указать работы И.Ф. Девятко [4]. Данный автор предлагает выделение онтологической оппозиции «социальное действие – социальный порядок» и ее методологический аналог в виде – «субъективизма (идеализма) – объективизма (материализма)». В результате представлены четыре социологические парадигмы: «натурализм» (проекция «социального действия» и методологического «объективизма»), «интерпретативизм» («действие»; «субъективизм»), «структурализм» («социальный порядок»; «объективизм»), «функционализм» («порядок»; «субъективизм»).

Ю.М.Резник в своей концепции исходит из двух базовых разграничений, а именно, дихотомия, связанная с выявлением исходной «клеточки» социального, есть оппозиция «действия–структуры» [9, 169].

Таким образом, намечаются четыре направления социологического теоретизирования: к «акционистскому объективизму» причисляются социальный бихевиоризм Б. Скиннера, теория конфликта Р. Дарендорфа и др.; к «системному объективизму» – неозволюционизм Л. Уайта и структурализм К. Леви-Строса.

«Деятельностный субъективизм» представляется символическим интеракционизмом Г. Блумера и феноменологической социологией А. Шюца, «основан на представлении о социальной жизни как субъективной реальности, порождаемой совокупностью индивидуальных актов сознания и действия людей... при этом сама социальная жизнь лишается статуса объективной и целостной» [Там же].

Социология знания П. Бергера и Т. Лукмана, а также экзистенциальная социология Э. Тирикьяна причисляются к «системному субъективизму» и характеризуются автором в качестве «концепций субъективистской ориентации, признающих существование надиндивидуальных структур или систем, независимых от индивидуальных действий и представлений людей» [9, 170].

С точки зрения А.С.Ивановой такая классификация связана с тем в ней представлен исторический генезис формирования основных социологических парадигм [5]. Модель же «классика – неклассика – постнеклассика», к которой апеллирует данный автор, обусловлена влиянием работ В.С. Степина, предложившего указанную схему в конце 80-х гг. [11] и связана с трансформацией понятия научной рациональности.

«Классическая рациональность» (XVII-XIX вв.), согласно автору, исходила из атомарного строения мира, принципа дальнего действия (тела взаимодействуют путем мгновенной передачи сил), а также жесткого детерминизма (так называемая «лапласовская причинность») и понимания системы как полностью определяемой свойствами составляющих ее элементов. В конце XIX - начале XX в., по мысли Степина, намечается переход к неклассической рациональности.

Этот период ознаменовался целым рядом научных революций: становление квантовой теории в физике, обнаружение парадоксов теории множеств в математике, оформление концепции нестационарной вселенной в космологии [11, 277]. Как следствие – «опытная подтверждаемость» уже не является синонимом «научности»: императив «наглядности принципов теории», свойственный «классике», сменяется принципом «внутреннего совершенства теории» [5, 26].

Постнеклассическая рациональность характеризуется Степиным, исходя из категорий «междисциплинарности», «комплексных исследовательских программ», ее становление связывается с формированием синергетики [11, 282-283].

А.С.Иванова, отталкиваясь от данных идей В.С.Степина, полагает, что проблема специфики социогуманитарной «классики – неклассики – постнеклассики» является в настоящее время открытой и требует своего осмысления. Так, если «классическая» социология мыслила «социальное» по аналогии с «природным», то «неклассическая» помещает в центр рассмотрения «культуру», как ценностное измерение человеческой жизни. Однако видит в ней средоточие универсальных смыслов: «индивидуальное» здесь – всегда сквозь призму «общечеловеческого» [5].

При этом можно сделать вывод о правомерности соотнесения модели «классической – неклассической – постнеклассической рациональности» с рассматриваемыми «парадигмами» самой социальной науки. «Классике» как модели науки в рамках социологического знания в наибольшей степени отвечает позитивистская программа, сформулированная О. Контом, пишет данный автор [5, 28]. Среди ее характеристик: «структурное» (в обсуждаемом выше смысле) видение социальной реальности, «количественные» методы ее анализа, идеал ценностнонейтрального исследования.

«Неклассическая социология» есть, в первую очередь, неокантианская программа обоснования социогуманитарного знания, ибо именно ей в наибольшей степени присущ «методологизм», определяющий специфику «неклассической рациональности». С точки зрения методологии, «неклассика» ознаменована становлением так называемых «качественных» методов исследования, отличных от «количественного» стандарта естественнонаучных дисциплин (заявленная вначале оппозиция методологического «объективизма – субъективизма»).

В плане онтологии «социологическая неклассика» на первый план выдвигает «деятельностное» – в противовес «системному» – прочтение социальной реальности. В первую очередь, это, несомненно, теории «социологических номиналистов» М. Вебера и Г. Зиммеля.

«Постнеклассическая рациональность» характеризует рефлексию социокультурной обусловленности науки, в общественном сознании будет реализована, в том числе, в рамках социологии знания П. Бергера и Т. Лукмана, а также социологии повседневности А. Шюца. Первые предметом своего анализа сделают те процессы, с помощью которых некая система знания становится социально признанной в качестве «реальности»; Шюц, обратившись к анализу «жизненного мира», проблематизирует соотношение «научного» и «профанного» в социальном познании [5, 29].

Конец XX – начало XXI века ознаменовался столь существенными социальными изменениями, что их осмысление потребовало от современной общественной мысли пересмотра сложившихся моделей исследования и базовых концептуальных схем, применения многообразных, а, порой, и противоречивых концептов.

Исследователи отмечают, что социальные трансформации, начавшиеся в 70-х годах XX в., оказались настолько радикальными, что потребовали не просто уточнения, изменения акцентов или смещения углов зрения, но заставили пересмотреть фундаментальные методологические основания социологической теории общества. Это подразумевало, во-первых, выработку нового отношения к теории общества, разработанной в рамках классической социологии XIX в., во-вторых – формирование в социологии XX в. новых теорий современного общества, адекватных новым социальным реалиям и способных заменить методологическую модель, на которой основывались все прежние теории общества [8, 17].

Широкое распространение в социологии получили понятия «постиндустриальное общество», «общество знания», «общество риска», «информационное общество», «общество спектакля», «сетевое общество» и многие другие, на основе которых выстраиваются подходы к исследованию общества, которые способны обосновать тезис о возникновении нового этапа его развития. Объединяет столь разные подходы лишь убеждение в верности тезиса о наступлении нового общественного состояния, радикально отличающегося от предшествующей эпохи [2].

Такой отечественный исследователь, как В.И. Болгов [1], выделяет различные аспекты социологической теории, связанные с социологией новых форм социокультурной жизни. Так, речь идет об интеграции микро- и макроуровней, теоретического синтеза, о повышении внимания к развитию мета-теории, о стремлении осмыслить функционирование и развитие социума путем полного учета совокупности факторов, опираясь на несколько теорий, особенно на интегральные парадигмы. Он отмечает, что современная социология не в полной мере отвечает на вызовы современности. В частности, существующие подходы в социологии недостаточно учитывают связь социума, социальных субъектов с универсумом, Вселенной, их единство и взаимосвязь. Представляется, по словам автора, что разработка космопланетарной, энергоинформационной парадигмы в социологии, сочетающей в себе два взаимосвязанных подхода, - социокосмологический и социоэнергоинформационный (социоэниологический), - одно из перспективных направлений ее развития.

Социология новых форм жизни, по его мнению, должна опираться на наследие П. Сорокина: концепцию истинной и абсолютной реальности, чувственного, идеационального и интегрального социокультурных типов, интегральную теорию человеческой личности, теорию воссоединения Истины-Добра-Красоты в интегральном строе, закон поляризации, теорию любви, ее созидающей, творческой, умиротворяющей и гармонизирующей роли в жизни и деятельности человека и человечества, анализ и синтез систем, методов и технологий адаптации и развития социальных субъектов [10].

Автор выделяет ряд направлений в развитии современной социологии, выделяя при этом разработки Ж.Т. Тощенко, согласно которому «...социология – это наука о движущих силах сознания и поведения людей как членов гражданского общества. Предмет социологии как науки включает: реальное общественное сознание во всем его противоречивом развитии; деятельность, действительное поведение людей, которые выступают как предметное воплощение (по форме и содержанию) знаний, установок, ценностных ориентаций, потребностей и интересов, фиксируемых в живом

сознании; условия, в которых развиваются и осуществляются реальное сознание и деятельность, действительное поведение людей» [12, 52].

В концепции Ж.Т.Тощенко увязаны различные уровни социологического знания: теория, методология и эмпирический, прикладной уровень. Ряд вопросов разработаны впервые в отечественной социологии, в частности исследования социальных настроений и социальных ожиданий людей. Ж. Т. Тощенко выдвинул идею о социальном настроении как доминирующей характеристике реально функционирующего общественного сознания и поведения. Представляет интерес идея алгоритмизации социального управления и т. д. В зависимости от условий и сферы жизнедеятельности человек выступает как многомерный субъект: как экономический человек, профессиональный человек, технологический человек, биологический человек, социально-психологический человек, управленческий человек, творческий человек, социально-политический человек, парадоксальный человек и т. д. [1].

В концепции Ю.М. Резника «Социология жизни» рассматривается как новое направление междисциплинарных исследований. Она развивается на теоретико-методологическом уровне и не опирается на эмпирический уровень (нет как собственных эмпирических исследований, так и обобщения эмпирических работ других авторов). По мнению Ю. М. Резника, объектом социологии жизни выступает социальная область жизненного мира людей, а предметом институализация социальной области жизненного мира, которая «охватывает собой широкий круг явлений, в том числе создание новых культурных образцов, развитие альтернативных стилей жизни, возникновение организационных форм гражданского общества, ориентированных на удовлетворение постоянно растущих и разнообразных потребностей людей» [9, 9].

Концепция виталистской социологии, социология жизненных сил разрабатывается коллективом ученых Алтая под руководством С.И. Григорьева. Важной особенностью развиваемой концепции является единство теоретико-методологического и эмпирического уровней социологического знания. Особенность концепции состоит, в частности, в том, что объектом

исследования является не просто человек как социальный, а как биопсихосоциальный субъект [3].

К социологии жизни, по мнению автора, можно отнести и концепцию эоантропоцентрической социологии и семиосоциопсихологии Т.М. Дридзе (парадигмы), этносоциологию Л.М. Дробижевой), социология здоровья И.В. Журавлева и др.

Концепция социологии новых форм жизни является составной частью социологии жизни. Она строится на основе сочетания и развития теоретико-методологических, эмпирических и прикладных исследований. Общее, что объединяет эту концепцию с другими:

- 1) Выдвижение в центр внимания социального человека во взаимодействии и взаимосвязи с многомерным человеком, как субъектом жизнедеятельности: культурным, биологическим, духовно-психическим, космическим и т. д.;
- 2) Обоснование концепции в контексте современной научной картины мира;
- 3) Подход к социальной реальности как к многоуровневой, когда эта реальность переходит, трансформируясь, с одного уровня на другой, обуславливаемая также и конкретной многоуровневой жизненной средой [1].

Социология новых форм жизни строится на основе стратегий, базирующихся на мультипарадигмальном и междисциплинарном синтезе. При этом для своих исследовательских целей разрабатывается и совершенствуется стратегия исследования новых форм жизни, реализуется вариант этого синтеза традиционных и нетрадиционных, классических и неклассических (постнеклассических) подходов.

Некоторые результаты исследований в области социологии новых форм жизни это:

- 1) обоснование необходимости развития новых форм жизни путем активного культурного освоения систем, методов и технологий адаптации, оздоровления и развития социальных субъектов, выработанных человечеством.

- 2) мультипарадигмальный и междисциплинарный синтез подходов культурологического (социология культурного уровня жизни), активистско-деятельностного, социокосмологического, социоэнергоинформационного (социоэниологического), социоэкологического и др., на идее многомерности и многоуровневости реальности, находящейся в поле зрения социологии. В центре этой реальности – человек, как социальный субъект, взаимодействующий с человеком культурным, космическим, биологическим, духовно-психическим и т. д. [там же].

Формы жизни рассматриваются как многоуровневая социальная реальность, связанная с жизнедеятельностью социального субъекта. Предметом исследования является их динамика под воздействием освоения систем, методов и технологий адаптации, оздоровления и развития социального субъекта во взаимосвязи и взаимодействии с биологической и духовно-психической формами жизни.

Разработана, в целом, система основных понятий и их многоуровневая операционализация. Первый уровень операционализации осуществляется с помощью понятий-индикаторов: социальная энергоинформация, социальная коммуникация, культурный уровень жизни, образ жизни, социальные отношения, поведение, здоровье, мироощущение и мировосприятие (мировоззрение). Развивается идея мультипарадигмального подхода в социологии путем расширения набора, используемого в западной и отечественной социологии, в частности, включения социокосмологической, энергоинформационной парадигмы в социологии и социологии новых форм жизни. Исследуется взаимосвязь социологии новых форм жизни и социологии культурного уровня жизни, ибо культурный уровень жизни - исходная действующая сила социального развития [там же].

В современных условиях одним из направлений теоретических и прикладных социологических исследований становится формирование социологии культурного уровня жизни как отраслевой социологической теории, находящейся в причинно-следственных связях и опосредованных по вертикали и горизонтали со всеми компонентами социологического знания.

Предметом исследования культурного уровня жизни были до сих пор отдельные компоненты: степень развития и реализации способностей, интересов, ценностных ориентации, других социокультурных свойств и качеств, а также культурный уровень жизни в отдельных сферах жизнедеятельности социальных субъектов (труда, быта, досуга и т. п.). [там же].

В настоящее время получает свое развитие космопланетарная, энергоинформационная парадигма в социологии (социобиопсихоэнергоинформатика). Пока в академической социологии отсутствует космопланетарная, энергоинформационная парадигма и ее социологическое направление в русском космизме. А между тем, космопланетарная, энергоинформационная социология имеет длительную предысторию и историю развития, начиная с древнейших эзотерических учений и практик. Этапом развития этой социологии является русский космизм (К.Э. Циолковский, А.Л. Чижевский, В.И. Вернадский, Н.К. и Е.И. Рерихи, Л.Н. Гумилев и другие).

Космопланетарная, энергоинформационная социология изучает закономерности и механизмы возникновения, функционирования и развития социальных субъектов, социума (от человека как микросоциума до глобального человечества как макросоциума) как целостной открытой, космопланетарной, многоуровневой энергоинформационной системы во взаимосвязи и взаимодействии с жизненной средой (социальной, природной, космической). Выделяется множество форм и уровней жизнедеятельности социальных субъектов, которые систематизированы по следующей структурной схеме: биологическая (нижняя), социальная (как срединная) и духовно-психическая (высшая) формы жизнедеятельности социальных субъектов и функционирования энергоинформации.

Энергоинформация рассматривается как глубинная основа (субстанция) жизнедеятельности и ее форм, единство широко понимаемых жизненной энергии как силы и информации как регулирующего, организующего феномена (аспекта) жизнедеятельности социальных субъектов. Социология изучает социальную жизнь, как функционирующую и развивающуюся энергоинформационную реальность. Социальные взаимодействия имеют энергоинформационную компоненту, энергоинформационный

континиум в многоуровневом энергоинформационном пространстве, энергоинформационный механизм (мыслеобразы и мыслеформы, вибрации и т. д.). При этом в социологическом исследовании внимание сосредоточивается на социальной энергоинформации в связи с другими видами энергоинформации, взаимопереходящими друг в друга при определенных условиях [26].

Космопланетарная, энергоинформационная модель социальных субъектов рассматривается как составная часть современной энергоинформационной картины мира. Социальный субъект как космопланетарный, энергоинформационный феномен представляет собой открытую систему, находящуюся в многочисленных прямых и обратных связях и взаимодействиях с окружающей ближней и дальней жизненной средой (природной, космической, социальной), ее структурами и системами.

Литература:

1. Болгов В.И. Социологический анализ новых форм социокультурной жизни // <http://sociology-history.ru/uchebnik-po-istorii-zarubezhnoj-sotsiologii/148-teorii-socialnogo-konflikta.html>
2. Бронзино Л.Ю. Неклассические социологические теории и неклассическая рациональность. Автореф. дисс. к.социол.н.: М.: 2010. – 25 с.
3. Григорьев С.И., Растов Ю.Е. Основы современной социологии. Учебное пособие. Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 2001. – 326 с.
4. Девятко И.Ф. Социологические теории деятельности и практической рациональности. – М.: 2003. – 326 с.
5. Иванова А.С. Классическая, неклассическая и постнеклассическая модели социального познания. Вестник Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, серия «Социология». 2010, № 3. – С. 22- 32.
6. Ионин Л.Г. Понимающая социология. Историко-критический анализ. – М: 1979. – 412 с.
7. Немировский В.Г. Теоретическая социология: нетрадиционные подходы. – Красноярск, 1997. – 325 с.

8. Плесовских С.Н. Феномен доверия в российском обществе: социологические основы и диагностика. Автореф. дисс. к. социол. н.: М.: 2004. – 25 с.
9. Резник Ю.М. Введение в социальную теорию. Социальная эпистемология. – М.: 1999. – 423 с.
10. Сорока Ю.Г. Повседневное и социологическое восприятия социальной реальности как проблема социологического образования // Зб. Наук. Праць ДонДУУ: «Соціологія управління». Серія «Спеціальна та галузева оціологія». Т.: Вип. 2 (47). Д.: 2005. - С. 112-117.
11. Степин В.С. Конструктивизм и проблема научных онтологий // Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке / Отв. ред. В.А. Лекторский. – М.: 2009. – С. 227- 297.
12. Тощенко Ж. Т. Эволюция теоретической социологии в России (1950 - 2000-е годы). Статья 2-я // Социол. исслед. 2009. N 7. – С. 43-57.
13. Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. - СПб., Интерсоцис, 2006. – 325 с.

1.2. СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Тощенко Ж.Т. в своей работе «Социология жизни как концепция исследования социальной реальности» анализирует различные теории и концепции социологии. По мнению автора, все многообразие существующих точек зрения можно свести к трем парадигмам. Это, во-первых, социологический реализм (центральное понятие – общество). Во-вторых, это социологический номинализм (основное понятие - человек). В-третьих, в конце XX века появился социологический конструктивизм.

Автор пишет, что в 1970 – 1990-е годы прошли жаркие дискуссии о теоретико-методологических основах социологии, в которых наиболее активное участие приняли Г.М. Андреева, В.Я. Ельмеев, А.Г. Здравомыслов, Н.И. Лапин, Ю.А. Левада, Е.Ф.Молевич, Г.В. Осипов, М.Н. Руткевич, Ж.Т.

Тощенко, А.Г. Харчев, В.А. Ядов и др., которые выразили достаточно серьезно различающиеся между собой точки зрения.

Попытку осмыслить российские реалии социологической мысли предпринял в своей последней работе А.Г. Здравомыслов, который предложил свое видение этапов и особенностей развития отечественной социологии во всем ее противоречивом развитии [8; 9]. Анализ имеющихся концепций и точек зрения, предпринятый Ж.Т.Тощенко, позволяет выделить основные подходы, имеющиеся в отечественной социологической литературе. Достаточно широко распространена точка зрения, когда не различаются объект и предмет социологии, в результате чего предметом социологии объявляется общество или акцент делается на «общих и специфических социальных закономерностях организации, функционирования и развития общества, путях, формах и методах их реализации в действиях и взаимодействиях людей, их общностей и общества в целом».

Серьезным недостатком такого подхода, по словам автора, является воспроизведение де-факто позиции социологов XIX века, которые претендовали на то, что только социология изучает общество, мало или совсем не обращая внимания на его исследование другими науками, такими, как философия, история, экономические науки, право и др., и эти науки не замедлили высказать свои претензии к экспансионистским взглядам социологов. Просто поразительно, что этот подход сохраняется и поныне в том или ином виде, как будто не было иных, принципиально новых результатов, полученных социологами еще в начале XX века, когда научная мысль подошла к необходимости сузить предмет претензий социологии до более скромных формулировок, когда предметом, исходной позицией социологии стали считать «социальный факт» (Э. Дюркгейм), «социальное действие» (М. Вебер) и т.д. [14].

Этот подход, как ни странно, совпал с позицией ортодоксального марксизма, который отождествлял социологию с историческим материализмом (социальной философией), объявляя ее объектом и предметом общества. Эта точка зрения сохраняет своих сторонников и в настоящее время. В результате, в настоящее время, пишет Ж.Т.Тощенко, мы имеем парадоксаль-

ный факт: такой позиции придерживаются (объект социологии – общество) две не признающие друг друга группы в социологии – ряд социологов, ориентирующихся на западные концепции, и вместе с ними бывшие «истматчики» и часть «научных коммунистов», которые волею судеб примкнули к социологии в силу сложившихся объективных и субъективных обстоятельств [14].

Во-вторых, получил распространение системный, комплексный подход, согласно которому объектом социологии объявляются многообразные социальные системы, т.е. так или иначе упорядоченные совокупности взаимоотношений людей, в том числе и такая социальная система как общество. Причем следует отметить, что в рамках этого подхода имеются свои нюансы и особенности. Один из них связан с тем, что «понятия социального, социальных связей и отношений и способа их организации являются исходными для понимания отличительных особенностей предмета социологического знания, а социальных закономерностей – для понимания его сущности».

Исходя из этого, задачей социологии объявляется «типологизация социальных систем, исследование связей и отношений каждого социального объекта на уровне закономерностей, получение конкретного научного знания о механизмах действия и формах проявления этих закономерностей в различных социальных системах для целенаправленного управления их поведением» [14].

Еще один подход – исследование социальной сферы, социальных процессов и социальных отношений – восходит к работам В.П. Рожина и В.П. Тугаринова, которые выделили сферу социального как самостоятельную наряду с экономической, политической, духовной, что отражало принципиально новый подход к трактовке предмета социологии – им становилось не все общество, а только одна из его частей или один аспект – социальный [17].

На этой базе была выдвинута концепция исследования социальных отношений и всей социальной сферы как объекта и предмета социологии, которая в наиболее полном виде – но уже не в философском, а в социологи-

ческом ключе – была выражена в трудах Г.В. Осипова. Его кредо становится анализ социальной реальности как «сложившейся во всем ее бесконечном многообразии объективизация субъективной деятельности человека, являющаяся частью экосистемы» [11].

Все многообразие явлений и процессов социального мира предлагается рассматривать через четыре основных вида взаимодействия: экономическое, социальное, политическое и духовно-нравственное, каждый из которых имеет свою структуру, свои особенности и выработанные в процессе познания специфические методы исследования и измерения. К трактовке социальной реальности, ее взаимодействий с другими системами Г.В. Осипов возвращается неоднократно, утверждая идею о ее человеческом измерении [11].

Получил распространение, пишет Ж.Т. Тощенко, и подход, в котором центральным звеном объявлялись социальные институты и социальная структура во всем их многообразии (классы, социальные группы, социальные общности, социальные слои, когорты, поколения и т.п.). Наиболее ярко это выражено в работе В.А. Ядова: «Социология – это наука о становлении, развитии, изменениях и преобразованиях, о функционировании социальных общностей и форм их самоорганизации: социальных систем, социальных структур и институтов. Это наука о социальных изменениях, вызываемых активностью социального субъекта; наука о социальных отношениях между многообразными социальными общностями, между личностью и общностями; наука о закономерностях социальных действий и массового поведения» [18].

Эти идеи в той или иной мере нашли отражение и поддержку в работах З.Т. Голенковой, Л.А. Гордона, Э.В. Клопова, Г.Е. Зборовского, А.И. Кравченко, Р.В. Рывкиной и др.

В 1990-е годы выросли и получили развитие конфликтологические концепции (А.Г. Здравомыслов, 1996; А.В. Дмитриев и Сычев, 2010), которые по-своему трактовали специфику современного состояния России. Этот подход был дополнен многочисленными и скороспелыми попытками отказаться от советского наследия [9; 77].

Если попытаться построить классификацию многочисленных концепций, подходов, трактовок содержания социологической науки, отмечает автор, которые накоплены в мировой и отечественной социологии, то их многообразие можно свести к трем основным парадигмам – социологическому реализму (объект исследования – общество, социальная структура, социальные институты), социологическому номинализму (объект исследования – индивид, личность, человек, социальные группы и общности), и социологическому конструктивизму, который начал интенсивно развиваться с конца XX века [14].

Что касается социологического реализма, то его идеи восходят к О. Конту и Г. Спенсеру, основоположникам открытой ими науки. Центральное понятие – общество и его производные – социальная структура, социальные общности, социальные институты – стали важной областью получения социологического знания.

Но, как показало время, трактовку объекта и предмета социологии только на уровне категории «общество» не только невозможно операционализировать, но такой подход слабо или совсем не отвечает на многие вопросы: понятийный аппарат «плывет», включает в себя слишком разные сущности, а многие из них размываются временем, серьезно видоизменяются, а иногда и теряют своей первоначальный смысл.

Ведь даже такое классическое понятие как социальная структура в настоящее время мало что выражает, ибо а) многие ее элементы в современной ситуации исчезают; б) ряд ее элементов серьезным образом видоизменился; в) появились новые, ранее неизвестные элементы. Такие, казалось бы, классические понятия как «рабочий», «крестьянин» приобрели неустойчивость, аморфность, ибо с изменением жизни, социально-экономического положения, с перемещением из одной сферы приложения труда в другую эти группы (классы) теряют свою сущностную основу настолько, что говорить о содержательных однородных признаках весьма затруднительно. А если посмотреть на некоторые внешние признаки, то об этих группах можно говорить с большой долей приблизительности [14].

Соответственно, анализировать эти группы в духе теорий XIX и XX веков было бы неполным, опрометчивым и поспешным. Эти данные могут в известной мере учитываться, но не могут ответить на злободневные проблемы современности. Они по сути дела являются сущностями второго и третьего порядков, которые надстраиваются над сущностями первого порядка, на что дает ответ другая методологическая парадигма – социологический номинализм.

Говоря о нем, следует иметь в виду, что эта парадигма, восходящая к М. Веберу, Дж. Хомансу, Дж. Миду, к представителям русской социально-психологической школы конца XIX – начала XX века, обращается к человеку, ориентируется на то, что решающая роль в жизни общества принадлежит процессам взаимодействия людей, процессам их интеграции и дифференциации. Сторонники этой парадигмы в центр своего анализа ставят личность, считая ее основным понятием социологии [там же].

В современной социологии этого подхода придерживаются такие социологические направления как этнометодология, феноменология и ряд других концепций. Эта парадигма привлекает многих исследователей тем, что обращается ко всему богатству человеческого существования, ко всему богатству восприятия человеком окружающего мира. Но критики этих школ справедливо упрекают их сторонников в психологизации общественных процессов, в абсолютизации компонентов субъективности, в односторонней оценке окружающего мира.

Неудовлетворенность возможностями и эвристическим потенциалом этих парадигм, пишет Ж.Т.Тощенко, зрела постепенно. Она проявилась в поисках новых концепций, претендующих на новое слово в трактовке исходных теоретико-методологических проблем социологии. Поэтому, видимо, необходимо посмотреть, как изменяются представления о предмете социологии, какие новые идеи появились в трудах российских ученых и наших зарубежных коллег в последние годы.

Во-первых, было установлено, что ориентация на исследование преимущественно систем и структур неэвристична, ибо она, хотя и может дать строгое описание объекта, но закрывает возможность объяснить его. По-

нять причину данного состояния объекта можно, лишь рассматривая его в развитии. Это признавал еще Р. Мертон, яркий представитель структурного функционализма, который видел и понимал слабые стороны теории Т. Парсонса [10].

Во-вторых, отмечает далее автор, рассуждения о социальных системах (а под ними стали пониматься не только взаимоотношения и взаимодействия людей, но и более широкие социальные системы – вплоть до человечества в целом, что породило глобалистические концепции в социологии), оживили никогда не исчезавшую тенденцию к поглощению социологии социальной философией, ибо при таком подходе исчезала реальность и появлялись некоторые логические конструкты, которые или не имели отношения к повседневной действительности или слишком абстрагировались от нее.

В-третьих, структурно-функциональный подход никак не мог объяснить, как люди «попадают» в эти социальные общности: явившись в мир, человек должен пройти еще ряд промежуточных этапов в развитии, чтобы определиться со своим социальным положением в обществе. А это положение никаким образом заранее не предопределено: оно зависит не только от объективных обстоятельств, но и от воли, действий и других целенаправленных акций самого человека. О том, что социальные общности как предмет социологии, уязвимы, говорит и другой факт: структурно-функциональный подход встречается с колоссальными трудностями в обществах переходного периода, когда эти общности «плывут», не имеют четкой определенности и поэтому не могут быть базой достоверной информации. В этой связи хотелось бы обратить внимание на позиции французского социолога А. Турена, который подвергает резкой критике структурный функционализм, считая, что он нацелен на обеспечение порядка, равновесия, а не на поиск новых резервов и новых возможностей для развития общества [14; 16].

И, наконец, не следует игнорировать и саму практику социологии, которая не перестает обращаться к одному и тому же источнику информации – человеку, что предполагает анализ не столько действия каких-то систем,

сколько того, что делает человека активным участником исторического процесса [14].

Если обратиться к ситуации в социологии в конце 1990-х – начале 2000-х годов, то можно сказать, отмечает Ж.Т.Тощенко, что ее основным характерным признаком становится человекоцентристский подход, ибо современная эпоха выявила непреходящую и все возрастающую ценность человека и его деятельности. В этих рамках человек предстает и как ресурс общественного развития и как носитель социального капитала, который является огромным резервом и импульсом общественного развития [14].

Человековедческий аспект социологического исследования реализуется в работах Ю.Г. Волкова и И.В. Мостовой, Т.М. Дридзе и в нем содержится в эоантропоцентрическая парадигма в социологии [2; 6; 7].

Выдвижение на первое место проблем человека не означает, что социология претендует на его познание в том смысле, как это делает биология или психология. Социология выделяет лишь те параметры в жизни человека, которые являются социальными по своему предназначению, индивидуальными (поэтому социология употребляет понятие «личность»).

Ответом на эти изменения стала парадигма социологического конструктивизма, окончательно оформившаяся в конце XX в. Именно в этот период стали появляться иные трактовки, за которыми стоят неудовлетворенность имеющимися наработками и сомнения, относительно определений предмета социологии, учитывающего взаимосвязи между макро- и микромиром; между объективно-предметным и субъективно-ценностным подходом; между структурно-функциональной и конфликтологической ориентациями [14].

Выражением конструктивистского подхода становится концепция социологии жизни, зачатки которой проявили себя еще в XIX веке, но не привлекли в то время особого внимания. Еще Жан Мари Гюйо (1854 – 1888) выдвинул положение, согласно которому центральным понятием социологии провозглашалась реальная жизнь. В соответствии с этим Гюйо считал индивида интегральной частью социального целого, в которой ор-

ганически сочетается все многообразие социального мира со всеми его достижениями, противоречиями и нерешенными проблемами. Эта точка зрения получила определенное развитие в теории социального действия (М. Вебер, А. Турен), в теории социального обмена (Дж. Хоманс, П. Блау), в символическом интеракционизме (Дж. Мид), и особенно в феноменологической социологии. Но многие из этих теорий и особенно феноменология абсолютизировали только одну сторону жизни – ее субъективность, что давало возможность ее оппонентам справедливо упрекать ее в односторонности, в психологизации реальности, в игнорировании объективных условий развития [там же].

Еще более определенную ориентацию на человека как основной предмет исследований социологии выразил Э. Гидденс, назвав ее «ослепительным и захватывающим предприятием, чьим предметом является поведение людей как социальных существ» [4; 5].

Социологический конструктивизм и породил одну из своих концепций – социологию жизни. Ее ценность заключается в том, что именно сознание и поведение людей выдвигается на первый план при выявлении существенных положений социологии. Именно анализ такого феномена – «человек в обществе, общество в человеке» (П. Бергер) – составляет суть конструктивистской парадигмы и позволяет с наибольшей полнотой судить как о человеке, так и об обществе. Причем эта ориентация на такое понимание взаимосвязи человека и общества все больше и больше усиливается [14].

По мнению же известного социолога Петра Штомпки, в современной социологии сложились четыре типа теории и теоретической деятельности, которые имеют разное значение для образовательных целей, для формирования социологического воображения. В порядке убывания их значимости я буду рассматривать: (а) объяснительную теорию; (б) эвристическую теорию; (в) аналитическую теорию; (г) экзегетическую теорию [19].

«Придерживаясь старой, традиционной оппозиции «теория vs исследование», либо «теоретическая социология vs эмпирическая социология», можно было бы подумать, что первоочередное внимание к теории означает отход в сторону схоластики и в царство чистых идей, уход от реальных со-

циальных проблем и конкретных социальных фактов, отказ от эмпирических исследований. ... На самом деле, ситуация — совершенно противоположная. Впечатляющее продвижение теории вызвано тем, что она получила признание во всех областях эмпирической социологии, нашла свое место среди всех областей социологии и, наконец, признана важным и необходимым компонентом социологических исследований. Разделение теории и исследований, более невозможно. Вместо этого мы наблюдаем широкое распространение теорий, в которых рассматриваются разнообразные социальные проблемы» [19].

Однако, сегодня ситуация такова, что «... многие теоретики более не занимаются абстрактными идеями, а обращаются к таким реальным проблемам, как глобализация, личность, риск, доверие, гражданское общество, демократия, новые формы труда, социальные эксклюзии, культурные травмы и т. д. Эмпирические исследователи более не ограничиваются регистрацией фактов и сбором данных. Вместо этого они предлагают обобщающие модели на основе систематизированных фактов. Таковы теория девиантности, теория коллективного поведения, социальных движений, этничности, теория массовой информации, концепция социального капитала, постматериалистических ценностей и т. п.» [19].

В результате теория приближается к реальным «социальным проблемам», то есть проблемам простых людей (common people), а к эзотерическим «социологическим проблемам», проблемам профессиональных социологов. Теория дает объяснения насущным социальным вопросам (создавая гипотезы, более или менее проверяемые на практике). Она может оказать влияние на более широкую аудиторию, простых людей, направляя их мышление, предоставляя им «карты» отдельных областей их общественного «жизненного мира». Первый тип теории можно назвать объяснительной теорией [19].

Это теория реальных социальных проблем. Она отвечает на вопросы, почему растет преступность, почему возникают новые общественные движения, откуда возникает бедность, почему возрождаются этнические настроения. По Мертону, Бурдьё и Тернеру, теория вырастает из исследова-

ний и должна быть направлена на исследования. «Чтобы теоретический результат имел значение, он должен основываться на постановке проблем» [10].

Теоретические ориентации П.Штомпка называет эвристической теорией, которую нельзя проверить непосредственно, но которая плодотворна, поскольку создает понятия, образы, модели. Эвристическая теория близка к социальной философии, особенно к онтологии или метафизике социального мира, так как пытается ответить на три вечных онтологических вопроса о строении социальной действительности: (а) что является основой социального порядка?; (б) что составляет природу человеческой деятельности? (в) каковы механизм и направление социальных изменений?

Этими вопросами занимались все классики-основатели социологии. Примерами классической ориентации, преобладавшей в середине нынешнего столетия и пытавшейся решить такого рода вопросы, были структурный функционализм, символический интеракционизм, теория обмена, марксизм. С тех пор появилось несколько новых тенденций, которые мы рассмотрим позже.

Каковы характерные черты подобной теории? – спрашивает П. Штомпка. Зададимся тремя нашими вопросами. Теория чего? Основ социальной реальности. Она ставит вопросы не «почему», а «как»: как возможен социальный порядок (как существуют социальные группы, как люди живут вместе, сотрудничают, сосуществуют), как выполняются социальные действия, как развиваются социальные изменения? Теория для чего? Для того, чтобы создать категориальный аппарат для более конкретной объяснительной теоретической работы, предложить значимые категории для осмысления разрозненных фактов. Теория для кого? В основном, для исследователей, создающих объяснительные модели отдельных областей мира, отвечающих на конкретные вопросы [19].

Достигается успех, который вызван новыми достижениями в развитии общественной мысли; новыми тенденциями, увлекательными и оригинальными перспективами. Возникла интеллектуальная напряженность, свойственная «парадигматическому смещению».

Другими словами, происходит сдвиг от «первой» ко «второй» социологии. Социальный порядок видится как возникающий, конструируемый, постоянный результат достижений агентов действия, производимый и воспроизводимый человеческим действием.

Примеры такой теоретической перспективы можно найти в работах П. Бергера и Т. Лукмена, Н. Элиаса, Э. Гидденса, П. Бурдьё. Второй сдвиг — это переход от образа эволюции или социального развития к социальному становлению (*social becoming*). Акцент переносится на открытые исторические сценарии, развивающиеся с помощью решений, выбора, а также благодаря образующим сценарий случайным событиям [там же].

Сюда относятся структурализм К. Леви-Стросса и Ф. де Соссюра, феноменология А. Шютца. Вторая разновидность «культурного поворота» называется текстуализмом. Она представлена постструктурализмом, или теорией дискурса М. Фуко, где социальная реальность трактуется как разновидность текста со своей семантикой и грамматическими правилами. Следующую версию иногда называют интерсубъективизмом. Большой вклад в нее внес Хабермас своей теорией коммуникативного действия. И, наконец, имеется ответная реакция на «сверхинтеллектуализированный образ человека». Человек думающий, человек знающий — да, но не только в форме дискурса.

Акцент смещается на практическое знание (Э. Гидденс), «этнометоды» (Гарфинкель), а также тело как инструмент действия (Б. Тернер), эмоции как сопутствующие действия, вещи, которыми человек пользуется, встречаемые объекты, окружающая среда как контекст действия. Индивиды трактуются как носители упорядоченных, типичных наборов практических действий (П. Бурдьё).

Таким образом, современная социология характеризуется большим разнообразием эвристических ориентаций. Их преподавание может оказаться полезным для студента, прежде всего, взглядом на общество с различных позиций, что необходимо для понимания общественной жизни.

Третью разновидность теории, пишет П.Штомпка, можно назвать аналитической теорией. Она обобщает и проясняет понятия, дает типологии и

классификации, пояснения и определения. Ее применение имеет важное значение, но она играет вспомогательную, инструментальную роль.

Аналитическая теория рискует переродиться в постоянное совершенствование инструментов без их определенного применения, либо в конструирование закрытых категориальных систем. Попытки создать закрытые концептуальные системы, специальные языки для общей социологии, как кажется, закончились с работой Никласа Лумана (ранее только у Толкотта Парсонса были похожие цели). Но в некоторых узких сферах такого рода усилия весьма полезны, они восходят к тому, что Р. Мертон называл теориями среднего уровня: эмпирически обоснованные концептуальные схемы, применимые к конкретным эмпирическим проблемам (например, мертоновские теория ролей и ролевых репертуаров, теория референтных групп, теории стратификации, мобильности, аномии, девиации и т. д.) [10].

Четвертый тип теории можно назвать экзегетической теорией. Она заключается в анализе, толковании, систематизации, реконструкции, критике существующих теорий. Конечно, экзегетическая теория особенно значима для подготовки к теоретической работе. К ней следует относиться как к этапу в научной карьере, периоду обучения. Через эту стадию прошли большинство выдающихся теоретиков: Т. Парсонс в работе «Структура социального действия». Э. Гидденс, Дж. Александер и Н. Смелсер относятся к построению теорий этой категории.

Практика показывает, чем более эзотеричной, непонятной, неясной, запутанной является теория, тем больше возможностей она дает экзегетическим спорам. Она вдохновляет на отчаянные поиски в темной комнате черного кота, которого там нет. В этом — секрет некоторых современных теорий (например, школы «постмодернизма») и их популярности среди толкователей. Если теория четкая, ориентирована на проблемы, точная и ясная, то в ней найдется немного из того, что можно толковать и критиковать [14].

Правда порою такая теория, пишет П.Штомпка, становится формой интеллектуальной деятельности. Она бесполезна, когда обращается исключительно вовнутрь. [14]. Имеются и другие мнения, например о том, что не-

обходимо впустить свежий воздух в изолированные помещения домашнего теоретизирования.

Литература:

1. Баразгова Е.С. Нетрадиционная социология в России? // СОЦИС. 1997. № 10. – С. 118-126.
2. Волков Ю.Г., Мостовая И.В. Социология. Учебник. – М.: 1998. – 378с.
3. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуриации. – 2-е изд. – М.: Академический проект, 2005. - 327 с.
4. Гидденс Э. Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь / Пер. с англ. М.: 2004. – 376 с.
5. Гидденс Э. Социология. – М.: 1999. – 420 с.
6. Дридзе Т.М. Две новые парадигмы для социального познания и социальной практики // Социальная коммуникация и социальное управление в экоантропоцентрической и семиосоциопсихологической парадигмах. 2000. Кн.1. - С. 5-42.
7. Дридзе Т.М. Экоантропоцентрическая модель социального познания как путь к преодолению парадигмального кризиса в социологии // СОЦИС. 2000, № 2. – С. 56-67.
8. Здравомыслов А.Г. Социология: теория, история, практика. – М.: 2008. – 436 с.
9. Здравомыслов А.Г. Социология конфликта. М.: 1996. – 387 с.
10. Мертон Р.К. Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль. – М.: 1996. – 412- 456.
11. Осипов Г.В. Введение в социологическую теорию. – М.: 2010. – 422 с.
12. Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998. – 435 с.
13. Парсонс Т. Общетеоретические проблемы социологии // Социология сегодня: Проблемы и перспективы / Р. К. Мертон, Л.Брум., Л. С. Коттрелл (ред.). — М.: Прогресс, 1965. — с.25-67.
14. Тощенко Ж. Т. Эволюция теоретической социологии в России (1950 - 2000-е годы). Статья 2-я // Социол. исслед. 2009. N 7. – С. 43-57.

15. Тощенко Ж.Т. Социология жизни как концепция исследования социальной реальности // <http://toschenko.ru/publication/13/>
16. Турен А. Возвращение человека действующего: очерк социологии. М.: 1998. – 326 с.
17. Тугаринов В.П. Личность и общество. – Л.: 1965. – 437 с.
18. Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. - СПб., Интерсоцис, 2006. – 325 с.
19. Штомпка П. Теоретическая социология и социологическое воображение. - Социологический журнал, 2001, № 1. – С. 56-78.
20. Parsons T. The social system. N.Y., 1964. – 368 p.
21. Parsons T. An American Impression of Sociology in the Soviet Union // ASR, Feb. 1965, vol. 30, № 1, pp. 121-125.

1.3. ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ НЕТРАДИЦИОННЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ

Каждый из названных подходов рассматривает общество с собственной точки зрения, пытаясь выделить среди его многообразных характеристик, на его взгляд, наиболее существенную и описывая лишь определенный аспект социальной системы. Пытаясь «ухватить» непрерывно развивающуюся, «ускользающую» современность, социология переосмысливает собственные теоретико-методологические основания, вводя представления о мультипарадигмальности, плюралистичности методов и объяснительных схем, многоуровневости социологического знания.

Сложности, возникающие в процессе этого осмысления, связаны с необходимостью сохранить универсальные основания знания, позволяющие констатировать единство науки, несмотря на многообразие познавательных операций и моделей объяснения современной социальной реальности. Разрешение противоречий возможно через теоретико-методологическое обоснование идей полипарадигмальности и трансдисциплинарности [2].

Если идея полипарадигмальности (множественности исследовательских парадигм) представляется понятной, то идея трансдисциплинарности требует своей экспликации.

Трансдисциплинарность, по нашему мнению, выступает не просто как выражение расширения однозначно и порою ограниченных определенных дисциплинарных границ.

Трансдисциплинарность выступает как иерархическая конструктивистская методология и технология, как система взаимодействий (от простого взаимодействия идей о взаимном синтезе и интеграции различных подходов и методологий, что выражается новым способе формирования самих исследовательских операций и процедур, в создании нового теоретического и терминологического дискурса, в конструировании социальной действительности.

В отличие от таких подходов, как «мультидисциплинарность», «плюридисциплинарность» и «междисциплинарность», за трансдисциплинарностью в данном контексте закрепляется единая когнитивная практика, выражающаяся в том, что такой социально-практический результат исследования в рамках определенного направления исследования, как дискурс социальных практик является для этого направления единым и цельным конструктом для всех предметных дискурсов анализа социальной действительности в многообразии своих проявлений в виде различных специальных дисциплинарных подходов.

Трансдисциплинарность как методология социологического исследования, включает в себя ряд методологических установок, принципов и постулатов:

1. Поскольку концепт социологического исследования является цельным и единым для конкретных социальных практик, то базисным постулатом является выработка единого (в рамках данного направления исследований с учетом результатов дисциплинарных исследований) понятийного и смыслового поля для основных базисных представлений об основном объекте исследования. Мы назовем это постулатом релевантности в исследовании социальной реальности.

Здесь единым смысловым полем является исходная идея того, что социальная реальность есть специфическая реальность (специфическое социальное пространство, социальное время, социальная динамика, социальные взаимодействия, социальная информация и т.д.), развившаяся посредством изобретения, применения и использования различных дисциплин, методов, методик и технологий презентации и технологий, презентации и экспликации этой реальности.

2. Смысловое поле этой интеллектуальной традиции философствования сформулировано в виде следующих общих представлений о социологической экспликации социальной реальности:

- социологическая экспликация социальной реальности есть необходимый компонент познания человеческого социума;
- социологическая реальность есть специфический конструкт (понятийный каркас экспликации общества в целом);
- социологическая реальность как специфический конструкт подвержен изменению, динамике так же, как динамика присуща социуму как объекту;
- социологическая реальность как специфический конструкт с точки зрения трансдисциплинарного подхода выражается в сопоставлении различных общих дисциплинарных, конкретно предметных и специальных исследовательских точек зрения, проясняющих социальные смыслы этого конструкта;
- социологическая реальность как специфический конструкт дуалистична по своей природе, будучи, с одной стороны объективной, как выражение объектных черт и интерсубъектной, а с другой стороны – субъектной, поскольку является выражением познавательной активности субъекта.

3. Единое понятийное поле выражается в осмыслении природы социологической реальности, квалифицирующей устойчивые формы социальных структур и социального взаимодействия. Гносеологическое содержание этого является по своей природе интерсубъектным, интерсобытийным, двойственным, антиномичным, дихотомическим и дуалистичным, конструирующим социальный мир в терминах указанной дуалистичности.

4. Формулирование общего концепта (единого понятийного поля) для такого сложноорганизованного объекта исследования, как социологическая реальность, связано со следующими исследовательскими ходами:

- характеристика уровней и структур объекта;
- характеристика уровней взаимодействия объекта с другими объектами;
- структурирование интегрального знания об объекте на основе единого концептуального аппарата;
- спецификация, систематизация и субординация методов исследования;
- точное обозначение места и смысла каждого из методов в изучении реальности, которая маркируется как социологическая (этот постулат можно назвать постулатом конгруэнтности).

5. Наконец, понятийная субординация и координация концептуальных средств дает основание для формулирования принципа генеральной цели трансдисциплинарного анализа реальности, которая маркируется как социологическая реальность, а равно и актора этой реальности – человека человеческих агрегаций и форм их взаимодействия.

Указанные соображения дают возможность рассматривать представленные ниже социологические концепции, как не подпадающие полностью под охарактеризованные выше модели классической, неклассической или постнеклассической социологии.

Это связано с тем, как отмечалось выше, что они, базируясь на различных дисциплинах, пытаются сформировать единое смысловое поле социологической реальности. Они в некотором роде нестандартны, хотя стандарты социологической науки не заданы строгим и однозначным образом и основываются на трансдисциплинарной методологии. Им не характерен (еще) систематически сформулированный понятийный аппарат и четкие методы анализа социальной реальности. Но они предлагают специфическое видение социологической реальности и этим интересны, поскольку открывают новые грани непознанного.

В названии социологических концепций, представленных ниже, мы намерены воспользоваться термином Е.С.Баразговой – «нетрадиционная социология» [1].

Указанный автор полагает, что традиционная социология в полной мере реализовала задачу фиксации и описания универсальных социальных структур, ее вершиной стала теория Т. Парсонса, впитавшая в себя идеи многих, казалось бы, различных по предлагаемым методологическим подходам классических учений в социологии - М. Вебера, Э. Дюркгейма, З. Фрейда, Д. Дьюи.

По ее мнению, Т.Парсонс уловил то общее, что им всем было присуще - признание внешней, навязанной системой и структурами общества мотивации поведения индивида. Т.Парсонс представил функционирование общества в качестве совокупного итога работы отлаженного социального механизма. Законченность и чистота методологии обнажили тупик дальнейшего существования традиционной социологии [3; 4].

Литература:

1. Баразгова Е.С. Нетрадиционная социология в России? // СОЦИС. 1997. № 10. – С. 118-126.
2. Тощенко Ж. Т. Эволюция теоретической социологии в России (1950 - 2000-е годы). Статья 2-я // Социол. исслед. 2009. N 7. – С. 43-57.
3. 20. Parsons T. The social system. N.Y., 1964. – 368 p.
4. 21. Parsons T. An American Impression of Sociology in the Soviet Union // ASR, Feb. 1965, vol. 30, № 1, pp. 121-125.

ГЛАВА 2.

МОДИФИКАЦИЯ ОБЪЕКТА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

2.1. СОЦИАЛЬНАЯ ОБЪЕКТОЛОГИЯ

Как правило, объектом науки признается то в реальном мире, на что направлена познавательная деятельность ученого с целью получения нового знания. Такой исследователь, как М.Б.Глотов в своей работе «Объект и предмет социологии» предлагает различать объект научного исследования и объект науки [7].

Объектом научного исследования могут быть любые явления и процессы реального или виртуального мира, исследуемые ученым. Объектом же науки признается только определенная часть объективной реальности. Например, физика изучает неорганическую реальность, биология – органическую, социология – социальную.

При этом один и тот же объект может изучаться несколькими науками. Так, природа может быть объектом таких наук, как физика, химия, биология; человек – антропология, физиология, психология; общество — история, культурология, политология, социология.

Предметом науки, с одной стороны, выступают те стороны, грани объекта, которые представляют интерес для специалиста данной отрасли науки. С другой стороны, предмет науки – та совокупность знаний, которая получена учеными в процессе их познавательной деятельности, зафиксирована и доступна как для будущих исследователей, так и для тех, кто интересуется, или изучает данную науку.

В большинстве определений объекта социологии присутствует указание на то, что социология изучает социальную реальность, явления и процессы общественной жизни. При этом термины «социальный» и «общественный» употребляются как тождественные. Это можно объяснить тем,

что, например, в английском и французском языке нет специального термина «общественный», поэтому в русском переводе термин «social» может трактоваться и как «общественный», и как «социальный» [там же].

Однако в немецком языке существует различие в понимании терминов «общественный» и «социальный». Так, К. Маркс и Ф. Энгельс при анализе общества употребляли два понятия: «общественный» («gesellschaftlich») применительно к описанию общества в целом и сфер общественной жизни, и «социальный» («soziale») – применительно к описанию отношений между людьми как представителям различных социальных общностей.

Ф. Тённис различает два вида социальности: общинную, или общностную («gemeinschaftlich»), и общественную («gesellschaftlich») [1]. Чтобы разграничить сферы исследования социологии и других общественных наук, Т. Парсонс предложил ввести в научный лексикон термин «societal» – «социетальный».

Зарубежные социологи стали употреблять термин «социетальный» для обозначения общества как целостной системы и как объекта исследования всех общественных наук. Термин же «social» – «социальный», стали использовать для обозначения тех явлений и процессов, которые выступают в качестве объектов эмпирического социологического исследования, для характеристики отношений между людьми как представителями социальных общностей [1].

В отечественной социологической литературе термин «социетальный» пока используется редко. Несмотря на то, в отечественной социологии понятия «общественный» и «социальный» до сих пор употребляются как синонимы, необходимость их разграничения может послужить уточнению предмета и специфики социологии как автономной науки, выявить особенность социологического подхода к определению её объекта и предмета.

Например, исследуя отношения собственности или политические отношения, социолог будет делать акцент на анализе тех социальных общностей, которые владеют данной собственностью или обладают властными полномочиями. Социолог также будет исследовать процессы взаимодействия людей по поводу владения имуществом или обладания властью. Эко-

номист же будет изучать, каким образом, в каких формах и в каком объеме люди владеют собственностью, а политолог – каким образом, в каких формах и в каком объеме в обществе осуществляется власть [7, 308].

Следовательно, целесообразно было бы использовать понятие «социальный» тогда, когда речь идет о социологическом подходе к исследованию общества, а понятие «общественный» применительно к исследованиям общества представителями других наук. Для социолога экономические и политические отношения — социальные, для экономиста и политолога они – общественные.

В настоящее время хотя и признается необходимость различения объекта и предмета социологии, но среди социологов нет единства во мнении, что понимать под объектом и предметом социологии. Признавая правомерным разграничение объекта и предмета социологии, под объектом социологии будем понимать общество как социальную реальность, которая исследуется общественными и гуманитарными науками, а под предметом социологии – общество как социальную систему.

В отличие от предмета общественных и гуманитарных наук социология исследует общество как социальную систему, выясняя её статические и динамические проявления, открывая законы, закономерности и тенденции её становления, функционирования и изменений. С точки зрения социологии, общество как социальная система представляет собой взаимосвязанную и взаимообусловленную совокупность сфер и отраслей общественной жизни, социальных общностей и социальных институтов, функционирование и изменение которых обеспечивает жизнедеятельность людей.

Задача социологии – определить и исследовать те компоненты социальной системы, которые необходимы и достаточны для того, чтобы общество функционировало как самоуправляемая и саморазвивающаяся целостная система, выявить закономерности и тенденции её развития. Как правило, определение любой науки зависит от того, что признается в качестве её предмета [7, 309].

Рассмотрим, что традиционно выступает в качестве объекта социологического исследования. В качестве такового, как правило, выступают со-

циальные факты, социальные функции, социальные процессы, социальные изменения, социальные действия и социальные взаимодействия, социальные отношения, в том числе и такие, которые выражаются в отношениях социальных групп, социальные структуры и социальные институты.

Понятие «социальный факт» было введено в социологию Эмилем Дюркгеймом [9] — классиком французской социологической школы прошлого века. Дюркгейм разделял социальные факты на морфологические как материальный субстрат общества (например, плотность населения) и нематериальные факты как компоненты коллективных представлений, имеющие наиндивидуальное социально-культурное значение.

Социальным фактом, по определению Дюркгейма, является всякий образ действия, четко определенный или нет, но способный оказывать на индивида внешнее давление и имеющий, в то же время, свое собственное существование, независимое от него. При рождении индивид находит готовыми законы и обычаи, правила поведения, религиозные верования и обряды, язык, денежную систему, функционирующие независимо от него. Эти образы мыслей, действий и чувствований существуют самостоятельно, объективно.

Следствием объективности социальных фактов является другая их характеристика — оказываемое на индивидов давление, принуждение последних к определенному действию. Каждый человек испытывает на себе социальное принуждение. Юридические и моральные правила, например, не могут быть нарушены без того, чтобы индивид не почувствовал всей тяжести всеобщего неодобрения. Точно так же обстоит дело с другими видами социальных фактов.

Субъективистская трактовка социальных фактов представлена в философии неопозитивизма. Наиболее ярко неопозитивистское понимание факта выражено у основоположника логического позитивизма Людвиг Витгенштейна. Он писал: «Мир есть совокупность фактов, а не вещей... факты в логическом пространстве суть мир» [5]. Он считал, что факт — это поддающееся установлению изменение состояния сознания, то есть отличие одного восприятия от другого.

Социальные факты — образы действий, способы мышления и чувствования, существующие вне индивида (то есть объективно) и обладающие по отношению к нему нормативно-принудительной силой.

Социальные факты подразделяются в свою очередь на факты коллективного сознания (идеи, чувства, легенды, верования, традиции) и морфологические факты, обеспечивающие порядок и связь между индивидами: численность и плотность населения, форма жилища, географическое положение и т. д.

Факты коллективного сознания включают в себя следующие классы явлений: общие идеи и чувства, моральные максимы и верования, моральные нормы и юридические кодексы поведения, экономические мотивы людей и интересы людей. По степени консолидации людей различаются структурные (аномические) факты, институциональные факты и социальные течения, проявляющиеся в формировании и реализации общественного мнения.

Различные типы фактов лежат в основе образования социальных форм: простое (или сложное) общество, которым соответствуют механическая и органическая солидарность людей.

Социальный факт — это элемент общественной жизни, который не зависит от индивида и обладает по отношению к нему «принудительной силой» (способ мышления, законы, обычаи, язык, верования, денежная система). Таким образом, можно выделить три принципа социальных фактов:

- 1) Социальные факты представляют собой основополагающие, наблюдаемые, безличные явления общественной жизни;
- 2) изучение социальных фактов должно быть независимым от «всех врожденных идей», т. е. субъективной предрасположенности индивидов;
- 3) источник социальных фактов находится в самом обществе, а не в мышлении и поведении индивидов.

Итак, социальный факт — единичное, общественно значимое событие или совокупность однородных событий, типичных для той или иной сферы социальной жизни или характерных для определенных социальных процессов. Социальный факт обладает независимой реальностью. Важным

вопросом является вопрос о том, что представляет собой фактуальная основа социологического знания?

Факты можно рассматривать в онтологическом (не зависящем от сознания) и логико-гносеологическом планах. В онтологическом смысле факты суть любые не зависящие от наблюдателя состояния действительности или свершившиеся события. В логико-гносеологическом плане фактами называют обоснованное знание, которое получено путем описания отдельных фрагментов реальной действительности в некотором строго определенном пространственно-временном интервале. Это — элементарные компоненты системы знания.

В современной социологии социальными фактами принято считать:

- (а) совокупные, систематизированные характеристики массового поведения;
- (б) совокупные, систематизированные характеристики массового сознания - мнений, оценок, суждений, верований и т. п.;
- (в) совокупные, обобщенные характеристики продуктов человеческой деятельности, материальной и духовной;
- (г) в феноменологически ориентированной социологии в качестве социального факта рассматривается отдельное событие, случай, состояние социального взаимодействия, подлежащее интерпретации с позиций деятельного субъекта. Мы в дальнейшем будем исходить из представления о социальном факте в его социально-типическом, не единичном проявлении. В гносеологическом плане социальные факты обретают смысл благодаря той или иной системе понятий, в которых мы описываем фрагменты социальной действительности.

Отдельные события социальной действительности, как правило, являются элементарными «частичками» массового процесса. Задача социолога — отделить индивидуальные различия, имеющие систематический характер, от случайных и, тем самым, описать устойчивые свойства данного процесса. Для этого применяется аппарат вероятностной статистики, основа которой — закон больших чисел.

Наряду с понятием «социальный факт» употребляется выражение «статистический факт», который можно определить как типические сводные

числовые характеристики, основанные на специально организованном массовом наблюдении социальных явлений. Таким образом, социальные факты — абстракции, коль скоро они — описания некоторых событий в общих понятиях, и (по преимуществу это социально-статистические обобщения.

Социология в фактуальном ее основании утверждает принцип описания событий в определенном социальном контексте или в конкретных социальных ситуациях, т. е. совокупности общих и особенных жизненных обстоятельств, в которых фиксируются наблюдаемые события. Например, при опросах общественного мнения исключительно важно указать, кто и когда был опрошен (состав опрашиваемых), в каких регионах, как задавались вопросы. Не зная этого, невозможно воспринять социальный смысл и значение результатов опроса.

Указанное выше традиционное представление об объекте социологического исследования в последнее время существенно меняется. Это связано с расширением объектно-центрированной среды. Возникают различные новые направления, которые можно объединить под общим названием социальная объектология. Как отмечает такой исследователь, как И.В.Катерный [12], к ним можно отнести такие направления, как как объектоориентированная философия или «онтикология» (Г.Гарман, Л.Брайант и др.), неоматериализм (Дж.Саймон), мобильная социология (Дж.Урри), антропология вещей (А.Аппадюррай, И.Копытофф и др.), микроархеология (Ф.Фаландер и др.),

Термин «объектология» в отечественной науке традиционно применяется в криминалистике для описания «вещественной среды» преступления — следов, улик, приметы преступника и др. [4].

На Западе об «объектологии» и «этологии объектов» первые заговорили дизайнеры (М.Сусани) и архитекторы (Дж.Кипнис) в конце 1980-х — начале 1990-х гг. в связи с исследованием перформативных функций электронных объектов и архитектуры в социальном пространстве, «темная экология» (Т.Мортон), а также акторно-сетевая теория (Б.Латур, Дж.Ло и др.), концепция множественных денег (В.Зелизер), концепция постсоциальных отношений (К.Кнорр-Цетина), «соматология» (П.Йоверс, Ш.Уотсон), «се-

теология» (networkology, К.Витале) и, конечно, целый спектр теоретических разработок в области «науки и техники» (технологический конструктивизм, социальная робототехника, андроид-наука, киборг-антропология и др.) [225].

Все они направлены на реконцептуализацию вещной онтологии в структуре социального пространства и времени, которая раскрывает невиданный ранее масштаб «интенсивно социального» влияния материальной среды человека на различные аспекты его жизнедеятельности.

Как подчеркивает И.В.Катерный [12], сегодня этот термин продолжают использовать в гуманитарной среде от археологов до художников для обозначения исследовательской перспективы, связанной с изучением пространства материальностей, «населяющих города и территории – от больших архитектурных сооружений до микроархеологических артефактов – и артикулирующих вокруг себя политические, культурные и исторические практики».

Однако нужно отметить, что данный термин (объектология) или близкие по смыслу к нему уже изучались классиками социологии еще в XIX в. (М.Вебер, Г.Зиммель, К.Маркс, Ф.Ратцель). Как отмечает И.В.Катерный, базовым все-таки было представление, что любая достойная изучения социальная активность или «участие» являются прерогативой человеческого бытия [12]. Тем не менее, восприятие пространства как «контейнера ресурсов», отмечает такой исследователь как А.Ф.Филиппов, все равно означало одностороннее движение от человеческого к не-человеческому [15].

Как пишет австрийский социолог К.Кнорр-Цетина, «одна из отличительных особенностей современной жизни состоит в том, что, пожалуй, в первые в истории встает вопрос о том, действительно ли другие люди являются наиболее интересным элементом окружающей среды – тем, на которые люди тоньше и охотнее всего реагируют и которые они уделяют наибольшее внимание» [13; 14]. На этом фоне происходит развитие т. н. «постсоциальных отношений», в которых преобладают контакты между живым и неживым и тем самым вытесняют традиционные социальные связи. Тогда возникает другой вопрос: кто или что сегодня обладает большим

социальным капиталом в сетях «организованной сложности» – живые люди или материальная среда, в которой они живут? [12, 81].

Наиболее радикальные представители социальной объектологии требуют подведения нового общественного баланса, где «скрытые, презренные массы нечеловеческого» уже давно обрели практическое (моральное) признание, но продолжают стучать в двери социологии с той же настойчивостью, что и массы человеческие в веке XIX. [19, 200].

Действительно, с одной стороны, человеческое общество, как нам доказывают теоретики модернизации (Д.Белл и др.), овладевает все большими физическими капиталами из окружающей среды – сначала мускульной силой живых существ, потом природными энергиями и материалами и, наконец, информационными и интеллектуальными технологиями. Но, с другой стороны, последовательное завоевание мира материи ведет к трансформации пассивного контейнерного пространства и образованию активной сетевой реальности, где потоки социальных, символических, физических капиталов не имеют единого источника, центра управления и границ между собой [12, 81].

Во всей пестрой палитре работ, посвященных различным аспектам социального участия объектов, пока не хватает систематичности в анализе форм манифестаций материальной стороны социальности. Социология начиналась с описания Дюркгеймом социальных фактов, которые требовалось рассматривать как «вещи». Метафора «вещи» в данном случае синтезировала категории дистанции и активности: «коллективные представления» или, по-другому, социальные институты обладают независимой реальностью и детерминируют человеческое поведение. Однако сегодня мы знаем, что любые ритуализированные практики образуют целый «аппарат», в котором культурные, стратификационные, поведенческие элементы переплетены с материальными [там же].

Именно поэтому, как указывает французский социолог Б. Латур, интенциональность, рациональность социального действия не является свойством вещей, но так же не является и свойством индивида, а проявляется как систематическое свойство «институтов, объединяющих человеческое и

не-человеческое в одно целостное устройство...или диспозитив, как это называл Фуко» [19, 192].

От рассмотрения социальных фактов как вещей социальная объектология переходит к исследованию вещей (в широком смысле) как социальных фактов. Их можно попытаться ранжировать по признаку пространственной масштабности, формирующей среду объектного присутствия от микро- до макроуровня [12].

Как пишет И.Гофман, первым таким социальным фактом, сущностно воплощающим в себе свойства самоподдерживающегося участия и одновременно наибольшей пространственной близости к субъекту как центру «воли, целеполагания и разумности» [8], является человеческое тело. Такие неконтролируемые аспекты тела как пол, возраст, конституция, рост, цвет кожи, цвет волос и др. уже давно изучаются в социологии и психологии восприятия и сколько будет существовать общество, столько оно будет стратифицировано по критерию телесной красоты и безжалостно стигматизировать тех, кто ее лишен.

По Дж.Г.Миду «механизм человеческого общества — это телесные самости, которые помогают или мешают друг другу в актах совместной деятельности по манипулированию физическими вещами» [Цит. по 15, 78]. Любые же физические вещи – это перцептуальные вещи, которые конституируются работой органов чувств. Например, исследование сенсорного восприятия пищи в рамках гастро-политики различных культур является одним из направлений социальной объектологии [16].

Еще одним направлением являются исследования по так называемой «соматологии», где тело изучается как источник социально значимого аффективного действия. Как известно, смех, плач, эйфория, стыд, оргазм, страх, агрессия и другие реакции тела говорят о том, что оно вполне может находиться вне контроля разума и выступать автономным субъектом креативного действия [11].

Поэтому изучение энергетической природы аффективного тела становится особенно актуальным в ситуации нарастания травматического социального опыта. Поиск понимания истоков человеческого насилия внутри

дискурсов, практик и институтов, пишут британские социологи С. Уотсон и П. Йоверс, «неминуемо влечет за собой анализ движения человеческих желаний» [25, 173].

Второй тип материальности, задействованный в формировании социальности, это то, что можно было бы обозначить как артефакты. Это, пожалуй, самый многочисленный кластер, в который входят гофмановский «реквизит» и «обстановка» как видимый материальный фон ролевого исполнения (от одежды до помещений), а также товары, деньги, техника, произведения искусства и даже мусор. Одним словом, все то многообразие, которое в обыденном языке уместается в слово «вещи» или в науке (особенно, археологии) в термин «материальная культура» [12, 83].

В «микрофункционалистском» (гофмановском) ключе уместно утверждать, как пишет И. В. Катерный, что вещи обладают разным типом участия в зависимости от социокультурного контекста и ситуации («порядка взаимодействия»), которые они опосредуют.

Вслед за известным британским философом Р. Харре [18, 42] можно выделить, по крайней мере, пять таких возможных типов:

1) Материальная вещь может служить опознаваемым знаком той или иной ситуации (пример: мяч при игре в футбол, камера в тюрьме);

2) материальная вещь может быть источником, триггером новых (в том числе непредвиденных) социальных событий (пример: развитие техники, мода);

3) вещь может играть особую практическую роль в той или иной ситуации, изначально для нее не предусмотренную (пример: вещи как составные части «счастливого пространства» в феноменологии Г. Башляра или вещи, несущие отпечаток личности их обладателя, как способ фреймирования представления о субъекте как о «таком человеке» в теории И. Гофмана);

4) вещи могут сами категориально трансформироваться, меняя свой статус и тем самым меняя одну ситуацию на другую (пример: улики на месте преступления, «культовые» вещи);

5) вещи могут служить препятствием, барьером для осуществления тех или иных социальных действий (пример: многие вещи становятся заметными и вступают в действие, лишь, когда они портятся, ломаются, разрушаются, становясь своего рода «отсутствующим присутствием»).

В обозначенной перспективе, как мы видим, любая вещь в зависимости от контекста может быть открыта любому типу участия, она не существует сама по себе и не замкнута на одной заданной ей функции, скорее, она «случается» в столкновении, во встрече (в «encounter» по И.Гофману) с человеком и тем самым предоставляет веер возможностей для того или иного социального действия или последствия.

Теоретически для описания качественной взаимозависимости вещи и действия используется категория «возможности-для-действия» или «допустимости» - (affordance), предложенной в 1970-х гг. американским психологом Дж.Гибсоном. Работая в области психологии восприятия, он считал, что необходимо дополнить гештальт-теорию экологическими категориями. Благодаря этому визуальное восприятие, по Гибсону, формировало целостную картину, в которой наблюдаемые предметы становятся частью окружающего мира и тем самым обретают не только форму, но и качества. Эти качества инвариантны, т. е. имеют объективную и независимую от потребностей индивида природу и лишь «приглашают» к правильному распознаванию [12, 84].

Такой подход позволял убрать из психологии дуализм материи и сознания, ибо «информация о свойствах наблюдаемых предметов напрямую связана с (имеющейся) информацией о самом наблюдателе – о его теле, ногах, руках, языке» [12, 84].

Окружающая среда латентно уже содержит в себе все допустимые «возможности-для-действия», которые необходимо лишь актуализировать. Таким образом, возможность-для-действия есть не что иное как материальная диспозиция вещи, которая определяет круг возможных последствий с ее участием. Каждая вещь потенциально образует множественные возможности-для-действия, но они всегда будут упираться в пространственно-временную ограниченность самой вещи [12, 85].

Подобный подход, как пишет И.В.Катерный, применим не только к разнообразным реквизитным предметам, но и к таким социологически «абстрактным» явлениям как деньги [12]. Например, американский социолог В.Зелизер указывает, что деньги в социологии абсолютно несправедливо стали воплощением инструментальной рациональности, культурной нейтральности и социальной анонимности. В реальности же деньги как «открытые возможностям» артефакты «формируются и переформируются посредством множества сетей социальных отношений и множества смысловых систем». Деньги склонны реифицировать и фетишизировать ценности и социальные связи, но последние в ответ сами трансформируют деньги, наделяя их новыми смыслами и встраивая в социальные паттерны [10, 73].

Не существуют единых, универсальных и обобщенных денег, но всегда есть «множественные деньги», которые производятся людьми для каждого типа социального взаимодействия отдельно: «домашние деньги», «деньги как подарок», «институциональные деньги», «моральные (в том числе «грязные») деньги». При этом неправильное использование денег, т. е. неверное распознавание возможности-для-действия, например, если предложить тысячу долларов за пачку сигарет, нормативно вызовет адекватную аффективную реакцию со стороны окружающих других – гнев, удивление, смех [12, 86].

В особую группу социоматериальных фактов некоторые исследователи выделяют т. н. «эпистемические объекты» (Х.-Й.Рейнбергер). В обществе знаний они играют все более и более значимую роль, интенсивно капитализируя такие вещи как технологии, ноу-хау, программное обеспечение, информация, (виртуальные) образы. Более того, именно генерирование, обработка и эффективное использование информации, основанной на знаниях, стали наиболее фундаментальными источниками производительности и власти в эпоху современного «информационализма».

В этом контексте эпистемические объекты не похожи на другие и по своим характеристикам отличаются, например, от техники, «декораций», товаров или простых повседневных вещей. Если последние представляют собой «жесткие изделия», hardware, раз и навсегда готовые к использова-

нию, продаже или складированию, то объекты знания всегда принципиально «текучи», проблематичны и изменчивы. Они являются *software*, похожим, как пишет К.Кнорр-Цетина, «на открытые полки с папками, количество которых постоянно увеличивается» [13, 113].

При этом содержание самих папок безостановочно удаляется и обновляется, мутируя во что-то иное, что никогда не является завершенным и тождественным самому себе. Поэтому эпистемические объекты определяются как «развертывающиеся структуры отсутствия», являющиеся одновременно и тем, чем они не являются (но, возможно, станут) и тем, что они есть в данный момент. Ярким примером распространения подобных фактов-объектов в социальной жизни является финансовый рынок, где неконтролируемый рост кредитных предложений, деривативов, а также спекулятивных фьючерсных сделок, основанных на сиюминутном знании котировок, привел к фундаментальному сбою всей денежной системы глобального капитализма конца первого десятилетия XXI в. [12].

Отдельной группой материальностей, выступающих активными конструкторами социального пространства и времени, можно считать инфраструктурные объекты. Еще в начале 1970-х гг. главной проблемой постиндустриального общества Д.Белл объявил развитие инфраструктуры для коммуникационных сетей, связывающих весь мир воедино [2].

Английский социолог Дж.Урри в 2000-х гг. выделил шесть типов инфраструктурных сетей, влияющих на процесс глобализации на макро и микроуровне. Они включают в себя следующие:

- 1) системы воздушного, железнодорожного, морского и автотранспорта для перевозок людей;
- 2) системы грузоперевозок почтовыми и другими службами;
- 3) кабели и линии электропередачи;
- 4) беспроводная мобильная связь;
- 5) спутниковая сеть;
- 6) оптоволоконные сети для телефонии, компьютеров, ТВ [23, 35].

Все индивиды и организации в обществе, чтобы вести активную жизнь, вынуждены искать пути подключения к этим сетям через наборы опреде-

ленных (технических, финансовых, реквизитных) артефактов, создавая тем самым «узлы», в которых человеческое и нечеловеческое становятся неразличимыми до неузнаваемости. Например, как пишет И.В.Катерный, человек, едущий в автомобиле с активной системой безопасности по платной дороге с включенным радио и работающим навигатором и разговаривающий по телефону – где в этом материальном движении или потоке, как говорит Урри, активные и пассивные стороны, где граница между субъектом и объектом, где начинается и заканчивается человеческое? [12].

По сути, инфраструктурные сети (scapes) идвигающиеся по ним потоки создают сложные и устойчивые связи во времени и пространстве между людьми и материальностями в виде настоящих социотехнических гибридов. И, наконец, еще один важнейший класс пространственных и материальных объектов, который задействуется в анализе современных социальных практик, это экологические и (субчеловеческие) биообъекты [там же].

Сюда относятся природные стихии и явления (от дождя до торнадо), энергии и излучения (солнечная энергия, радиация и др.), ресурсы (возобновимые и невозобновимые), субстанции и вещества (от тяжелых металлов до камня и дерева и т. п.), биоорганизмы от микробов (в том числе болезнетворных) и эмбрионов (как объектов биоэтики) до флоры и фауны, а также территории, экосистемы, биосфера и Земля в целом (как объекты экологической этики) [12, 86].

В свое время И.Гофман разделил системы фреймов, «матрицы возможных событий», на природные и социальные. Природные – определяют события как ненаправленные, бесцельные, неодушевленные, неуправляемые. Здесь царят детерминизм и предопределенность (гофмановский пример – это сводка погоды), в то время как социальные фреймы обеспечивают фоновое понимание событий, в которых участвуют воля, целеполагание и разумность, т. е. живая деятельность, воплощением которой является человек [8].

В конце 1990-х гг. Э.Гидденс провозгласил начало эпохи, в которой природе «пришел конец». Природный мир и физические процессы не перестали существовать, но многие вещи, которые ранее определенно носили

естественный характер, становятся все больше искусственными, и «мы не всегда в состоянии точно определить, где кончается первое и начинается второе» [6, 44].

Первым образом новой эпохи У.Бек не без иронии называет радиоактивное облако Чернобыльской катастрофы – «та мощная цивилизационная сила, превратившаяся в силу природную, в которой парадоксальным и сверхмощным образом соединились история и погода» [3, 7]. Таким образом, «к концу XX века, – констатирует У.Бек, – природа оказалась покоренной и до предела использованной, превратившейся из внешнего феномена во внутренний, из существовавшего до нас в воспроизведенный» [там же, 7-8].

В рамках своей т. н. «темной экологии» англо-американский философ Т.Мортон призывает вообще отказаться от применения термина «природа» как онтологически не валидное и выдвигает в качестве предмета социально-экологических исследований особый вид гибридов – гиперобъекты. Особенности их являются неразличимость естественного и искусственного компонентов их внутренней структуры, а также широкомасштабность проявлений в социальном пространстве и времени. К таким объектам следует относить, в частности, климатические изменения, пенополистирольные массы, плутониевую радиацию [20, 130].

В своей «гиперреальности» (превосходящей по длительности своих последствий жизнь всех известных биологических форм) они проявляют себя как вестники новой эпохи, где они станут «демоническими инверсиями религиозных сущностей», ибо будущие поколения людей будут вынуждены сотни и тысячи лет непрерывно заботиться о том, чтобы эти объекты не уничтожили их совсем [12, 87]. И эта «темная экология», возможно, будет основанием новой духовности и новой религии человечества [20, 132].

Глобализация как процесс сжатия социального пространства и времени неминуемо ведет к образованию точек притяжения и амальгамизации множества различных социальных объектов в локальных масштабах, образуя кластер, в который входят то, что английский социолог М.Роуч называет «мега-событиями» [21], а Дж.Урри (туристическими) «местами» [23].

Подобные места и события, примерами которых могут быть Олимпиады, выставки, концерты «звезд», зоопарки, географические и исторические достопримечательности и многое другое, являют собой, по выражению М.Роуча, «социально-пространственные центры внимания», своего рода социоматериальные воронки, которые постоянно притягивают и сплавляют внутри себя весь спектр социальной активности, производя на свет новые, синтетические формы объект-центрированной среды – ассамбляжи [12, 88].

Тела, эмоции, артефакты, медиа, инфраструктура, экология – все это невероятным образом сливается в местах и событиях, стирая онтологическую дистанцию между субъективным и объективным. Коллекционирование разнообразных мест и событий формирует новую глобальную культуру, трансформируя традиционное понимание социальной стратификации, дополняя ее структуру туристическим капиталом, т. е. багажом посещенных мест и событий. «Места надо увидеть и прочувствовать «самому», – пишет Дж. Урри, описывая страсти современного туризма, – побывать в том доме, где прошло чье-то детство, или посетить определенный ресторан, прогуляться по берегу именно этой реки и обязательно вскарабкаться именно на этот холм, и, конечно, все лично сфотографировать [там же]. Сопричастность подразумевает, что вы увидите, дотронетесь, услышите, ощутите запах или вкус конкретного места» [23, 142].

Таким образом, в современном мире происходит «объектуализация» социальных отношений, ведущая к смене традиционных институтов социальной идентификации (классы, семья, групповые общности) и образованию новой системы связей, где различные конфигурации социальных объектов выступают активными факторами формирования социальных ценностей, норм, ролей и статусов, т. е. социальной солидарности как центральной темы социологического дискурса.

Другим важнейшим следствием этого процесса становится деконструкция понятия и института собственности, легитимизировавшего во все времена власть человека над социальными объектами. Распространенность, сложность и подвижность объектов делает их неподвластными человеку. Ничем нельзя распорядиться или завладеть окончательно, т. к. объекты

становятся слишком «странными» – либо по-человечески активными, либо не до конца изученными, либо слишком мимолетными, либо ненадежными. На смену власти и собственности идет новая практика и этика подглядывания и приглядывания за миром объектов. Человек учится быть посетителем и привратником в окружающем мире, где он призван не управлять, а охранять, ухаживать и заботиться, а, возможно, и поклоняться не-человеческому [12].

«Онтический принцип» объект-ориентированной онтологии, реанимируя аристотелевское понятие «(первой) субстанции», гласит, что все наличные манифестации, включая живых людей, культурные артефакты, символы, экологические объекты, обладают одинаковым статусом во Вселенной, составляя единую, плоскостную не-иерархическую реальность, ибо все они существуют «объективно», но при этом обладая своей собственной «субъективностью» внутри себя [17, 261-278].

Это значит, что всякий дуализм, противопоставляющий сознание материи, живое неживому, естественное искусственному, активное пассивному и всегда подразумевающий приоритет «первого» над «вторым» утрачивает свое значение в контексте матрично-сетевого пространства [12, 89].

Сетевыми пространствами являются сами люди, а также предметы, атомы, символы, общества и связи между ними. Объекты наравне с людьми становятся «аватарами» (К.Витале) или «актантами» (Б.Латур) матрицы сетевых потоков, производящими все новые и новые комбинации социоматериальных «связей» и «узлов». Перефразируя Гегеля, молодой американский ученый К. Витале заключает, что «кто смотрит на мир сетеологически, на того и мир глядит через призму сетей» [24, 153].

Литература:

1. Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. Социологический словарь. — М.: Экономика, 2004. — 620 с.
2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество / Пер. с англ. М.: 2001. — 365 с.

3. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. М.: 2000. – 343 с.
4. Винберг А. И., Малаховская Н. Т. О принципах классификации объектов в судебно-экспертной объектологии // Методология судебной экспертизы: Сб. науч. тр. ВНИИСЭ. М.: 1986. - С. 46-68.
5. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. – М., 1958. – 345 с.
6. Гидденс Э. Социология. – М.: 1999. – 420 с.
7. Глотов М.Б. Объект и предмет социологии // Харчевские чтения. Сессия 2. XIV. Измерения социологического знания.
8. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / пер. с англ. Р. Е. Бумагина и др. М.: Институт социологии РАН, 2003. – 478 с.
9. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд / Пер. с фр. А. Н. Ильинского. СПб.: Издание Н. П. Карбасникова, 1912. – 233 с.
10. Зелизер В. Создание множественных денег // Западная экономическая социология. Хрестоматия современной классики. М.: 2004. – С. 67-89.
11. Йоас Х. Креативность действия / Пер. с нем. СПб., 2005. – 325 с.
12. Катерный И.В. Социальная объектология: пролегомены и классификация социальных объектов // IV Очередной Всероссийский социологический конгресс. Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие. Сессия 1. Общества и теории: отражения, отторжения, притяжения.
13. Кнорр-Цетина К. Объектная социальность: общественные отношения в постсоциальных обществах знания // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Том V. №1. – С. 87-112.
14. Кнорр-Цетина К., Брюггер У. Рынок как объект привязанности: исследование постсоциальных отношений на финансовых рынках // Социология вещей. Сборник статей / Под ред. В.С.Вахштайна. М.: 2006. – С. 45-78.
15. Филиппов А.Ф. К теории социальных событий // Логос. 2005. № 5 (50). – С. 45-57.
16. Appadurai A. Gastro-Politics in Hindu South Asia // American Ethnologist. 1981, №8. P. 494-511.
17. Bryant N. Srnicek and Graham Harman. Melbourne, 2011. – 365 p.

18. Harre R. Material Objects in Social World // Theory, Culture and Society. 2002, Vol. 19 (5/6). – P. 34-56.
19. Latour B. Pandora's Hope. Essays on the Reality of Science Studies. London, 1999. - 354 p.
20. Morton T. The Ecological Thought. Harvard University Press, 2010. – 432 p.
21. Roche M. Mega-Events and Modernity: Olympics and Expos in the Growth of Global Culture. London, 2000. – 265 p.
22. Susani M. The Fourth Kingdom // Ottagono, Industrial Design Quarterly. 1992. № 105. – P. 56-72.
23. Urry J. Sociology Beyond Societies: Mobilities for the Twenty-First Century. Routledge, 2000. – 365 p.
24. Vitale Ch. Networkologies, a Manifesto, Section I // Speculations: A Journal of Speculative Realism. Issue № 1. URL: <http://www.speculations-journal>. - P. 45-56.
25. Watson S., Jowers P. Somatology: Sociology and the Visceral // Sociology after Postmodernism. London, 1997. – P. 71-89.

2.2. СОЦИАЛЬНЫЙ АКТИВИЗМ (АКТИВИСТСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ)

Активистская социология, как пишет такой исследователь, как О.Н.Яницкий, является междисциплинарной (гибридной) концепцией [1]. В основе ее лежит микро или макро конфликт. Активистский дискурс переходит из дискуссионной фазы в фазу, связанную с протестными настроениями и движениями. Само название «активизим» происходит от понятия «активность». Активность связана с субъектами активности или акторами.

Применительно к современной России смысл жизни многих таких акторов - это борьба за доступ к благам европейской цивилизации, борьба против тех, кого они считают своими угнетателями. Эти акторы, как отмечает Яницкий О.Н. [1, 295], часто изначально сконструированные в недрах западных обществ, стали теперь самостоятельными и действуют по всему

миру в форме легионеров или «неопознанных вооруженных формирований» [там же].

Активизм, мирный или вооруженный, всегда подразумевает конфликт, социальный, политический, религиозный. Ядерное оружие постепенно теряет роль фактора сдерживания, потому что ежегодно от локальных войн, болезней, голода и конфликтов реально гибнет на порядок больше людей, чем от взрыва атомной бомбы.

В своей основе социальный активизм может иметь самые разные причины: агрессивность финансового капитала в отношении «слабых», амбициозные, плохо просчитанные глобальные проекты (как, например, Объединенная Европа), деградирующие государства и местные сообщества, агрессивность масс людей, доведенных до отчаяния своим бедственным положением (серия революций в государствах Северной Африки).

Выделяющаяся при этом энергия распада, проявляется в форме активизма беженцев, вынужденных переселенцев, людей, запертых в современных гетто и потому вынужденных братья за оружие. Так или иначе, активизм есть результат конфликта. Широко используемый сегодня западными социологами термин «турбулентные времена» есть лишь эвфемизм конфликта экономических или политических интересов [1].

Весь этот сложный запутанный конгломерат кооперативных и конфликтных взаимодействий не может охватить ни одна отрасль современного дисциплинарно организованного социологического знания.

Поэтому современная социология – гибридная наука [2]. Дисциплинарная организация социологии как института есть лишь отражение «отраслевой» организации общества, присущей первому модерну.

Сегодня всякий труд и его продукт есть результат объединения усилий множества специалистов. Какую бы отрасль знания или практики мы бы ни взяли – везде процесс и продукт труда является результатом согласованных усилий множества людей, а теперь еще и специалистов-универсалов [1].

Однако пока большинство социологов сегодня изучают лишь какой-то один маленький «срез» поведения этих сложных (гибридных) систем. И в этом, по мнению автора, заключена слабость современной активистской

социологии. Итак, по его мнению, конфликт – ключевая категория активистской социологии. Это потому что глобализация – это не просто «больше связей» и не только «глобальное в локальном», то есть глокализация, по М. Уотерсу.

Глобализация – это сближение, уплотнение, столкновение *очень разных мир-систем*, более сложные и многосторонние связи между ними, которые, в конечном счете, ведут к конфликтам государств, сообществ, культур и цивилизаций. Глокализация уже породила множество национальных, территориальных и иных конфликтов [1].

Именно поэтому полагается, что сегодня, конфликт – ключевой социологический факт и методологический отправной пункт любого социологического анализа в рамках активистской парадигмы. Конфликт всегда сопровождает переход от одного типа общества к другому. Однако это утверждение не равнозначно императиву «поступательного развития».

Напротив, сегодня самые жестокие конфликты разворачиваются между «современными» и «архаичными» обществами, между территориальными и сетевыми системами, между обществами первого и второго модерна, между развивающимися экстерриториальными кластерами и деградирующими местными общинами.

Проблема в том, что развитые общества для того, чтобы локальные войны и конфликты, не перешли в глобальную ядерную войну, вынуждены тратить значительную часть своих ресурсов на «кормление» деградирующих обществ и государств. Так возникают два социальных слоя, которые мы тоже редко изучаем: международная бюрократия и кормящаяся за счет гуманитарной помощи международных организаций уже в течение нескольких поколений класс «вынужденных и необразованных бездельников», готовых в любую минуту взяться за оружие, чтобы уничтожать своих соплеменников [1, 296].

Конфликты редко разрешаются. Чаще, они переходят в иное, «замороженное» состояние или балансируют на грани катастрофы. Вот уже двадцать лет вся мировая и российская социология обсуждает феномен резко-

го распада СССР, повлекшего за собой серию больших и малых конфликтов.

А феномен «Арабской Весны», когда за очень короткий период произошёл резкий слом политических режимов практически в десятке стран, режимов, стабильно существовавших десятки лет? Этот слом тоже не получил адекватного социологического осмысления. И что самое серьёзное, значительная часть этих конфликтов продолжается. А конфликты и распри во вчера ещё Объединенной Европе? Что об этом может сказать наша социология, твердящая, что нашей целью является стабильность и порядок? [1].

Власть пугает народ призраком «цветных революций» и следующим за ним хаосом, но ничего не делает, впрочем, как и само социологическое сообщество, для изучения этих процессов. Автор отмечает, что нет серьёзных исследований по теории революций (далеко не всякая революция сопровождается насилием, вспомним опыт «вельветовых революций» в странах Восточной Европы). Нет длительных исследований политических и социальных движений, акций протеста и вообще – реакции гражданского общества что на «Арабскую Весну», что на множественные акции протеста в нашей собственной стране.

Практически не изучаются также контр-движения, причем даже такие легальные организации, как Объединенный народный фронт, не говоря уже о прокремлевских молодежных организациях. В высших учебных заведениях нет стабильных курсов по теориям революций и социальных движений [1, 297].

Совокупность вышеназванных процессов автор называет «обществом всеобщего риска». Вступление в фазу «общества всеобщего риска» означает общий рост нестабильности, неустойчивости, непредсказуемости мир-системы. Об этом писали и пишут М. Арчер, У. Бек, М.Буравой, Ч.Тилли и другие. Условием сохранения стабильности любого социального организма являются его непрерывное изменение. Это – закон, одинаково верный для природных и социальных систем.

Понятийный аппарат активистской социологии приложим по мнению автора в условиях глобализации превращении социологии (активистской социологии – В.К.) в геосоциологию или геополитику. Главными акторами глобальной политики являются транснациональные банковские системы и корпорации. Именно от них зависят инвестиции, миграционные потоки и, в конечном счете, состояние и благополучие мировой экономики и отдельных граждан. В любом вопросе, в решение которого сегодня вовлечена социология, содержится сильный геополитический аргумент. Возникают новые объединения, которые автор называет «кластерными объединениями» [1, 297]. Эти сетевые кластерные объединения, в конечном счете, по мнению автора, будут определять всю экономическую и социальную географию нашей страны, ее социально-профессиональную структуру, миграционные потоки и т. д.

Другая сторона социологии как геополитики состоит в том, что самые мощные «кластерные» системы как, например НАТО, не могут справиться с малыми архаичными сообществами и даже племенами. И после ухода НАТО из них эти страны в еще большей степени становятся производителями рисков (конфликты между разными моделями ислама, производителями наркотиков, потоками беженцев и вынужденных переселенцев). Последствия провала военной авантюры этой организации в Ираке и Афганистане – лучший тому пример.

Более того, в мире и частично в России есть подобные малые сообщества, которые не только непобедимы, но оказывают растущее влияние на центральную власть. Малое – не значит слабое, особенно если оно имеет идеологию (религию) и хорошо вооружено. Так что экспорт демократии ни к чему хорошему не приводит, кроме, конечно, увеличения «интереса» главных стейкхолдеров [1, 298].

Активистская социология имеет, по крайней мере, два уровня: макро и микро. Макро – это уровень действий транснациональных корпораций, международных правительственных и финансовых организаций. Это требует своего социологического исследования. А ведь именно транснациональные корпорации и транснациональные финансовые организации во многом оп-

ределяют динамику мирового сообщества. И одновременно, конкурируя, порождают конфликты по всему миру. Микро – это «взгляд снизу», от конкретного человека потребителя, местного сообщества. Это требует тоже своего социологического подхода, социологического исследования потребителя и сообществ потребителей.

Литература:

1. Яницкий О.Н. Проблемы активистской социологии в России IV Очередной социологический конгресс. Секция «Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие»
2. Latour B. Pandora's Hope. Essays on the Reality of Science Studies. London, 1999. - 354 p.

2.3. СОЦИАЛЬНЫЙ АКЦИОНИЗМ

Социальный акционизм как социологическая концепция на уровне микросоциальных процессов связана с изучением конфликтов и неравенства. Данная социологическая парадигма сформулирована французским социологом Алленом Туренном [2]. В книгах «Социология действия» (1965) и «Производство общества» (1973) он представил исследовательский подход, основанный на тезисе, что социальное действие порождает ценности и нормы, которые служат для индивидов ориентирами в их деятельности и придают этой деятельности устойчивость и упорядоченность, то есть образуют социальные структуры.

То, что мы называем обществом, не является, по мысли Турена, системой – единой и четко структурированной совокупностью норм и поведенческих образцов, определяющих деятельность индивидов. Общество – это арена борьбы акторов (от франц. *Acteur* – действующее лицо, деятель) за утверждение их целей и представлений о том, как должны строиться отношения между людьми, в качестве ценностей и норм [1].

Социальные структуры порождаются не всяким действием, а только «историчным», то есть направленным на борьбу за поддержание или изменение общих условий жизни людей. Историчность (то есть способность творить общество как историческое явление) – это характеристика, которую деятельность индивидов приобретает, если они становятся участниками социального движения – организованного коллективного поведения акторов, борющихся за интересы своего класса.

Поскольку социальным, а значит, относящимся к предмету социологии, является не изолированное индивидуальное действие, а действие, реализующее цели социального движения, социологическое исследование должно вестись особым способом, который Турен назвал социологической интервенцией (от лат. *interventio* – вмешательство). Исследователь должен быть участником изучаемого социального движения, участвовать в повседневных взаимодействиях, совместно с другими участниками данного движения формулировать цели движения и выяснять, как действия соотносятся с целями, характеризуются ли они историчностью [1].

Социологическое знание – это практическое знание акторов, осознание историчности и управление ею. Поэтому исследователи сами должны быть акторами, вмешиваться в социальные процессы, а не занимать позицию нейтральных наблюдателей.

Социальный _акционализм, как и феноменологическая социология и прочие микросоциологические парадигмы, недооценивает влияние на жизнедеятельность людей факторов, которые не являются частью их взаимодействия, их жизненного мира и которым поэтому они могут не придавать никакого смысла, но которые от этого не перестают оказывать реальное воздействие. Например, профессия врача или учителя как вид деятельности социально конструируется теми, для кого эта деятельность является частью повседневной жизни и имеет определенный смысл, – врачами, преподавателями и студентами медицинских учебных заведений, пациентами или учителями, преподавателями и студентами педагогических учебных заведений, учениками и их родителями [1].

Между тем экономические, правовые или политические решения бизнесменов, государственных чиновников и парламентариев, никак не связанных с жизненным миром этих профессий, могут влиять на количество рабочих мест, уровень оплаты труда, количество учебных заведений и условия приема в них, уровень технического оснащения и т. д.

Макросоциальные явления как факторы, определяющие условия и характер взаимодействия, и связи между различными макросоциальными явлениями не входят в предмет феноменологической социологии, символического интеракционизма, теории социального обмена, теории рационального выбора, социальноакционализма. Это не означает, что микросоциологические парадигмы в меньшей степени, чем макросоциологические, адекватны исследовательским задачам, которые необходимо решать социологам. Это лишь означает, что средствами одной парадигмы или одного типа парадигм все исследовательские проблемы решить не удастся и что мультипарадигмальность в социологии отражает существование в ней этой проблемы [1]. Социальный акционализм относят к постмодернистской методологической парадигме.

Литература:

1. Иванов Д.В. Парадигмы социологии: Учебное пособие. - Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. – 72 с.
2. Турен А. Возвращение человека действующего: очерк социологии. М.: 1998. – 326 с.

2.4. СОЦИОЛОГИЯ ЖИЗНИ

Тощенко Ж.Т. в своей работе «Социология жизни как концепция исследования социальной реальности» определяет социологию как исследование социальной реальности, (взаимосвязь между макро- и микромиром; между объективно-предметным и субъективно-ценностным подходом) [10].

Выражением этого подхода является концепция социологии жизни, суть которой выражается в определении – «человек в обществе, общество в человеке» [1]. Социология жизни – это концепция о движущих силах сознания и поведения людей и их функционирование в конкретных социально-экономических, социально-политических и социально-культурных условиях, олицетворяющих влияние общественной макро-, мезо- и микро-среды.

Выражением конструктивистского подхода становится концепция социологии жизни, зачатки которой проявили себя еще в XIX веке, но не привлекли в то время особого внимания. Еще Жан Мари Гюйо (1854 – 1888) выдвинул положение, согласно которому центральным понятием социологии провозглашалась реальная жизнь [10]. В соответствии с этим Гюйо считал индивида интегральной частью социального целого, в которой органически сочетается все многообразие социального мира со всеми его достижениями, противоречиями и нерешенными проблемами.

Эта точка зрения получила определенное развитие в теории социального действия (М. Вебер, А. Турен), в теории социального обмена (Дж. Хоманс, П. Блау), в символическом интеракционизме (Дж. Мид), и особенно в феноменологической социологии. Но многие из этих теорий и особенно феноменология абсолютизировали только одну сторону жизни – ее субъективность, что давало возможность ее оппонентам справедливо упрекать ее в односторонности, в психологизации реальности, в игнорировании объективных условий развития [там же].

Еще более определенную ориентацию на человека как основной предмет исследований социологии выразил Э. Гидденс, назвав ее «ослепительным и захватывающим предприятием, чьим предметом является поведение людей как социальных существ».

Социологический конструктивизм и породил одну из своих концепций – социологию жизни. Ее ценность заключается в том, что именно сознание и поведение людей выдвигается на первый план при выявлении существенных положений социологии. Именно анализ такого феномена – «человек в обществе, общество в человеке» (П. Бергер) – составляет сущность конст-

руктивистской парадигмы и позволяет с наибольшей полнотой судить как о человеке, так и об обществе. Причем эта ориентация на такое понимание взаимосвязи человека и общества все больше и больше усиливается [10].

Суть социологии жизни образует целостное, комплексное изучение общественного (в том числе группового и индивидуального) сознания и поведения (деятельности) в условиях социально-экономической, политической и духовно-культурной среды [10].

Так как одним из исходных, базовых понятий социологии жизни является общественное сознание, отметим, что реальное сознание, вырастая непосредственно из практической деятельности, не отделено от общественного бытия.

Более того, оно отражает (и мы думаем, вполне обосновано) не только случайные, стихийные связи и отношения, но и устойчивые тенденции его развития (пусть и в несовершенном виде). Человек развивается как родовое, общественное существо и прежде всего при помощи своего сознания и его реализации во всех сферах общественной жизни. Именно это еще на рубеже XX века отметил А.А. Богданов, когда, раскрывая сущность учения К. Маркса о природе и обществе, он писал, что в своей борьбе за существование люди не могут объединяться «иначе, как при помощи сознания» [2].

Реальное сознание по своему содержанию представляет собой сочетание рационального и эмоционального, переплетение мировоззренческих элементов, устоявшихся традиционных связей и привычек. И если эмоциональный компонент реального сознания больше связан с непосредственным впечатлением, сиюминутным воздействием, то его рациональный компонент может интегрировать и прошлый опыт, и уроки не только личной, но и общественной практики, улавливать общественное звучание многих происходящих событий. В этом и проявляется то, что роднит отдельные элементы практического восприятия действительности с научным, теоретическим сознанием [10].

Преобладание стихийного, эмоционального в реальном сознании и поведении ни в коей мере не снимает значимости рационального, возможно-

сти в конечном определять направленность и зрелость общественного сознания и общественной деятельности.

Кроме того, реальное сознание присуще не только отдельной личности или случайным группам людей. Оно – продукт коллективного творчества, характерного как для всего общества, так и для социальных групп, слоев и общностей.

Возникая, как реакция на непосредственное восприятие действительности, как отражение сложившихся условий существования, реальное сознание приобретает самостоятельную роль, выражаясь в общественном мнении, умонастроениях людей.

Реальное сознание включает в себя здравый смысл, который не отрицает возможности познания глубинных сущностных процессов – оно даже предполагает его постоянное обогащение и использование в практической жизни человека.

Реальное сознание, пишет Ж.Т.Тощенко, не является результатом какой-то специализированной деятельности (в отличие от конкретных ее форм – политической, эстетической, нравственной и т.д.) и воспроизводится всеми видами деятельности человека.

Поскольку любая деятельность несет в себе принципиальные, сущностные моменты общественной деятельности, можно сказать, что сознание, порождаемое этой деятельностью, способно фиксировать общую линию развития. То, что это сознание оперирует «первичными мыслительными формами», ни в коей мере не означает, что сфера реального, практического сознания ограничивается только «мелкими» вопросами бытия [10].

Именно это противоречие – отражение непосредственно окружающей действительности и возможность глубинного, а не поверхностного ее восприятия – и характеризует состояние реального сознания и соответствующее поведение людей.

Результаты деятельности людей, «включая их ошибки, оказывают обратное влияние на все общественное развитие, даже на экономическое» (К. Маркс). Хотя реальное сознание формируется под влиянием непосредственного опыта, в общественном воплощении оно образует своеобразное

явление, творцом которого выступают класс, нация, социальная группа или социальный слой.

Реальное сознание не есть собрание или механическое обобщение идей и взглядов – оно образует новую специфическую сущность, в которой проявляются устойчивые тенденции, объективно отражающие как состояние сознания, так и глубину осмысления им общественного бытия.

И наконец, реальное сознание отражает общественные противоречия, широкую гамму повседневных коллизий и иллюзий, нередко очень близких по своей сути к обыденному сознанию.

«Взятое... как совокупность обыденных переживаний, то есть всех тех горестей и радостей, надежд и разочарований, из которых складывается повседневная жизнь, это обыденное сознание оказывается сплошным беспокойством, по сравнению с которым научное и философское сознание представляются чем-то вроде атараксии мыслителей эпохи эллинизма» [7, 121].

При рассмотрении реально функционирующего общественного сознания с точки зрения социологии необходимо обратить внимание на весьма высокую степень его операционализации, хотя и до сих пор мы встречаем утверждение, что изучение общественного, группового и индивидуального сознания является прерогативой только философии, психологии и естествознания.

Несмотря на кажущуюся трудность, пишет Ж.Т. Тощенко, следует исходить из представлений, что общественное сознание состоит из и соответственно исследуется при помощи таких его компонентов как знания, убеждения, мнения (когда социолог выясняет, что люди знают, насколько они информированы, насколько «научно» их понимание тех или иных процессов и явлений); как ценностные ориентации (какие устремления, желания рассматриваются как важное условие существования, каковы оценки и регулирования поведения), как мотивы и потребности (на реализацию каких потребностей и интересов направлены усилия людей), как установки (ценностные отношения к социальному объекту, психологически выражающиеся в готовности к положительной или отрицательной реакции на него) [10].

На взгляд автора, особо пристальное внимание надо обратить на феномен социального настроения – доминантную характеристику общественного сознания, которая, как показывают результаты социологических исследований, является устойчивой характеристикой при возможных весьма изменчивых показателях отношения людей к конкретным экономическим и социальным реалиям [4; 6; 9].

Вместе с тем, очевидно, что при изучении социальной жизни компоненты общественного сознания (знания, потребности, мотивы, ценности, установки) становятся реальной силой только тогда, когда они воплощаются в деятельности, в поведении людей. Не секрет, что не все общественные намерения, желания, ориентации по тем или иным причинам реализуются в поступках, в акциях, в реальных делах. Понять, что мешает их претворить в жизнь – в этом состоит одна из важнейших задач любого социологического исследования.

Живое, практическое сознание и поведение – это реально функционирующая общественная жизнь во всем сложном переплетении как закономерных связей и отношений, так и случайных, единичных, а иногда и противоположных социальному прогрессу взглядов, идей и представлений. Именно такой подход к реальному сознанию и поведению – как к живому, полному противоречий и драматизма общественному явлению, функционирующему в условиях непосредственно практического опыта, способному предвосхитить (или включить в себя) элементы теоретического сознания, позволяет объяснить на языке социологии многие процессы, выявить общее, присущее не только всем сферам общественной жизни, но и различным социально-экономическим системам [10].

В этой связи автор напоминает П.А. Сорокиным характеристику социологии как «науки, изучающей поведение людей, живущих в среде себе подобных» [9].

Следовательно, вторым базовым понятием является поведение людей, которое выступает ступенью реализации всех или отдельных компонентов реально функционирующего общественного сознания. Сознание и поведение неразрывно связаны между собой, обуславливают друг друга, постоян-

но взаимодействуют, обогащают друг друга и конфликтуют между собой. Поэтому их нужно анализировать в неразрывном единстве, взаимосвязи и взаимообусловленности [10].

Иначе говоря, реальное, живое сознание и поведение – самые «богатые» по своим проявлениям общественные процессы. Фактически они отражают на эмпирическом уровне состояние общественных связей и взаимодействий во всем их многообразии, противоречивости, случайности и необходимости. Именно они выступают чутким показателем состояния, хода развития и функционирования общественных процессов, всей общественной жизни. Поэтому их исследование создает важную основу для принятия научно обоснованных решений во всех без исключения сферах общественной жизни – от экономической до духовной.

Однако, отмечает автор, чтобы не впасть в субъективизм, следует отметить, что, на наш взгляд, необходимо принимать во внимание не просто сознание и поведение, а их функционирование в конкретных социально-экономических, социально-политических и социально-культурных условиях, олицетворяющих влияние всех видов общественной макро-, мезо- и микросреды. Социолог призван учитывать «особые жизненные обстоятельства», определяющие сознание и поведение людей, «каждый из которых хочет того, к чему его влечет физическая конституция и внешние, в конечном счете, экономические обстоятельства (или его собственные, личные, или общесоциальные)...» [6, 396].

Иначе говоря, живое, практически функционирующее сознание – это и есть сознание деятельного человека. Таким образом, сознание и поведение человека в конкретной социально-исторической обстановке, которые обуславливают появление и функционирование различных социально-демографических, национальных, социально-профессиональных структур, и являются предметом социологии.

Изучение сознания и поведения людей переводит социологию из плоскости регистрирующей науки в плоскость активной общественной силы, участвующей в решении всех без исключения актуальных проблем развития человечества.

В этой связи уместно напомнить, что общественное сознание и поведение становятся предметом изучения только в условиях гражданского общества – общества, рожденного на определенной стадии исторического процесса, как результат наступления эры новой истории, ведущей свой отсчет от периода великих буржуазных революций, от того времени, когда общество отделилось от государства. Ни у кого не вызывает сомнения, почему в условиях тоталитаризма, диктатуры, монополии власти не требуется изучение настроений, мнений людей, их судеб и перспектив жизни (как не требуется и сама социология).

Только в условиях гражданского общества человек может демонстрировать принципиально новые черты поведения и образа жизни, когда он получает возможность действовать как самостоятельная общественная сила, влияние которой в значительной степени зависит от уровня и степени сознательности, творчества участников реального исторического процесса.

О том, что творцом и движущей силой развития этого общества является сознание и поведение людей, говорит и такое образное выражение английского историка и философа Т. Карлейля: «Революции происходят не на баррикадах – они проходят в умах и сердцах людей!»

Обобщая сказанное, можно сказать, что социология – это наука о движущих силах сознания и поведения людей как членов гражданского общества. Предмет социологии как науки включает: реальное общественное сознание во всем его противоречивом развитии; деятельность, действительное поведение людей, которые выступают как предметное воплощение (по форме и содержанию) знаний, установок, ценностных ориентаций, потребностей и интересов, фиксируемых в живом сознании; условия, в которых развиваются и осуществляются реальное сознание и деятельность, действительное поведение людей.

Все перечисленное позволяет Ж.Т. Тощенко назвать данную концепцию социологией жизни, так как она оперирует показателями отношений людей к реальным проблемам, ситуациям, их взаимодействиям с ними, отношением людей ко всему тому, что происходит в обществе, в котором они работают и живут [10].

Литература:

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: 1995. – 432 с.
2. Богданов А.А. Из психологии общества. – СПб., 1906. – 357 с.
3. 58. Глотов М.Б. Объект и предмет социологии // Харчевские чтения. Сессия 2. XIV. Измерения социологического знания.
4. Левада Ю.А. Рамки и варианты исторического выбора: несколько соображений о ходе российских трансформаций // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. 2003. № 1. - С. 6-15.
5. Левада Ю.А. От мнений к пониманию. Социологические очерки. 1993 – 2000. – М.: 2000. – 387 с.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 37. – 696 с.
7. Ойзерман Т.И. Философия и обыденное сознание // Вопросы философии. 1967. № 4. – С. 120-131.
8. Сорока Ю.Г. Повседневное и социологическое восприятия социальной реальности как проблема социологического образования // Зб. Наук. Праць ДонДУУ: «Соціологія управління». Серія «Спеціальна та галузева оціологія». Т.: Вип. 2 (47). Д.: 2005. - С. 112-117.
9. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: 1992. – 634 с.
10. Тощенко Ж.Т. Социология жизни как концепция исследования социальной реальности // <http://toschenko.ru/publication/13/>

2.5. ИНВАЙРОМЕНТАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Инвайроментальная социология получила свое развитие в США. Американский инвайронментализм имеет богатые и давние (с середины прошлого века) традиции.

Наиболее ярким примером такого синтеза может служить американский инвайронментализм представляющий собой соединение определенно-

го типа мировоззрения и теоретических основ соответствующих социальной дисциплины с практикой массового социального движения [1].

Нынешний этап его развития, как в теоретическом, так и социально-политическом плане начинается с середины 70-х годов и связан как считают большинство инвайронменталистов с последствиями (экономическими социальными политическими и проч.) энергетического кризиса 1973 года.

Институциональные основы развития инвайронментального движения и социально-экологических исследований были заложены несколькими годами раньше (принятие в 1969 году законопроекта о национальной природоохранной политике проведение в 1970 году Дня защиты Земли создание различного рода природоохранных организаций на общенациональном и локальном уровнях).

К началу 80-х годов формулируются основные (начальные) положения «новой инвайронментальной парадигмы» в социологии провозглашающей наступление «века инвайронментализма» необходимость ценностной переориентации нового политического и экономического порядка, новых стандартов проведения и нового типа рациональности в целом.

Социально-экономические мотивы появляются и в работах видных американских социологов не связанных непосредственно с инвайронментальной социологией (Хоровиц. Смелсер. Рейнуотер, Липсет и др.).

В своих общеметодологических построениях инвайронменталисты часто прибегают к аналогиям не только с привычными для них натуралистическими течениями, но и с интеракционизмом, структурным функционализмом и марксизмом. Американский инвайронментализм в целом представляет собой, прежде всего, общетеоретическую и мировоззренческую ориентацию, в центре внимания которой взаимодействие социальных образований со средой их обитания. Кроме того инвайронментализм - это движение за качество среды обитания [5].

«Инвайронментальная социология» - одна из дисциплин использующих социально-экологический подход и ограничивающих его рамками локального общества с окружающей средой. Характерной особенностью американской истории такого взаимодействия стало освоение свободных земель.

Экстенсивное освоение среды породило ее специфический тип - фронтир - и соответствующий тип социального поведения в отношении среды соответствующую систему ценностей в отношении к природе. Граница обилие свободных земель были также «естественным» средством снятия социального напряжения экстенсивным образом: недовольные условиями своего существования, имели возможность уйти на Запад и устанавливать свои порядки, отстаивая свои экономические и политические интересы.

Однако к середине XIX века запас свободных земель был исчерпан, и граница приобрела значение предела экспансии экстенсивного аграрного развития и «естественного» разрешения социальных затруднений.

Конец фронта ознаменовал наступление своеобразного экологического кризиса приведшего к обострению противоречий между локалистской демократией и федералистской централизацией между популизмом и республиканизмом между аграрным Западом и индустриально-финансовым Востоком. Этот первый американский «экологический кризис» обусловил переход от аграрного к технологическому росту и урбанизации.

В условиях переосмысления последствия «конца фронта» и новых форм использования природных ресурсов формируются четыре основные социально-реформистские ориентации на взаимодействие общества и природной среды: консервационизм охранительная концепция экологизм и экономизм.

Среди основных направлений в инвайронментализме выделяют, как правило, консервационизм охранительное движение и экологизм. В противоположность консервационистскому утилитаризму («техноцентризму») охранительное движение («биоцентризм») выступало за сохранение нетронутой дикой природы.

Биоцентристы представляют инвайронментализм как определенный способ (состояние) бытия и определенный тип поведения когда охрана и рациональное природопользование могут быть лишь внешними проявлениями более глубоких мотивов и ценностных ориентаций.

Экологи наиболее близкие к академическим кругам строят свою научную модель взаимодействия общества и природной среды основанную

на объективных закономерностях. Включая во взаимозависимые связи экосистемы и человеческие сообщества экологи видят назначение социальной системы в том, что она должна обеспечивать оптимальное функционирование экосистемы и предотвращать нарушения экологических процессов.

Если требования среды к обществу так же обязательны, как и требования общества к среде то динамическое равновесие экосистемы представляется основным из этих требований. Экологическая ориентация, соединяя черты биоцентризма с консервационалистским рационализмом, представляла образец биоцентризма научно-экологического в отличие от «трансцендентального» в сочетании с реформизмом скорее консультативного плана, нежели административного.

Наступление «века инвайронментализма» датируется, как правило, началом 70-х годов, когда со всей очевидностью проявились последствия экологического кризиса на Западе, прежде всего, в виде «энергетических» затруднений 1973 года.

Деградация окружающей среды достигает таких размеров что экологическое «консервационистское» и прогрессистское движение перерастает в «радикально-инвайронментальное» ставящее под сомнение общепринятые постулаты о преимуществах технического прогресса.

Изменение социальной ситуации в начале 70-х годов является прежде всего причиной и источником активизации инвайронментальных идей в социологии. Сущность этого изменения выражается в понятии «экологический кризис».

Этим понятием инвайронменталисты объединяют такие явления как: загрязнение окружающей среды дефицит природных ресурсов перенаселение последствия урбанизации голод исчезновение некоторых видов животных и т.п. Все эти явления признаются если не социальными то социально значимыми поскольку обусловлены развитием общества.

Формируя свою концепцию, инвайронменталисты выделяют два положения основные:

1) Чересчур жесткое определение предмета социологии дюркгеймианский «социологизм», а именно, «антиредукционистское табу» на определение такого понятия, как социальный факт.

2) Ориентация на индивидуальную оценку ситуации на единичное действие и значение.

Которым индивид наделяет это действие при этом физические и пространственные характеристики ситуации опять же игнорируются (веберинская традиция Дж. Мид, Ч. Кули, У. Томас и др.). [3].

В целом инвайронменталистская концепция может быть описана следующими основоположениями:

- помимо генетической наследственности люди обладают также и культурным наследием и поэтому отличны от всех остальных видов животных;
- социальные и культурные факторы (включая технологию) являются главными детерминантами человеческой деятельности;
- социальная и культурная среда является определяющим контекстом человеческой деятельности а биофизическая среда в основном безотносительна к ней;
- поскольку культура обладает свойством кумулятивности технологический и социальный прогресс может продолжаться бесконечно и все социальные проблемы так или иначе принципиально разрешимы.

Пытаясь соединить разнородные теории в некое целое инвайронменталисты выделяют следующее положение: антропоцентризм социальный оптимизм антиэкологизм берет свое начало в «западном мировоззрении».

Для его описания предлагаются следующие посылки:

- люди существенно отличаются от всех других живых существ на Земле над которыми они доминируют;
 - люди-хозяева своей судьбы они могут выбирать цели и делать все что необходимо для их достижения;
 - мир бесконечен и предоставляет людям неограниченные возможности;
- история человечества-история прогресса каждая проблема принципиально разрешима и прогресс бесконечен.

Исследование взаимодействия социальных и «инвайронментальных» переменных способствовало формированию основоположений «новой парадигмы»:

- хотя люди обладают исключительными характеристиками (культура технология и т.п.) они остаются одними из многих видов взаимозависимо включенных в глобальную экосистему;
- человеческая деятельность обусловлена не только социальными и культурными факторами, но и сложными связями природной сети поэтому целесообразная человеческая деятельность может иметь неожиданные последствия;
- люди живут в конечной биофизической среде (и зависят от нее) которая налагает потенциальные физические и биологические ограничения на человеческую деятельность;
- хотя изобретательность людей и приобретаемая благодаря ей сила до некоторой степени и увеличивают несущую способность среды все же экологические законы не утрачивают своей обязательности.

В своей политической деятельности инвайронментальное движение ориентируется на участие в традиционных политических институтах с использованием традиционных политических средств.

Если европейские движения были тесно связаны с выступлениями «новых левых» студенческими волнениями и т.п. то инвайронментальное движение в США наследуя традиции элитизма мелиоризма прагматизма пришло на смену движениям «за гражданские права» и против вьетнамской войны. Вполне понятно, что инвайронментализм не принимает и популярной в Европе доктрины «морального тождества».

Кроме того американские инвайронменталисты не столь подвержены настроениям технофобии как европейские экологи: значительная часть инвайронменталистов возлагают надежды в решении экологических проблем на совершенствование технологий. Характеристиками инвайронментализма остаются биоцентристские ценности «пределы» материального развития настроения «антироста».

К настоящему времени американский инвайронментализм представляет собой ценностно-ориентированное (в отличие от нормативно-ориентированного соглашательского) движение которое объединяет около

12 тысяч организаций число которых ежегодно увеличивается на 250. По результатам опросов инвайронментализму симпатизирует от 60 до 80 % населения.

Большинство организаций создано в последнее десятилетие. Достаточным основанием для членства в инвайронментальной организации считается признание существования экологической опасности. Хотя в движении и существуют определенные разногласия тенденций к расколу не намечается поскольку многие инвайронменталисты входят сразу в несколько локальных организаций.

Лидерство принадлежит «высшему среднему» и «высшему» классу; около 10 % общественности США заявляют о принадлежности к этим организациям но активно участвует в их деятельности около 1%. Эта группа активистов-представители «среднего класса» со сравнительно высоким уровнем образования и доходов.

Среди наиболее крупных организаций выделяются: Совет по защите природных ресурсов, Институт инвайронментальной политики, Федерация национальной дикой природы, Фонд инвайронментальной защиты, Американская лига Исаака Уолтона, Сьерра Клуб, Национальное общество Одюбона, Ассоциация национальных парков и консервации, Общество дикой природы, Общество «Друзья земли».

Существенных разногласий по поводу средств политической борьбы за достижение новой социальной политики у инвайронменталистов нет, но остается разнообразие интерпретаций целей этой политики.

Литература:

1. Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. Социологический словарь. — М.: Экономика, 2004. — 620 с.
2. Александер Дж. Новое теоретическое направление в социологии: одна из интерпретаций / Социология на пороге XXI века: новые направления исследований. М.: 1998. - С. 145- 187.
3. Cooley Ch. H. Human nature and the social order, N. Y., 1902. – 386 p.

ГЛАВА 3.

МОДИФИКАЦИЯ ПРЕДМЕТА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

3.1. КРЕАТИВНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Креативная социология, как направление социологического исследования, связанного с изучением творческой деятельности и как социологическая дисциплина ещё не оформилась, но такого рода исследования уже ведутся, и они ориентированы на изучение мотивации творческой деятельности, на анализ креативности, как индикатора общественного прогресса, его базовых компонентов. Об этом пишут такие исследователи, как А.Ш.Викторов, Т.И.Иванюк, Ю.А.Карпова, Г.Г.Ларин, М.Нельке и другие.

В этом отношении креативность должна рассматриваться как особая реальность динамики социальных изменений в современном мире. Важной проблемой является исследование креативности с точки зрения разработки новой теории развития человеческого потенциала. Не менее важно исследование креативности в контексте реформирования всей современной образовательной системы. В этом отношении креативность выступает как интегральное качество в профессиональной деятельности и подготовки будущих специалистов.

Интересную разработку социологии креативности представляет Г.Г.Ларин в своей работе «Разработка общей концепции социологии творческой деятельности в процессе комплексного исследования проблемы социализации молодёжи» [4]. Эта работа выполнена в 2011 году в рамках программы «Проведение научно-практических исследований, результаты которых нашли отражение в научных изданиях и монографиях и оказывают эффективное влияние на развитие системы образования Российской Федерации». Автор связывает многие аспекты социологии креативности с проблемами социализации молодежи.

С его точки зрения определение контуров новой социологической дисциплины во многом связано с исследованием проблем социализации молодёжи посредством её креативного воспитания, развития и абилитации.

Понятие социализации, введённое в научный обиход в 40-50-х годах XX века социальными психологами А.Бандурой и Дж.Кольманом, в настоящее время трактуется в различных научных школах достаточно многопланово, разноаспектно. Так, например, в «гуманистической психологии» (А.Маслоу, Г.Олпорт, К.Роджерс) социализация трактуется как самоактуализация Я-концепции, в необихевиоризме (Э.Ч.Толмен, К.Л.Халл) – как социальное научение, в «понимающей социологии» (М.Вебер, Т.Веблен, Г.Зиммель) – как реализация в «жизненном стиле» субъективных намерений индивидов, в символическом интеракционизме (Г.Блумер, Ч.Кули, Дж.Г.Мид) – как результат социальных взаимодействий, в «феноменологической социологии» (П.Бергер, Э.Гоффман, Т.Лукман, А.Шюц) – как процесс трансформации результатов социальной деятельности индивидов в опыт, на базе которого конструируется социальная реальность с выраженными культурными контурами.

В отечественной науке проблемой социализации длительное время занимались Г.М.Андреева, И.С.Кон (социально-психологический и социологический анализ влияния НТР на процессы воспитания и развития подрастающих поколений), Е.Н.Михайлова, Э.С.Соколова (социальные портреты детей, подростков, молодёжи). Определённый научный интерес представляют также исследования Н.И. Козлова (концепция личности как системы конструктов), В.А.Ядова (диспозиционная концепция регуляции социального поведения индивидов).

Следует также отметить, что в последние полвека довольно интенсивно разрабатывались философские (М.М.Бахтин, В.С.Библер, В.Н.Пушкин), психологические и психофизиологические (Л.С.Выготский, Д.М.Комский, А.Н.Лук), педагогические и психолого-педагогические (И.П.Иванов, Я.А.Пономарёв, А.П.Юдакин) аспекты социально-творческой деятельности индивидов и референтных групп. Весьма интересны исследования творче-

ского процесса в эволюционном аспекте Б.М.Рунина, процессов распространения и освоения художественных ценностей К.Б.Соколова.

Особенности социологического подхода в изучении креативного потенциала (творческого, инновационного и интеллектуального) общества и человека имели место в работах следующих зарубежных исследователей (Дж. Херренштейн, Ч. Мюррей) и российских ученых (А. А. Крылов, Н.А. Кудрявцев и др.). Социально-психологические аспекты изучения креативного потенциала человека (А. Бине, Ч. Спирмен, Дж. Гилфорд, Р.Мейли и др.). Основные социальные преграды для реализации творческого потенциала общества (по Н. Д. Хостену, Н. Майеру).

Среди исследований креативности, имеющих в арсенале современной социологии и социальной психологии, представляют большой научный интерес разработки Дж.Гилфорда и Дж.А.Тейлора (учение о так называемых «эмерджентных», «эмерджентных» свойствах личности), И.Витаньи, М.Шаги и Н.Хомского (классификация творчества в процессе анализа объективаций «репродуктивность», «инновативность», «генеративность»).

Существенную научную ценность представляют, несомненно, и работы социологов, социальных педагогов и социальных психологов В.Т.Лисовского, А.П.Маркова, А.А.Миронова, Е.Н.Михайловой, З.В.Синкевич, Э.С.Соколовой, А.П.Файна, посвященные проблемам жизнетворчества разных возрастных категорий отечественной молодежи на стадии перехода РФ к рыночным отношениям, а также исследования социологов, социальных культурологов и даже криминологов В.С.Афанасьева, Н.В.Кофырина, Ю.М.Резника, И.Ю.Сундиева, Н.С.Фатхуллина, акцентированные на анализе правовых и криминогенных факторов молодежной субкультуры. Весомым вкладом в изучение и решение ряда актуальных (в том числе и связанных с социализацией человека, с творческой активностью индивидов) проблем российской молодежи являются также коллективные монографии и сборники Института социологии РАН и Института психологии РАН, других научно-исследовательских учреждений страны – такие, как «Молодёжь в социальной сфере», «Психология творчества: общая,

дифференциальная, прикладная», «Социология молодёжи» и ряд других [4].

Всё это позволило автору отыскать в научном активе нишу для формирования эврологии как комплексной, междисциплинарной науки о творчестве. Понятие «эврология» (П.Энгельмейер) кратко охарактеризовано Я.И.Гилинским, хотя несколько ранее В.Н.Пушкин ввёл и охарактеризовал понятие «эвристика», обозначающее науку о творческом мышлении. На взгляд автора, понятие «эврология» более широко, интегративно интерпретирует креативность, креативные процессы, нежели понятие «эвристика», в определённой степени ограничивающее интерпретацию творческой деятельности интеллектуальным фактором креативности. И, тем не менее, как точно замечает Я.И.Гилинский, «социология творчества, как более общая концепция ещё не сложилась, в то время как социология науки и социология различных видов художественного творчества получили известное развитие». Действительно, анализ существующей научной литературы свидетельствует об отсутствии системных разработок по проблеме социализации молодёжи в процессе организации творческой деятельности индивидов, что и предопределяет цель, задачи, объект и предмет нашего исследования [4].

Исследование, проведенное в этом направлении, было связано с достижением следующих исследовательских задач:

- изучить социальную сущность творческой деятельности – в историко-гносеологическом аспекте;
- провести мониторинг и анализ социализации личности в процессах воспитания, развития и абилитации креативной личности – в рамках междисциплинарного подхода; расширить содержание существующих научных трактовок понятий «социализация», «воспитание», «развитие», «личность» и ввести в научный обиход понятия «абилитация» и «гомо креативус» (т.е. «человек, личность креативная»);
- сформулировать ряд оценочных критериев креативной личности и эффективности деятельности различных молодёжных творческих организаций;
- разработать, исследовать и предложить к практическому использованию

в других регионах и муниципальных образованиях РФ конкретные модели, алгоритмы и механизмы социализации индивидов в контексте творческой деятельности молодёжи.

Теоретико-методологической основой научно-практического исследования явились «культурно-аналитические» подходы, включающие «понижающую социологию» М.Вебера, Т.Веблена и Г.Зиммеля, символический интеракционизм Г.Блумера, Ч.Кули и Дж.Г.Мида, «феноменологическую социологию» П.Бергера, Т.Лукмана и А.Шюца, а также различные социологические и социально-психологические концептуальные подходы к проблеме классификации уровней или степеней развития креативности.

В частности, Я.И.Гилинский, указывая на репродуктивно-инновативную интерпретацию природы креативных процессов Дж.Гилфорда и Дж.А.Тейлора и социолого-психологическую классификацию творчества с точки зрения объективаций «репродуктивность», «инновативность», «генеративность» И.Витаньи, М.Шаги, Н.Хомского и другие концепции. Помимо этого, использовались характеристики «эврологии как комплексной, междисциплинарной науки о творчестве» Я.И.Гилинского и «эвристики как науки о творческом мышлении» В.Н.Пушкина.

Такая теоретико-методологическая основа позволила, на взгляд автора, осмыслить на достаточно валидном научном уровне проблему социализации молодёжи в процессе организации творческой деятельности индивидов.

При анализе проблем социализации личности в процессах воспитания, развития и абилитации *homo creativusc* выявлено, что исследование в данной области имеет междисциплинарный (интегративный, комплексный) характер.

Необходимо учитывать и интегрировать в исследовании как собственно социологические, так и социально-философские, психолого-педагогические, антропологические, культурологические и даже социально-экологические и иные воззрения на процессы воспитания, развития и абилитации творческих индивидов.

Автор подчеркивает, что в процессе социализации «гомо креативус» («человека креативного», «человека творческого») происходит активное утверждение личностью своих творческих потребностей, своеобразное личностное «самостояние». Именно этим обусловлено введение в научный обиход понятия «абилитация», которое применяется в акмеологических дисциплинах и обозначает, прежде всего, процесс активного «подстраивания» личности к социальной среде.

Будучи введённым в социологический контекст, данное понятие существенно расширяет рамки понятия «социальная адаптация», указывающего в основном на пассивный характер «приспособления» личности к социальным условиям и не учитывающего фактор личностного «самостояния» в процессе творческой деятельности индивидов.

Поскольку социализация молодёжи посредством творческой организации индивидов должна привести, в конечном итоге, к становлению и формированию креативной личности, в научный обиход вводится понятие «гомо креативус». Это понятие может выступать в качестве одного из вариантов «гомо универсалис» («человека универсального»), являющегося в свою очередь разновидностью «гомо социологикус» («человека социологического») Р.Дарендорфа.

В анализе критериев оценки «гомо креативус» Я.И.Гишинский считает возможным дифференцировать следующие оценочные критерии, или индексы, креативной личности: индексы развития творческого интеллекта, нестандартности и продуктивности творческого мышления индивидов; индексы развития эстетического чувства, социально-культурных и духовных потребностей, мотивов, интересов личности; индексы развития собственно креативности (с точки зрения репродуктивности, инновативности, генеративности); индексы абилитации индивидов в условиях современной социокультурной ситуации (с её тенденциями к регионализации и локализации), способности к социокультурной трансляции.

При этом Я.И.Гишинский основывается на типологии интеллекта Г.Гарднера (эта типология применяется в педагогике и психологии); при оценке развития эстетического чувства – диагностической модели осново-

полагающих функций, характеризующих развитие данного оценочного критерия «гомо креативус» (эта модель применяется в педагогике, психологии, эстетике); при оценке собственно креативности – модели комплексного анализа объективаций «репродуктивность», «инновативность», «генеративность» (эта модель применяется в социологии культуры и социальной психологии); при оценке абилитативных качеств «гомо креативус» – ряда интегративных механизмов оценки интеллектуальной, эстетической, креативной и социокультурно-трансляционной абилитации индивидов (эти механизмы применяются в акмеологических дисциплинах). Кроме того, при оценке абилитативности личности можно рассматривать также этический, психофизиологический, идейно-мировоззренческий и даже экологический аспекты личностной абилитации [4].

Соотнеся охарактеризованные выше критерии (индексы) оценки «гомо креативус» с оценочными критериями эффективности деятельности молодых творческих организаций, можно получить следующие уровни, или степени, оценки: степени организации и эволюции интеллектуально-творческих процессов; степени организации и эволюции процессов развития эстетического чувства индивидов; степени организации и эволюции процессов развития собственно креативности личности; степени организации и эволюции абилитационных, социокультурно-трансляционных процессов.

Кроме того, в ракурсе комплексности, к оценочным критериям эффективности творческой деятельности можно отнести и некоторые критерии, применяющиеся в социально-экологической науке, такие, как реальность целеполагания и его осуществления; целесообразность поисковых, в том числе эвристических, исследований; потенциальная ценность, или значимость, социализирующих мероприятий [4].

Поскольку предложенные оценочные критерии эффективности творческих организаций предполагают оценку, как уровня организации, так и уровня эволюции процессов социализации «гомо креативус», представляется вполне целесообразным разработать соответствующие диагностико-оценочные модели. В частности, адаптировав к условиям данного исследо-

вания, расчёты эффективности научных учреждений, представленные во второй половине XX в. Международным коллективом учёных (МКУ) по проблемам организационного управления, кибернетики и исследования операций, мы применили ряд математических формул, которые позволяют количественно и качественно оценить организационные аспекты социализации молодёжи в творческой организации. В основу такой математико-социологической оценочной модели может быть положено определение факторов, оказывающих наибольшее влияние на эффективность управления процессами социализации «гомо креативус».

Для этого необходимо дифференцировать пять организационных функций и содержание десяти характеризующих их факторов, для дефиниции значений которых использовались методы анкетирования, ранговой корреляции и определения выборочной совокупности, достаточной для распространения в дальнейшем выявленных закономерностей на всю генеральную совокупность.

Данная модель оценки в авторском исследовании была апробирована в процессе социологического исследования молодёжных творческих объединениях, в результате которого автором была построена проекция ареалов значимости факторов и функций эффективности креативных процессов и разработаны (на основе анализа проекции) практические рекомендации для администрации, аппарата и актива этих объединений по оптимизации их функционирования, организации и структурирования процессов социализации «гомо креативус» [4].

Для оценки уровня эволюции социализирующих процессов в творческих организациях автором была разработана и апробирована диагностико-оценочная модель социокультурной среды, в которую помещены и эволюционируют «гомо креативус». С этой целью автор дифференцировал семь средовых характеристик – коммуникационно-функциональную, реконструктивно-ролевою, целевую, когнитивно-креативную, стилевую, трансформационную, стимулирующую.

В ракурсе инноватики и универсальности такое исследование делает возможным по-новому (более широко и более глубоко) интерпретировать

некоторые традиционные научные понятия, явления, процессы, семантически связанные с проблемной областью нашего исследования (такие, как «социализация», «творчество», «личность», «воспитание», «развитие»), а также на паритетных началах с понятиями «адаптация» и «адаптивность» использовать в социологическом обиходе применяемое в акмеологических дисциплинах понятие «абилитация» («подстраивание, вживание») и ввести в научный лексикон новый термин «гомо креативус» (т.е. «человек креативный, творческий»), выступающий в качестве варианта «гомо универсалис» (т.е. «человек универсальный») как разновидности «гомо социологикус» (т.е. «человек социологический») Р. Дарендорфа. Это даёт нам основания для того, чтобы говорить об определённом приросте научного, теоретико-методологического знания в данной проблемной исследовательской области.

Проведенные исследования дают возможность эксплицировать некоторые оценочные критерии «гомо креативус»: 1) критерий развития творческого интеллекта, нестандартности и продуктивности творческого мышления индивидов; 2) критерий развития эстетического чувства, социально-культурных и духовных потребностей, мотивов, интересов личности; 3) критерий развития собственно креативности (с точки зрения репродуктивности, инновативности, генеративности); 4) критерий абилитации индивидов в условиях современной социокультурной ситуации (с её тенденциями к регионализации и локализации), способности к социокультурной трансляции.

Кроме указанных направлений исследования в социологии творчества явным образом просматриваются следующие направления:

- выявление и анализ основные концептуальных подходов в выделении типов креативных сообществ (исторический, формационный, цивилизационный, социокультурный, информационный);
- вычленение и анализ креативных сфер общества;
- анализ креативности как важнейшего общественного ресурса;

- осмысление структурных компонентов креативной среды и социокультурных основ креативной инфраструктуры (система образования, нормативно-правовая база, научно-техническое обеспечение и др.);
- изучение различных стратегий управления развития креативным потенциалом общества;
- анализ креативности как формы общественного прогресса;
- выявление «индексов креативности» общества и индексов развития человеческого потенциала (качества жизни) [1; 2; 3].

Особое место в направлении исследовании креативной социологии занимает креативная личность как объект социологического изучения. Здесь необходимо осмысление основных социологических теорий креативной (творческой и инновационной) личности, выявление понятия и сущности креативной личности. В этом плане обосновано введение понятия «креатор» – как субъект креативной и инновационной деятельности в условиях кризисного социума. Соответственно чему сразу напрашивается такая тема исследования, как конфликт отношений между «ретроградами» и «новаторами». В этом отношении креативная творческая личность и проблема разрешения противоречия между «настоящим» и «будущим» (несоответствие реальности «вызову» времени) выступает как потенциал общественного прогресса.

Конспективно перечислим смысловые развития проблематики креативной социологии:

- Креативный и творческий ресурс как социально значимая характеристика человеческой личности.
- Креативная личность и социальная динамика общества. Креативность и творчество как терминальные ценности человеческой личности. Типология творческих и креативных личностей.
- Общая характеристика качеств (свойств, черт) креативной творческой личности (мотивация, поведения, мышления, действий и т.д.).
- сравнение основных подходов в анализе креативности: А.Инкелес об основных чертах (моделях) современной личности (личностный синдром, менталитет и др.). Креативность и теория «мотивации достижения» Д. Мак-

Клеланда. Теория креативной (новаторской) личности Э. Хагена. Взаимосвязь интеллектуальных и личностных структур. Модель креативной и интеллектуальной личности Г. Айзенка. Смыслотворчество как важнейшая черта современного человека (П. Бергер). М. Роджерс о творчестве как сущностном свойстве личности. Креативное творчество как процесс личностного развития. Семь качеств творческой личности Матиаса Нельке. Личностные теории креативности и творчества (Дж. Гилфорд, Е. Торренс). Основные факторы, условия и механизмы формирования креативного типа личности.

- Социокультурные основы креативных способностей.
- Креативность как новая модель современного образования. Креативные и творческие формы обучения молодого поколения.
- Индивидуальные личностные особенности креативного и творческого мышления.
- Политика и идеология как объекты креативной социологии. Политология и креативная социология. Креативный подход в системном анализе современных социально-политических изменений и трансформаций государства и общества.
- Понятие «политического креатива» и «креативного творчества власти». Креативные средства (механизмы) властвования (управления) в контексте структуры власти.
- Соотношение понятий «власть креатива» и «креативная власть». Креативная власть как необходимое условие общественного развития. Идеология творчества и креативная политика.
- Креативная политика и проблема стабильности российского общества. Социально-политическая (экономическая) нестабильность как результат антисоциальных и непрофессиональных (некреативных) действий властных структур. Креативная и некреативная государственная политика в отношении использования, развития и сохранения человеческого и природного ресурсов.
- Креативы «этатизма», «национализма», «анархизма», «либерализма» и др. Общее и особенное креативных технологий современных мировых идеоло-

гем (фундаментализма, неокOLONиализма, неофеодализма, неонацизма, неосоциализма, неокапитализма и антиглобализма).

- Креативные идеологемы глобализации: глобальный рыночный (государственно-национальный) фундаментализм и глобальный вне рыночный (транснациональный) фундаментализм.

- Креативные проекты современного политического мироустройства. Общая характеристика «четырех зон» нового креативного мироустройства.

Указанный далеко не полный перечень проблем и предметных областей характеризует креативную социологию как очень перспективное направление научных исследований, как учебную дисциплину и как научно обоснованный и практико-емкий подход к анализу современного общественного устройства.

Литература:

1. Иванюк Т.И. Творчество и личность. - М.: 2006. – 325 с.
2. Карпова Ю.А. Введение в социологии инновации. - СПб.: 2004. – 327 с.
3. Нельке М. Техника креативности. - М.: 2007. - 265 с.
4. Креативная социология <http://www.proza.ru/2012/06/30/1403>

3.2. ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Герменевтика традиционно занималась интерпретацией смысла и способствовала пониманию текста. Основными ее положениями, как подчеркивает Е.А.Исаев, являются следующие:

1. Принципиальная открытость интерпретации, которая никогда не может быть завершена.
2. Неотделимость понимания текста от самопонимания интерпретатора.
3. Выявляя внутренний смысл конкретных явлений духовной жизни, герменевтика стремилась связать их с логикой развития и историческим контекстом культуры.

Герменевтическая установка ориентировала на то, что социолог должен вести диалог с текстами. Цель этого диалога с «текстуальными партнера-

ми» по коммуникации — нахождение средств излечения современного общества. Но получить ответы на вопросы жизни должно не от текстов, а от их интерпретаций.

Х.-Г. Гадамер сделал герменевтическую проблематику универсальной в хайдеггеровском духе: понимание неотделимо от человеческого общения (человека как такового), и оно есть конструктивный элемент общей структуры бытия (некий «экзистенциал»). Сущность истолкования определяется сущностью бытия, которое истолковывает, таким образом, себя. Следовательно, самобытие принимает герменевтический характер, а герменевтика — способ существования познающего, действующего и оценивающего человека [2].

В герменевтическом исследовании текст подвергается анализу с целью нахождения различных возможных его интерпретаций — истолкования и понимания. Каждый акт интерпретации является событием в жизни текста (момент его «действенной истории») — диалог прошлого и настоящего: диалогическая модель интерпретации текста. Таким образом, это не воссоздание авторского (аутентичного) текста, а создание смысла заново. Интерпретация есть постижение внутреннего смысла произведения, логики его развития, раскрытие заключенного в нем социокультурного смысла. Главный тезис гадамеровской «антиметодической» герменевтики: истина плюралистична, ибо совпадает с мнением интерпретатора.

Основные механизмы формирования освоения человеком мира заложены в языке: он задает исходные схемы человеческой ориентации в мире, предваряя его схватывание в понятиях. Допонятийное «предпонимание» обуславливает рефлексивно-теоретическое освоение мира. Поэтому обращение к языку есть аутентичный способ самораскрытия истины, которая является характеристикой бытия (а не познания). Она не может быть схвачена с помощью «метода», а лишь открыта понимающим осмыслением. При этом, где есть метод, там не может быть истины, а где ищут истину, там бесполезны апелляции к методу.

Вне потребления произведение существует только как знаковое образование — потенциальный смысл, нуждающийся в актуализации, но не худо-

жественная ценность. Только в акте взаимодействия с реципиентом оно обретает реальное существование, объективируя свой смысл. Отсюда и задача интерпретации выглядит иначе: художественный смысл перестает рассматриваться исключительно как характеристика текста, как нечто, жестко с ним связанное. Произведение мыслится как «открытая система», а его смысл и ценность — как исторически подвижные и изменчивые. Поэтому никакое суждение о произведении не может считаться абсолютным, окончательно исчерпанным.

Каждый, использующий герменевтический метод, создает совершенно новое содержание истолковываемого им историко-культурного текста (первоисточника). Следовательно, дело герменевтики — это не репродукция прежних смыслов, которые вкладывали в текст его авторы, а производство всевозможных новых. Факты текстов при таком подходе понимаются бесконечно пластичными и податливыми, материалом, в котором скрывается неисчерпаемый клад самых разных интерпретационных возможностей. Этот «податливый» материал как сгусток переживаний в закапсулированном виде — «вторая природа», сформулированная человеком в прошлом. Чтобы черпать из него, нужна лишь инициатива. В этом смысле, по Гадамеру, текст саморефлективен: познавательная активность читателя обнаруживает посредством текста его же духовный мир. Подобные интерпретации и составляют герменевтический плюрализм.

Особую роль герменевтики отводят «предпониманию» — особой беспредпосылочной интуиции: она не имеет ничего «до» себя и играет роль «предпосылки» для всей последующей интерпретирующей деятельности. В замкнутом взаимодействии между интерпретацией и прежним пониманием текста (герменевтический круг) Гадамер увидел понимание как игру «между движением традиции и движением интерпретатора». В рамках интерпретирующей деятельности совмещается собственно «предпонимание», ориентированное на прошлые «традиции» (аутентичные тексты) в толковании данного текста, и активная «игра», которая «играет сама себя». Это игра как текста с интерпретатором, так и последнего с текстом, развертываю-

щаяся в широком диапазоне между творческой догадкой и фантазирующим воображением [2].

Причем воображение берет верх и над творческой догадкой, и над извлеченным из глубин «предпонимания» воспоминанием о традициях истолкования данного текста в их интегральном виде. Соответственно, социология в своем развитии является историей различных социологических текстов и их разных толкований, каждое из которых может считаться истинным. На смену одним интерпретациям приходят другие, а сам их веер превращается в предстоящую субъекту плюралистическую реальность.

Одним из основоположников герменевтики и ее использования в социологии был французский философ Поль Рикер, являющейся автором трудов по этике, эстетике, истории философии и, в частности, автором статьи «Герменевтика и метод социальных наук». В этой статье П. Рикер рассматривает совокупность социальных наук с точки зрения конфликта методов, местом рождения которого является теория текста, подразумевая при этом под текстом объединенные или структурированные формы дискурса (discours), зафиксированные материально и передаваемые посредством последовательных операций прочтения [1; 2].

Под герменевтикой П. Рикер понимает теорию операций понимания в их соотношении с интерпретацией текстов; слово «герменевтика» означает не что иное, как последовательное осуществление интерпретации. Под последовательностью подразумевается следующее: если истолкованием называть совокупность приемов, применяемых непосредственно к определенным текстам, то герменевтика будет дисциплиной второго порядка, применяемой к общим правилам истолкования.

Таким образом, нужно установить соотношение между понятиями интерпретации и понимания. Не менее важным П. Рикер считает термин «понимание». Под пониманием он имеет в виду искусство постижения значения знаков, передаваемых одним сознанием и воспринимаемых другими сознаниями через их внешнее выражение (жесты, позы и, разумеется, речь). Цель понимания - совершить переход от этого выражения к тому, что является основной интенцией знака, и выйти вовне через выражение [1].

Согласно Дильтею, виднейшему после Шлейермахера теоретику герменевтики, операция понимания становится возможной благодаря способности, которой наделено каждое сознание, проникать в другое сознание не непосредственно, путем «переживания» (*re-vivire*), а опосредованно, путем воспроизведения творческого процесса исходя из внешнего выражения; заметим сразу, что именно это опосредование через знаки и их внешнее проявление приводит в дальнейшем к конфронтации с объективным методом естественных наук [1; 3].

Что же касается перехода от понимания к интерпретации, то он предопределен тем, что знаки имеют материальную основу, моделью которой является письменность. Любой след или отпечаток, любой документ или памятник, любой архив могут быть письменно зафиксированы и зовут к интерпретации. Важно соблюдать точность в терминологии и закрепить слово «понимание» за общим явлением проникновения в другое сознание с помощью внешнего обозначения, а слово «интерпретация» употреблять по отношению к пониманию, направленному на зафиксированные в письменной форме знаки.

Именно это расхождение между пониманием и интерпретацией порождает конфликт методов. Вопрос состоит в следующем: не должно ли понимание, чтобы сделаться интерпретацией, включать в себя один или несколько этапов того, что в широком смысле можно назвать объективным, или объективирующим, подходом? Этот вопрос сразу же переносит нас из ограниченной области герменевтики текста в целостную сферу практики, в которой действуют социальные науки.

Интерпретация остается некой периферией понимания, и сложившееся отношение между письмом и чтением своевременно напоминает об этом: чтение сводится к овладению читающим субъектом смыслами, заключенными в тексте; это овладение позволяет ему преодолеть временное и культурное расстояние, отделяющее его от текста, таким образом, что при этом читатель осваивает значения, которые по причине существующей между ним и текстом дистанции были ему чужды. В этом крайне широком смысле отношение «письмо-чтение» может быть представлено как частный случай

понимания, осуществляемого посредством проникновения в другое сознание через выражение.

Такая односторонняя зависимость интерпретации от понимания как раз и была долгое время великим соблазном герменевтики. В этом отношении Дильтей сыграл решающую роль, терминологически зафиксировав хорошо известную противоположность слов «понимать» (*comprendre*) и «объяснять» (*expliquer*) (*verstehen vs. erklaren*). На первый взгляд мы действительно стоим перед альтернативой: либо одно, либо другое. На самом же деле речь здесь не идет о конфликте методов, так как, строго говоря, методологическим можно назвать лишь объяснение. Понимание может в лучшем случае требовать приемов или процедур, применяемых тогда, когда затрагивается соотношение целого и части или значения и его интерпретации; однако как бы далеко ни вела техника этих приемов, основа понимания остается интуитивной по причине изначального родства между интерпретатором и тем, о чем говорится в тексте.

Конфликт между пониманием и объяснением принимает форму истинной дихотомии с того момента, как начинают соотносить две противостоящие друг другу позиции с двумя различными сферами реальности: природой и духом. Тем самым противоположность, выраженная словами «понимать-объяснять», восстанавливает противоположность природы и духа, как она представлена в так называемых науках о духе и науках, о природе [1].

Можно схематично изложить эту дихотомию следующим образом: науки о природе имеют дело с наблюдаемыми фактами, которые, как и природа, со времен Галилея и Декарта подвергаются математизации; далее идут процедуры верификации, определяющиеся в основе своей фальсифицируемостью гипотез (Поппер); наконец, объяснение является родовым термином для трех различных процедур: генетического объяснения, опирающегося на предшествующее состояние; материального объяснения, опирающегося на лежащую в основании систему меньшей сложности; структурного объяснения через синхронное расположение элементов или составляющих частей.

Распространение структурного анализа на различные категории письменного дискурса (*discours écrits*) привело к окончательному краху противопоставления понятий «объяснять» и «понимать». Письмо является в этом отношении неким значимым рубежом: благодаря письменной фиксации совокупность знаков достигает того, что можно назвать семантической автономией, то есть становится независимой от рассказчика, от слушателя, наконец, от конкретных условий продуцирования. Став автономным объектом, текст располагается именно на стыке понимания и объяснения, а не на линии их разграничения.

Поскольку понимание должно конституировать неустранимую основу интерпретации, можно сказать, что понимание не перестает предварять, сопутствовать и завершать объяснительные процедуры. Понимание предваряет объяснение путем сближения с субъективным замыслом автора текста, оно создается опосредованно через предмет данного текста, то есть мир, который является содержанием текста и который читатель может обжить благодаря воображению и симпатии. Понимание сопутствует объяснению в той мере, в которой пара «письмо-чтение» продолжает формировать область интерсубъективной коммуникации и в этом качестве восходит к диалогической модели вопроса и ответа, описанной Гадамером [3].

Наконец, понимание завершает объяснение в той мере, в которой, как об этом уже упоминалось выше, оно преодолевает географическое, историческое или культурное расстояние, отделяющее текст от его интерпретатора. В этом смысле следует заметить по поводу того понимания, которое можно назвать конечным пониманием, что оно не уничтожает дистанцию через некое эмоциональное слияние, оно скорее состоит в игре близости и расстояния, игре, при которой посторонний признается в качестве такового даже тогда, когда обретается родство с ним [4].

Имеет смысл выделить две группы феноменов, из которых первая относится к идее значения, а вторая - к идее интеллигибельности. В первую группу будут объединены феномены, позволяющие говорить о том, что действие может быть прочитанным. Действие несет в себе изначальное сходство с миром знаков в той мере, в какой оно формируется с помощью

знаков, правил, норм, короче говоря - значений. Действие является преимущественно деянием говорящего человека. Можно обобщить перечисленные выше характеристики, употребляя не без осторожности термин «символ» в том смысле слова, который представляет собой нечто среднее между понятием аббревиатурного обозначения и понятием двойного смысла.

Другой характерной особенностью является то, что символические системы благодаря своей способности структурироваться в совокупности значений имеют строение, сопоставимое со строением текста. Например, невозможно понять смысл какого-либо обряда, не определив его место в ритуале как таковом, а место ритуала - в контексте культа и место этого последнего - в совокупности соглашений, верований и институтов, которые создают специфический облик той или иной культуры. С этой точки зрения наиболее обширные и всеохватывающие системы образуют контекст описания для символов, относящихся к определенному ряду, а за его пределами - для действий, опосредуемых символически.

Но прежде чем перейти к опосредующей роли объяснения, нужно сказать несколько слов о той группе свойств, благодаря которым возможно рассуждать об интеллигентности действия. Следует отметить, что агенты, вовлеченные в социальные взаимодействия, располагают в отношении самих себя описательной компетенцией, и внешний наблюдатель на первых порах может лишь передавать и поддерживать это описание; то, что наделенный речью и разумом агент может говорить о своем действии, свидетельствует о его способности со знанием дела пользоваться общей концептуальной сетью, отделяющей в структурном плане действие от простого физического движения и даже от поведения животного. Говорить о действии - о своем собственном действии или о действиях других значит сопоставлять такие термины, как цель (проект), агент, мотив, обстоятельства, препятствия, пройденный путь, соперничество, помощь, благоприятный повод, удобный случай, вмешательство или проявление инициативы, желательные или нежелательные результаты.

Одновременно с феноменом фиксации посредством письма можно говорить о вписываемости социального действия в ткань истории, на которую оно накладывает отпечаток и в которой оставляет свой след; в этом смысле можно говорить о явлениях архивирования, регистрирования (английское - record), которые напоминают письменную фиксацию действия в мире.

Одновременно с зарождением семантической автономии текста по отношению к автору действия отделяются от совершающих их субъектов, а тексты - от их авторов: действия имеют свою собственную историю, свое особое предназначение, и поэтому некоторые из них могут вызывать нежелательные результаты; отсюда вытекает проблема исторической ответственности инициатора действия, осуществляющего свой проект.

Кроме того, можно было бы говорить о перспективном значении действий в отличие от их актуальной значимости; благодаря автономизации, о которой только что шла речь, действия, направленные на мир, вводят в него долговременные значения, которые претерпевают ряд деконтекстуализаций и реконтекстуализаций; именно благодаря этой цепи выключения и включений некоторые произведения - такие, как произведения искусства и творения культуры в целом, - приобретают долговременное значение великих шедевров.

Наконец - и это особенно существенно - можно сказать, что действия, как и книги, являются произведениями, открытыми множеству читателей. Как и в сфере письма, здесь-то одерживает победу возможность быть прочитанными, то верх берет неясность и даже стремление все запутать. Итак, ни в коей мере не искажая специфики практики, можно применить к ней девиз герменевтики текста: больше объяснять, чтобы лучше понимать.

Литература:

1. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М., 1995/ - 146 с.
2. Рикер П. Герменевтика Этика Политика. Московские лекции и интервью М., Издательский центр АCADEMIA. 1995/ - 72 с.

3. Gadamer H.-G. Wahrheit und Methode. Tübingen, 1960. - 652 s.

Gibson J.J. The Ecological Approach to Visual Perception. Hillsdale, 1986. – 365 p.

4. Schleiermacher Fr., Werke. Auswahl in vier Bänden. Bd. 4., 1911/ - 243 s.

3.3. ИНТЕГРАТИВНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Характерные для различных социологических направлений дилеммы типа «действие или структура», «факты или смыслы», «объективизм или активизм», зачастую приводят к односторонности подходов и противопоставлению полученных в их рамках результатов исследований. На преодоление противопоставления в теоретической социологии действия и структуры, объективности и социальной активности исследователя нацелены, как отмечает такой исследователь как Д.В.Иванов [7; 8], новые исследовательские подходы и теории, которые в последние два десятилетия приобрели большое число сторонников среди социологов. Это так называемые интегративные парадигмы.

К их числу принадлежат теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса [12; 13; 14], теория структуризации Э. Гидденса [5; 6], конструктивистский структурализм П. Бурдьё [1; 2; 3; 4].

Теория коммуникативного действия - это исследовательский подход, в основе которого лежит представление об обществе, с одной стороны, как о системе, а с другой - как о жизненном мире. Основоположник этого подхода немецкий социолог Юрген Хабермас в работе «Теория коммуникативного действия» стремился показать относительную правоту макросоциологических парадигм (структурный функционализм, исторический материализм) и микросоциологических парадигм (феноменологическая социология, символический интеракционизм), которые сосредотачивают внимание исследователей, соответственно, на объективных структурах и субъективных смыслах [14].

Ограниченность этих парадигм, по мысли Хабермаса, заключается в том, что они «обрывают» связь между двумя неразделимыми аспектами общественной жизни.

Хабермас выделил два типа социального действия: целерациональное действие, направленное на успешное манипулирование объектами, в качестве которых могут рассматриваться и вещи и живые существа, в том числе люди, и коммуникативное действие, направленное на достижение взаимопонимания и консенсуса (от лат. consensus - согласие, единодушие) между взаимодействующими людьми [7].

Целерациональное действие воспроизводит общество как систему, то есть комплекс формальных норм, определяющих наиболее эффективные способы обеспечения благосостояния и безопасности индивидов. Экономика - сфера деятельности, в которой действия индивидов координируются при помощи денег, и политика - сфера, в которой действия координируются при помощи власти, являются составными частями системы. Люди действуют согласованно, если одни оплачивают действия других или если одни подчиняются распоряжениям других.

Коммуникативное действие воспроизводит общество как жизненный мир, то есть комплекс символических структур, определяющих способы придания индивидами смысла событиям и действиям друг друга. Понятие целерационального действия и саму идею типологизации социального действия Ю. Хабермас взял у М. Вебера. Составными частями жизненного мира являются: 1) культура - сфера деятельности, в которой индивидами создается и передается знание; 2) общность - сфера деятельности, в которой индивидами устанавливается и поддерживается чувство единства - солидарность; 3) социализация личности - сфера деятельности, в которой у индивидов формируется идентичность (представление о себе на основе осознания принадлежности к той или иной социальной общности) и способность быть актором - ответственным субъектом социального действия.

Культура, общность, социализация личности - это сферы, в которых действия индивидов координируются при помощи языка как средства речевой коммуникации. Люди действуют согласованно, если одни аргумен-

тируют необходимость или полезность тех или иных действий, а другие принимают эти аргументы как убедительные. Система и жизненный мир неразрывно связаны и зависят друг от друга. Система обеспечивает «материальную основу» коммуникативного действия посредством эффективного использования ресурсов и результатов целерационального действия для поддержания:

- 1) технического оснащения и организационных процедур накопления и передачи знания;
- 2) экономического благополучия, правового порядка и военной безопасности общности;
- 3) жизненных сил и здоровья индивидов.

Жизненный мир обеспечивает мотивацию целерационального действия посредством придания объектам и ситуациям значений, ориентируясь на которые, люди выбирают культурно, социально и индивидуально приемлемые цели и соотносят цели и средства. Но в современном мире, согласно Хабермасу, равновесие между системой и жизненным миром нарушено и система «колонирует» жизненный мир [14].

Колонизация происходит в форме бюрократизации и коммерциализации тех сфер жизнедеятельности, в которых создаются символические структуры. Деньги и власть постепенно замещают речевую коммуникацию в качестве средства координации действий в науке, искусстве, образовании, профессиональных ассоциациях, местных общинах, семейной жизни, воспитании подрастающего поколения. Колонизация жизненного мира - основная структурная проблема современного общества, так как распад символических структур ведет к мотивационному кризису: мотивация действий на основе придания им смысла исчезает и нарастает «системное насилие».

Действия на основе личного выбора, мотивируемые ценностными ориентациями, убеждениями, верованиями, замещаются действиями на основе вынужденного подчинения и корыстного интереса, то есть внешних стимулов, исходящих от системы. Такого рода действие совершается лишь до тех

пор, пока система оказывает на деятельность индивидов давление посредством денег и власти [7].

Колонизация жизненного мира является основной причиной социальных конфликтов в современную эпоху. На смену экономической и политической борьбе классов приходит борьба между общностями, чьи интересы связаны с экспансией системы, - предпринимателями, рабочими, служащими, государственными чиновниками - и общностями, чьи интересы связаны с поддержанием жизненного мира, - молодежью, этническими и культурными меньшинствами, религиозными фундаменталистами и т. д. В этих условиях главной целью исследования должно быть развитие такой формы мышления и мотивации деятельности, которая может служить идейной основой и практическим средством поддержания жизненного мира и сдерживания экспансии системы.

Хабермас для обозначения этой формы мышления и мотивации деятельности ввел понятие коммуникативной рациональности, противопоставляя ее инструментальной рациональности системы. При помощи концепции колонизации системой жизненного мира и концепции коммуникативной рациональности в теории коммуникативного действия объективистские парадигмы (структурный функционализм и феноменологическая социология) интегрируются с активистскими парадигмами (историческим материализмом и критической теорией).

Теория коммуникативного действия хорошо описывает и объясняет взаимосвязь и взаимодополнительность двух типов организации жизнедеятельности людей: формальных обезличенных образцов взаимодействия - «системы» и повседневных межличностных коммуникаций - «жизненного мира». Однако эта теория оставляет непроясненным вопрос о том, определяют ли социальные структуры (и системы, и жизненного мира) индивидуальные действия (и целерациональные, и коммуникативные) или, напротив, действия порождают структуры.

Альтернативой теории коммуникативного действия в решении данной проблемы является теория структуризации, созданная английским социологом Энтони Гидденсом (р. 1938). Теория структуризации - это научный под-

ход, основывающийся на представлении о воспроизводстве общества как системы взаимодействия между агентами (от лат. *agens* - действующий) - индивидами как субъектами действия, создающими структуры, которые, в свою очередь, служат объективными условиями - средствами (предоставляют возможности) и ограничениями (задают рамки) для последующих действий.

В работе «Конституирование общества» (1984) Гидденс представил теорию, которая должна соединить парадигмы, исходящие из примата структуры, и парадигмы, исходящие из примата действия, и тем самым положить конец «имперским притязаниям» субъективизма, характерного для интерпретативной социологии, и объективизма, характерного для структурного функционализма. Ключевое положение теории структуриации - тезис о дуальности, то есть двойственном характере социальных структур. Они, с одной стороны, являются результатом (часто непреднамеренным) деятельности индивидов, а с другой стороны, являются предпосылками этой деятельности [5].

Определяющая роль в социальных процессах агентов проявляется на трех уровнях осознания и контроля ими своих действий. Первый уровень - это мотивация действия, то есть возникновение внутреннего побуждения к действию как представления о необходимости и направленности действия. Второй уровень - рационализация действия, то есть определение процедуры действия на основе соотнесения целей и средств. Третий уровень - мониторинг (от англ. *monitoring* - наблюдение с целью контроля) действия, то есть рефлексия мотивов, процедуры и последствий действия. В случае успешного исхода действия (достижение индивидуальных целей, позитивная реакция со стороны социального окружения) использованные средства и процедура совершения действия рассматриваются индивидами в качестве образцов для последующих действий [7].

Согласно Гидденсу, люди характеризуются естественным стремлением к «онтологической безопасности» - определенной степени стабильности в жизни или, иными словами, «уверенности в том, что природа и социальный мир останутся такими, какие они есть».

Таким образом, рационализация и рефлексия агентами своих действий ведут к созданию социальных систем, которые упорядочивают взаимодействия и структурными элементами которых являются практики, то есть привычные действия.

Определяющая роль в социальных процессах структур проявляется в двух видах условий, создающих ограничения и возможности для деятельности агентов. Первый вид структур - это правила совершения действия, которые существуют в виде правил обозначения (языковых кодов) и в виде правил санкционирования поведения (социальных норм). Вторым видом структур - ресурсы для совершения действия, которые могут быть материальными и нематериальными (власть).

Ориентируясь на существование правил и доступность ресурсов, индивиды делают выбор в пользу совершения одних действий и отказываются от совершения других. Таким образом, влияние правил и ресурсов на мотивацию и рационализацию действий агентов ведет к воспроизводству агентами социальных систем [5].

Различные макросоциологические и микросоциологические парадигмы построены на основе разных комбинаций уровней компетентности агентов и видов структур. Например, комбинация представлений о рационализации, рефлексии и правилах санкционирования лежит в основе теории рационального выбора, а в основе феноменологической социологии - комбинация представлений о рационализации, рефлексии и правилах обозначения.

Таким образом, для микросоциологических парадигм характерен акцент на рефлексивности действия, а представление о структурирующей роли распределения ресурсов не является принципиальным. Напротив, для макросоциологических парадигм принципиально представление о мотивации действия, а источниками мотивации могут выступать классовое сознание и идеология (правила обозначения), социальные нормы (правила санкционирования) или распределение ресурсов. Например, в основе исторического материализма лежит комбинация представлений о мотивации, правилах обозначения, материальных ресурсах и власти; в основе структурного

функционализма - комбинация представлений о мотивации, рационализации и правилах санкционирования.

В концепции структуриации Гидденс попытался интегрировать существующие парадигмы на основе учета всех составляющих действия и структур и всех форм их влияния друг на друга. Структуриация - это процесс воспроизводства общества, характеризуемый взаимообуславливанием индивидуального действия и социальных структур.

Структуры предопределяют характер индивидуальных действий потому, что агенты руководствуются знанием (научным или обыденным) об обществе, то есть о существующих условиях взаимодействия. Действия индивидов предопределяют характер социальных структур потому, что агенты преследуют собственные цели, то есть используют те правила и ресурсы, которые позволяют или дают шанс реализовать индивидуальные интересы.

Теория структуриации хорошо описывает и объясняет, как действия и структуры оказываются причинами и следствиями по отношению друг к другу. Эти взаимосвязи Гидденс назвал «каузальными петлями». Однако теория структуриации переоценивает рефлексивность агентов и не позволяет объяснить ситуации взаимодействия, когда агенты не осуществляют «мониторинг», а восприятие ими ситуации различно в силу разницы в образовании, воспитании, жизненном опыте и т. п. [7].

Эта проблема решается в рамках альтернативной по отношению к теории структуриации парадигме - конструктивистском структурализме. Конструктивистский структурализм - исследовательский подход, основывающийся на представлении о том, что социальные структуры обуславливают практики и представления агентов, а агенты производят практики и тем самым воспроизводят и преобразуют структуры.

Практики - это скорее спонтанные, нежели рационально избираемые действия, реализующие привычные схемы мышления и деятельности. При помощи такой концепции практик создатель конструктивистского структурализма французский социолог Пьер Бурдьё (1930-2001) стремился преодолеть односторонность объективизма, представляющего социальные от-

ношения как независимую от индивидов реальность, и субъективизма, «не способного объяснить закономерность социального мира». В таких работах, как «Различение» (1979) и «Практическое чувство» (1980), Бурдьё показал, что социальные структуры «вне» индивида, данные в неодинаковом распределении материальных и символических благ, являются объективированными продуктами практик [3; 4].

Инкорпорированными, то есть находящимися «внутри» индивида, продуктами практик являются диспозиции - предрасположенности к определенному восприятию событий и к определенным образцам действий. Система устойчивых диспозиций, структурированных прошлыми практиками и структурирующих последующие, получила в теории Бурдьё название «габитус» (от лат. *habitus* - свойство, привычка).

Габитус как набор усвоенных, но неосознаваемых схем восприятия и производства практик, является моделью, позволяющей объяснять спонтанность, импровизационность практик, не прибегая к идее рефлексивного и свободного субъекта деятельности, и воспроизводимость, устойчивость социального порядка, не прибегая к идее объективной детерминированности деятельности.

Индивиды конструируют социальные структуры, но это конструирование не является произвольным, оно предопределено теми социальными структурами, которые в процессе накопления жизненного опыта, воспитания, образования сформировали мыслительные и поведенческие установки индивидов [7].

Совокупность позиций, фиксирующих объективные различия, и диспозиций, определяющих субъективные оценки, образует социальное пространство - комплекс отношений, объединяющих и разделяющих агентов символически и физически. Символическое разделение - это разделение индивидов на категории, представители которых больше или меньше стремятся взаимодействовать друг с другом, больше или меньше похожи по образу жизни.

Соответственно, эти категории «ближе» или «дальше» друг от друга в социальном пространстве. Символическое разделение приводит к разделе-

нию физическому, когда жизнь представителей различных общностей (этнических, религиозных, профессиональных и т. д.) концентрируется в разных регионах, районах, кварталах, зданиях и т. п.

Внутри социального пространства формируются особые сферы практик - поля, каждое из которых является автономной по отношению к другим полям ареной борьбы за ресурсы и символическое признание. Автономность обусловлена тем, что успех - занятие доминирующей позиции в данном поле, экономическом, политическом, академическом и т. п., зависит от обладания специфическим капиталом. Наряду с экономическим капиталом (собственность, деньги), Бурдье выделяет культурный (образование, воспитание) и социальный (происхождение, связи) капиталы.

Конструктивистский структурализм, как и теория коммуникативного действия, и теория структуризации, хорошо описывает и объясняет явления «на стыке» макросоциального и микросоциального уровней. Но интегративные парадигмы не устраняют дуализм в решении дилемм «структура или действие», «факты или смыслы», «объективизм или активизм».

Напротив, новые парадигмы, соединяющие концепции определяющей роли действия и концепции определяющей роли структуры, лишь умножают число альтернативных подходов и способствуют закреплению в социологии ситуации мультипарадигмальности [7; 8].

Оригинальный вариант решения проблемы интеграции макро- и микросоциологических парадигм, а также объективистских и активистских парадигм представлен в теории самореферентных систем, разработанной немецким социологом Никласом Луманом (1927-1998). Эту интеграцию можно назвать «негативной», поскольку Луман предложил не соединение понятий структуры и действия, а отказ от обоих понятий в пользу новых концептуальных средств описания и объяснения социальных явлений [9; 10].

Подход, сформулированный Луманом в работе «Социальные системы» (1984), основывается на представлении об обществе как о системе, элементами которой являются коммуникации - операции, уменьшающие сложность, то есть сложность, неопределенность в процессе совместной жизни людей [11]. Система существует как процесс разграничения «облас-

ти менее комплексного» - самой системы - и «области более комплексного» - окружающей среды системы. Коммуникация - это операция, производящая различие сообщения, информации и интерпретации.

Посредством коммуникации действия и предметы отграничиваются в качестве носителей информации от нее самой, то есть от содержания сообщения, а содержание - от придания ему смысла и оценки, то есть от принятия или отклонения сообщения. Таким образом, коммуникации поддерживают систему как социальный порядок тем, что производят различие социального и несоциального и придают смысл и определенность событиям.

Луман выделил три уровня формирования социальных систем: интеракция, организация, общество. Интеракция - это взаимодействие, обусловленное присутствием и непосредственным восприятием участниками друг друга. Интеракционные системы обеспечивают возможность простых и недолговечных коммуникаций [8].

Организация - это объединение, складывающееся на основе формализации участия (членства) и правил коммуникации. Организационные системы обеспечивают возможность продолжительных коммуникаций, но только для тех, кто является членом и выполняет правила. Общество - это всеобъемлющая социальная система, которая включает в себя все формы интеракции и организации. Общество обеспечивает повсеместную (в любой ситуации) возможность коммуникации.

Концепция социальной системы, образуемой коммуникациями, исключает применение традиционных понятий «действие» и «структура». Согласно теории Лумана, человек в качестве живого существа (организм) и в качестве мыслящего и деятельного существа (личность) оказывается за пределами системы.

Социальность явлений определяется не тем, что они результаты действий людей, а тем, что эти явления приобретают смысл в результате коммуникаций. Это значит, что социальным может быть и то, чего люди не делали, например НЛО. Их существование в качестве реальных объектов проблематично, но существование их в качестве коммуникаций - предмета оживленных дискуссий - совершенно очевидно. Нахождение человека как

субъекта действия в окружающей среде системы не означает, что система представляет собой комплекс объективных структур.

Социальность явлений определяется не тем, что они продукты структур (обычаев, норм, поведенческих образцов, распределения ресурсов и т. п.), а тем, что эти явления снижают комплексность внутри системы. Значит, социальным может быть и то, что не соответствует структурам, например обсуждение «запретных» тем или общение с «чуждыми» людьми, если такого рода сети коммуникаций проясняют ситуацию взаимодействия, упрощают функционирование организации или упорядочивают устройство общества [8].

Социальная система является операционно закрытой системой. Операционно закрытая система воспроизводится исключительно из собственных операций, и внешние события не являются «вводами» (inputs) в систему. Воздействия из окружающей среды сами по себе не проникают в систему. Однако эти события изменяют комплексность окружающей среды и, таким образом, служат раздражителями для системы, которая воспроизводится в процессе отграничения себя от окружающей среды.

Система улавливает эти события и воспринимает как раздражения потому, что существуют структурные соединения - координирующие связи между процессами в окружающей среде и процессами в системе. В случае социальной системы структурное соединение с окружающей средой обеспечивает язык, служащий средством обозначения и наделения смыслом природных явлений и состояний человеческого сознания. При помощи языка события в окружающей среде представляются внутри социальной системы в форме, пригодной для их распознавания в качестве раздражения, на которое система реагирует собственными операциями - коммуникациями, способными снизить возникшую комплексность, то есть поддержать границу «система / окружающая среда» [8].

Например, с точки зрения социолога, «изменение экологической ситуации» - это не серия природных процессов, а сеть коммуникаций, появляющихся в обществе как специфическая реакция операционно закрытой системы на процессы в окружающей среде. Операционная закрытость сис-

темы проявляется в том, что операции, поддерживающие общество, производятся из предшествующих операций системы - политических, экономических, научных, бытовых коммуникаций, а не из продуктов физических, химических и биологических процессов.

Операционная закрытость социальной системы - следствие самовоспроизводства (аутопойесиса в терминологии Лумана) системы. Коммуникации в системе производятся сетью коммуникаций и, в свою очередь, производят эту сеть как условие (ресурс) последующих операций системы.

Аутопойесис обуславливает еще одно важное свойство социальной системы - самореферентность. Коммуникации являются одновременно операциями производства и описания общества. Таким образом, нет внешней референции (от лат. *referens* - сообщающий), то есть нет внешней по отношению к системе инстанции, к которой можно обращаться за описанием общества. Общество - самоописывающая система. Социология - это не описание системы как объекта, это сеть коммуникаций, являющихся операциями самоописания и тем самым самовоспроизводства общества.

Теория самореферентных (аутопойетических) систем решает проблему «действие или структура» при помощи тезиса о том, что коммуникации порождают коммуникации, а проблему «объективизм или активизм» при помощи тезиса о том, что описание системы является частью операций, создающих систему.

Теория Лумана хорошо описывает и объясняет современные процессы и явления, когда автономизировавшиеся системы - политика, экономика, право, наука, религия и т. д. - самовоспроизводятся на основе специфических коммуникаций. Их элементы - коммуникации - соотнесены исключительно друг с другом. Внутрисистемная коммуникация обеспечивается особыми символическими средствами (власть в политике, деньги в экономике, закон в праве, истина в науке, вера в религии и т. д.), а межсистемная коммуникация затруднена, поскольку каждая система реагирует на процессы в других системах весьма избирательно [8].

Например, экономические проблемы представлены в политических коммуникациях лишь в той мере, в какой обсуждение этих проблем спо-

способствует воспроизводству системы власти; правовые проблемы представлены в экономических коммуникациях лишь в той мере, в какой законодательство можно использовать для достижения коммерческого и финансового успеха, и т. д.

Теория самореферентных систем, базирующаяся на понятиях коммуникации и операционной закрытости систем, не дает адекватных средств описания и объяснения неравенства и конфликтов, а также социальных изменений, вызываемых внутрисистемными, а не внешними по отношению к системе событиями. Поэтому, как и другие интегративные парадигмы, парадигма, основанная Луманом, не может полностью заменить созданные ранее парадигмы [там же].

Литература:

1. Бурдьё П. Социология политики. М.: 1993. – 287 с.
2. Бурдьё П. Структуры. Habitus. Практики // Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас. – Новосибирск, 1995. – С. 20 - 123.
3. Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. СПб., 2005. – 365 с.
4. Бурдьё П. Практический смысл. - М.- С-Пб.,- 2001.- С. 156-165.
5. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. – 2-е изд. – М.: Академический проект, 2005. - 327 с.
6. Гидденс Э. Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь / Пер. с англ. М.: 2004. – 376 с.
7. Иванов Д.В. Виртуализация общества. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2000. // <http://www.vbooks.ru/AUTHORS/IVANOV-DV/019748.html>.
8. Иванов Д. В. Виртуализация общества. Версия 2.0. - СПб.: Изд-во СПб. Ун-та, 2002. – 212 с.
9. Луман Н. Общество общества. Часть IV. Дифференциация. — М.: Логос, 2006. — 320 с.
10. Луман Н. Формы помощи в процессе изменения общественных условий // Социологический журнал. 2000. № 1. – С. 23-41.
11. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / Пер. с нем. И. Д. Газиева; под ред. Н. А. Головина. — СПб.: Наука, 2007. — 648 с.

12. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000, - 286 с.
13. Хабермас Ю. Понятие индивидуальности // Вопросы философии. 1989. № 2, - с. 56 – 63.
14. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия // Вестник Моск. ун-та. - Сер. 7. Философия. - 1993. - № 4. - С. 43 - 63.

3.4. ВИРТУАЛЬНОЕ (СЕТЕВОЕ) МЫШЛЕНИЕ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИИ

Интернет в виде глобального информационного пространства, глобальной Сети, включающей в себя множество сетевых сообществ, акторами которых являются виртуальные личности с неизбежностью формирует и новый тип мышления, который разные исследователи называют то сетевым мышлением, то виртуальным мышлением, то NET -мышлением.

В какой мере NET –мышление действительно является новым? На этот вопрос, вероятно, можно ответить, осмыслив атрибутивные признаки этого мышления и сравнив его с атрибутивными признаками мышления «доинтернетной» эпохи. Укажем, прежде всего, на основные профили человеческого мышления, под которым понимается интегральная психическая способность творчески-креативно, рационально-доказательно и обоснованно-фактически судить об окружающем мире и о себе в этом мире.

Термин «символическое мышление» является достаточно многозначным. Так, в психиатрии символическое мышление является индикатором расстройства психики. Так, в книге В.М. Блейхера «Патологии мышления» говорится о том, что символика присуща нормальному мышлению, использующему для выражения объектов, мыслей, идей, чувств специально разработанные системы знаков. Но иногда в роли символа выступает тот или иной объект, который приобрел в сознании людей большую аффективную значимость, выражает эмоциональный подтекст [1].

Другие авторы относят символическое мышление к типам шизофренического мышления, когда утретированная склонность к использованию сим-

волов присуща и лицам психопатического склада, согласно чему у них символическое мышление отличается неповторимым своеобразием и отражает присущую им аутистическую личностную позицию и в известной мере особенности течения заболевания [там же].

Тогда конкретно-наглядная символика приобретает крайне абстрактный вид, который психиатры называют псевдоабстрактным. В мире такой психики схематические построения чрезмерно оторваны от реальности, а символы не служат экономности и упорядоченности процессов мышления, а выполняют роль всеисчерпывающих и всеохватывающих объяснений.

С другой стороны, в развитии науки и научного познания объективно реализуется процесс перехода объяснительных процедур с естественного языка на язык искусственный, язык символов, знаков, формул. Само теоретическое мышление приобретает знаковый, символический характер. Собственно говоря, данный переход осуществляется в рамках реализации следующих целей: краткость описания объекта исследования, точность его описания и унифицированность его описания.

И вообще, согласно Д. Брунеру, мышление можно рассматривать как перевод с одного языка на другой. Следовательно, при четырех базовых профилях мышления возникает шесть вариантов такого перевода: 1. предметно-образный (практический), 2. предметно-знаковый (гуманитарный), 3. предметно-символический (операторный), 4. образно-знаковый (художественный), 5. образно-символический (технический), 6. знаково-символический (теоретический) [2]. В итоге на этих шести парах образуются двадцать четыре базовые комбинации-перехода, например, первой паре образуются следующие переходы: 1. Предметный переходит в образный. 2. Образный переходит в предметный. 3. Предметный переходит в предметный. 4. Образный переходит в образный и т.д.

Формирование нового типа мышления, мышления виртуального или сетевого – есть также процесс, переход. Это трансформационное состояние сознания и мышления современного пользователя Интернет-ресурсов, что однозначно отмечается исследователями. Они характеризуют трансформации стилевых характеристик индивидуального и группового мышления.

Данные трансформации и называют прообразом формирующегося виртуального сетевого мышления.

В целом новое мышление в Сети рассматривается исследователями как специфический способ познания новой пространственно-временной информационно-цифровой реальности.

Какими внешними признаками характеризуется виртуальное мышление. Исследователи подчеркивают, что виртуальное мышление провоцирует самовыражение виртуальной личности. Оно гарантирует виртуальной личности свойственную ей публичность при соблюдении ее анонимности в Сети.

Кроме того, Интернет формирует новый стиль самопрезентации индивида: рассказывая о себе человек, приглашает к участию в реальном, жизненном эксперименте взаимопознания и сотрудничества, сохраняя свое «истинное лицо». Интернет превращается также в универсальный способ самокоррекции личности и психологической адаптации к реальности путем публичной субъективности.

Net –мышление тесно связано с Интернет-коммуникацией и формами ее реализации. Одним из самых распространенных способов общения в Интернете стал чат (от англ. chat – дружеский разговор, болтовня). Это происходит, видимо, потому, что главный его смысл - в возможностях сохранения анонимности и бестелесности сетевого общения для самопрезентации личности. Возникла новая «культура сетевого общения», соответственно чему возникла и «культура сетевого мышления».

Интернет построен как глобальная информационная Сеть. И это обстоятельство, а именно, сетевой принцип архитектоники, а также и то, высшие психические функции человека также имеют характер нейронных сетей, что и определяет специфику такого феномена, как сетевые характеристики мышления нового типа.

Сетевое мышление имеет символический характер. Оно сопровождает и является сутью Интернет-коммуникации, в которой происходит обмен символами и образами, но не смыслами.

Понятие символа тесно соприкасается с такими категориями как образ, аллегория и сравнение. Первоначально символ обозначал вещественный знак, имевший тайный смысл для группы лиц, объединенных вокруг какого-нибудь культа. А.Ф.Лосев определял символ как «субстанциальное тождество идеи и вещи» [8].

Всякий символ включает в себя вещь (образ), но не сводится к нему, поскольку подразумевает присутствие некоего смысла, нераздельно слитого с образом, но ему не тождественного. Образ и смысл образуют два элемента символа, немислимые друг без друга. Поэтому символы существуют как символы (а не как вещи) только внутри интерпретаций.

В XX веке неокантианец Э.Кассирер обобщил понятие символа и отнес к «символическим формам» широкий класс культурных явлений, таких как язык, миф, религия, искусство и наука, посредством которых человек упорядочивает окружающий его хаос [3].

Виртуальное мышление как символизм на уровне сленга является знаком того, что объекты и процессы этого взаимодействия принадлежат виртуальной реальности и не принадлежат объективной реальности. Этот знак (символ) имеет только лишь указательный смысл: он указывает на различие реальностей, но не эксплицирует их, поскольку сам по себе не наполнен никаким содержанием, кроме отрицательного свойства типа «не принадлежит объективной реальности».

Данный знак (символ) является «указателем» такой «вещи», которая не существует как объективная реальность. Потому она и есть виртуальная реальность. Такая «указательность» дает образ «вещи», но никак не характеризует саму эту «вещь».

Следует разобраться со значением и смыслом данного образа. Значение термина, образа, слова или понятия – есть предмет (вещь), на которую указывает данное слово или образ. А смыслом – та информация, которую мы понимаем, используя данное слово или образ. В этом плане символ (знак) как элемент Интернет-коммуникации имеет значение не в виде указания на предмет, а в виде конвенции (например, принято в данном сообществе, что данный смайлик обозначает удивление актора информационного взаимо-

действия), а смысл этого знака лишь в его выделенных выше указательных характеристиках.

Соответственно этому, значение символа (знака) как элемента виртуального мышления состоит в указании на такой предмет, которого нет в объективной реальности. Но это указание еще не полно никаким содержанием, т.е. не имеет смысла. Смысл (содержательный контент) появляется тогда, когда знак становится термином, т.е. элементом дискурса. В дискурсе термин согласовывается с другими терминами, наполняется смыслом и содержанием. А для этого информационное взаимодействие должно быть не просто обменом информацией, а коммуникацией в полном смысле этого понятия.

Сетевое мышление тесно связано с такой характеристикой сознания виртуальной личности, как полифоничность. Полифоничность – новый феномен, отличающийся от монологичности текста (дискурса) и диалогичности «живых» обсуждений. Полифоничность как новый феномен сознания виртуальной личности связана с множественностью интерпретаций информационных контентов и с интерактивностью коммуникативного процесса в информационном пространстве.

Другим основанием полифоничности является распределенность сознания виртуальной личности в информационном пространстве. Виртуальная личность, благодаря анонимности, имеет возможность одновременного занятия разных виртуально пространственных и личностных позиций, т.е. может одновременно участвовать в разных ветвях форума (разных форумах), порой отстаивая разные, в том числе и противоположные тезисы. Крайним выражением этого эффекта распределенности сознания виртуальной личности является «расщепление» виртуальной личности, «расщепление» ее сознания и мышления.

Статистически наиболее распространенным типом человеческого мышления является вербальное (словесное, речевое) мышление. Спецификой виртуального мышления является то, что оно имеет характер текстуальности. Информационное взаимодействие, как правило, осуществляется с помощью текстовых сообщений.

В соответствии с этим, Интернет-тексты являются своеобразными фреймами знания и сегментами осмысления. Но в этом отношении текст Интернет-сообщения – это не письмо, имея в виду различие М.Маклюэном устной и письменной речи и соответственно, устного и письменного мышления [9]. Итак, Интернет-сообщение – это не речь и не письмо, соответственно чему, информационное взаимодействие в виде процесса виртуального мышления – это не речевое и не письменное мышление, а именно, текстуальное мышление, в котором текст выступает не письмом, а системой символов, знаков и образов с клишированными смыслами.

Понимание этого приводит к выводу о том, что Интернет-тексты – это не письмо в традиционном понимании. Это тексты в виде набора знаков и элементами текста являются не слова (опять же в традиционном их понимании) с их смыслами и значениями, содержанием и формой. Это некая сигнатура, общепринятая в данном формате информационного взаимодействия; это не мышление в традиционном его понимании, а скорее какие-то черновики мысли с различными отсылками к текстам или гипертексту.

Виртуальное мышление не только текстовое, оно также и гипертекстовое. Рассмотрим феномен гипертекста. Гипертекстуальность - эта особенность электронных текстов, которые являются формой информационного обмена в глобальном информационном пространстве. Суть гипертекста (в отличие от обычного текста) в том, что он, прежде всего, содержит систему ссылок на свои собственные и чужие тексты. Это означает, что носитель информации – гипертекст является не «закрытым», а принципиально «открытым» текстом.

Гипертекстуальность характеризуется, как предельная искусственность, моделируемость «виртуального» пространства, отсутствие телесности. Все эти характеристики могут быть рассмотрены, как возможность для построения такой социальности в пространстве компьютерно-опосредованного взаимодействия, которую можно назвать «рафинированной». Виртуальная реальность, сама, являясь результатом человеческой деятельности и сознания, существенно влияет на процесс его формирова-

ния, по-новому расставляет акценты в его составляющих, приводя к существенным изменениям и деформациям. Под влиянием виртуальной реальности происходят структурные сдвиги в рамках сознания [10].

Гипертекст, по сути, - это новый способ мышления в языковом отражении. Гипертекст способен к многочисленной трансформации, передвижке, к интерпретации его содержания многими способами. Гиперссылки обеспечивают возможность структурировать информацию «ломтями», связанными и в то же время относительно независимыми друг от друга.

Феномен гипертекстуальности как параметр виртуального мышления связан с еще одной характеристикой «текстового» мышления. Это феномен бриколажных текстов. Термин «бриколаж» (от фр. «bricoler» - играть отскоком, рикошетом или мастерить что-либо из подручных материалов) применяется в качестве специального при игре на бильярде или в мяч и выражает представление о неожиданном движении. В научный дискурс понятие «бриколаж» ввел К. Леви-Строс, с его помощью он определял специфику мифологического мышления: «мифологическая рефлексия выступает в качестве интеллектуальной формы бриколажа» [7, 130].

Бриколажная логика, по мысли К. Леви-Строса, действует как калейдоскоп, составляя новое образное единство и целостность на основе обломков прежнего опыта. В работе «Первобытное мышление» он пишет о том, что бриколер - «это тот, кто творит сам, самостоятельно, используя подручные средства», и что при создании нового он «должен вновь обратиться к уже образованной совокупности инструментов и материалов, провести или переделать ее инвентаризацию» [там же, 126, 128].

Таким образом, бриколаж представляет собой активность мифологического мышления в пределах уже имеющихся возможностей: мир инструментов и материалов бриколера замкнут, создание нового происходит на основе использования и структурирования подручных элементов.

Использование компьютерных технологий (а именно, перевод обычных текстов в «электронные» путем сканирования и их доступность через Интернет) порождает новый тип реферативно-компилятивных (мета)текстов – своеобразную мифологию Интернета. Это информационное пространство,

структурированное средствами Сети, ее бриколаж. Соответственно этому, как пишет С.Л.Катречко, формируется бриколированный гипертекст, который 90–99% состоит из цитат, парафразов и целых (больших) кусков текстов других авторов [4]. Бриколажная логика – характерная черта виртуального мышления.

Текстовое мышление виртуальной личности имеет еще одну характерную черту. Она определяется феноменом человеко-машинных текстов и (пост)текстов. Человеко-машинные тексты как фактор информационного обмена в информационном пространстве могут быть представлены как своеобразный «интеллектуальный робот». Он способен создавать человеко-машинные тексты, формировать так называемые квазиосмысленные тексты.

Язык виртуального общения отличает бессистемность использования лексических единиц, смысловая неопределенность, текстуальная незаконченность, отсутствие общепринятых интерпретаций, недискурсивный характер. Мышление такого типа отличает отрывочность, рваный стиль, отсутствие аргументации. Такое мышление можно назвать логомахией (логомахия – от греч. «логос» - слово, «махэ» - спор) – такое выражение мыслительного процесса, в котором не определен его предмет, нет общих соглашений о том, что допустимо, а что – нет, выражение мысли о том, «в чем нет существенно важного» [5].

Пользователи информационных ресурсов виртуальные личности в Интернете анонимны. Сказывается ли это на характеристиках виртуального мышления? Конечно, виртуальное мышление напрямую назвать анонимным нельзя. Формат его анонимности несколько иной. Это связано с тем, что в виртуальной реальности осуществлен переход от традиционного индивидуального сознания к состоянию пост-сознания. Это характеризует новое состояние сознания, состояние пост-сознания в виде наделения его наиндивидуальными качествами и свойствами.

Виртуальное сознание – трансперсонально и именно в этом реализуется его анонимность. Трансперсональность индивидуального виртуального сознания – это его наиндивидуальность.

На индивидуальность индивидуального виртуального сознания выражается в феномене смыслового информационного резонанса. Последний – есть пространственное «место» встречи виртуальных индивидуальностей в индивидуальном контакте. Указанное «место» встречи есть виртуальное пересечение множества векторов, точка виртуального пространства, которое имеет бесчисленное множество «входов» (подключений, контактов, новых смысловых резонансов).

Смысловой резонанс – не просто информационный аналог векторов Сети. Это аккумулятор информационного взаимодействия, в процессе которого появляются новые сообщения, новые тексты информационного обмена, новые мысли. Смысловой резонанс – это сетевая лаборатория виртуальной мысли [11].

Исследователи спорят, можно ли называть традиционно понимаемое мышление рациональным, соответственно и сознание рациональным, а виртуальное мышление и сознание – пост-сознанием. Во всяком случае, определенные черты перехода от классического рационального сознания к пост-рациональному мышлению (пост-сознанию) можно наблюдать, оценивая мониторинги Интернет-коммуникации. Это связано и с символизмом виртуального мышления, и с его текстуальным и гипертекстуальным бриколажным характером, и с его индивидуальностью и надперсональностью, и с его человеко-машинными текстами, как фреймами знания, и с его полифоничностью, и с его распределенностью в информационных ресурсах Интернета.

Итак, что является доминирующими характеристиками виртуального мышления? Это, прежде всего то, виртуальное мышление является процессом, опосредованным компьютерной коммуникацией. «Виртуальная личность» в виртуальной реальности (информационном пространстве) вступает в компьютерно-опосредованную коммуникацию и этим порождает новый опыт получения, использования, переработки и применения информации. Этот процесс и есть виртуальное мышление.

Ключевыми чертами виртуального пространства является, прежде всего, гипертекстуальный характер этого процесса. Это связано с тем, что

коммуникативная Интернет-среда представляет собой информационное поле ссылок, гиперссылок и цитат, составляющих, с одной стороны, особое нелинейное, хаотичное пространство, с другой – предоставляющее предельные возможности для конструирования коммуникации и виртуальной бытийности в целом.

Монтирование кадров виртуального сознания связано с тем, что одной из характеристик такой процессуальности является то, виртуальное мышление является монтажным и аудиовизуальным. Аудиовизуальное мышление проявляется в образных обобщениях эмоциональных реакций, световых, колористических, композиционных, ритмических и прочих решений на основе соотнесения звукозрительных образов, порождающих многообразие ассоциативных связей.

К характерным чертам виртуального мышления следует также отнести его «месседжевый» характер, молекулярность, мозаичность и клиповую природу. Наиболее массовым средством передачи информации через информационный канал является коммуникационное сообщение (message). Отсюда и то, что мы назвали бы «месседжевым» характером виртуального мышления. Это отрывочный ситуационный процесс информационного взаимодействия, соответственно чему и обработка этой информации, суть виртуальное мышление также является в какой-то мере отрывочным, ситуационным, или «месседжевым».

Мозаичная картина мира – сегодня вообще доминирующая тенденция в СМИ. А Интернет – самое из всех имеющихся массовое СМИ. В этой клиповой мозаичной фактуальной картине хаос восприятий, сумятица смыслов, мифологемы убеждений, иллюзии представлений, непредвзятые заблуждения, преднамеренная дезинформация и манипуляция. Клиповое мышление – это мышление потребителя, пользователя дозированной информации, которая мозаично препарирована, молекулярно выделена и доступной простой форме подана. Оно ориентировано на простую насущную потребность, удовлетворение которой и есть то, на что ориентировано мышление этого уровня. Мы далеки от того, чтобы приписывать клиповому мышлению какие-то предельно отрицательные характеристики. Но это

упрощенное мышление, которое не позволяет человеку быть целостным, глубоким, личностным.

Такое мышление вырабатывается в виде навыка к быстрому и постоянному просматриванию сайтов. Оно ведет к тому, что человеческий мозг теряет способность к системному и углубленному мышлению. Кстати, физиологи подчеркивают, что при работе с Интернетом постоянно задействуются те области головного мозга, которые отвечают за краткосрочную память и принятие быстрых решений. Как результат, эти области постоянно тренируются и развиваются, в отличие от зон глубокого детализированного анализа проблем, в том числе и фундаментальных.

Литература:

1. Блейхер В.М. Патологии мышления. Киев. Здоровье. 1998. – 231 с.
2. Брунер Дж. Психология познания. М.: Прогресс, 1979. – 354 с.
3. Кассирер Э. Философия символических форм: В 3 тт. / Пер. с нем. С. А. Ромашко. Т. 1 — М.—СПб.: Университетская книга, 2002. – 436 с.
4. Катречко С.Л. Специфика философского дискурса // Философия в современном мире: опыт философского дискурса. М.: 2003. - С. 23–33.
5. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М.: Наука, 1976. - 718 с.
6. Крюкова О.Н., Литвиненко Л.Л. Формирование культуры доверия в «обществе знания» // <http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/>
7. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: 1985. - 436 с.
8. Лосев А.Ф. Миф. Число. Сущность. М.: Мысль, 1994. – 476 с.
9. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. / Пер. с англ. В. Николаева. М.: Жуковский: КАНОН-пресс-Ц, 2003. – 212 с.
10. Поправко В. Н. Закрытое Интернет-сообщество как форма коммуникации в виртуальном пространстве // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 336. – С. 52-54
11. Интернет-мышление <http://iph.ras.ru/page50056493.htm>

3.5. СОЦИОЛОГИЯ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Современное общество, находящееся в транзитивном состоянии перехода к информационному обществу, характеризуется быстрым развитием информатизации социальных процессов, нарастанием информационной составляющей всех социальных процессов.

Можно утверждать, что в настоящее время имеет место качественный сдвиг, который существенным образом сказался на процессе реального формирования и функционирования Интернет. Можно сказать, что в настоящее время Интернет стал не просто глобальной формой информационного обмена и взаимодействия.

Сегодня Интернет – это важнейший социальный, экономический, политический повседневный фактор. Более того, в настоящее время всемирная глобальная Сеть является уже не только фактором социальности, а и самой социальностью, экономикой, политикой и повседневностью.

Интернет сегодня – это массовое явление. Во всех своих проявлениях от развлечения, досуга и самообразования, от рекламы и глобального маркетинга, от отдельных сетевых сделок и электронных контрактов, Интернет трансформировался в способ существования современного общества.

В настоящее время имеет много споров относительно того, является ли Интернет частью современного общества или это уже современное общество есть всего лишь часть глобальной информационной Сети. Можно сказать, что этот спор не имеет однозначного разрешения и чем-то напоминает пресловутую проблему первичности курицы или яйца.

В любом случае, современный Интернет реален, как реальная и современная реальность. Говорить о том, что Интернет существенно и реально влияет на развитие современного общества – это значит, ничего не сказать. Он и есть реальность современного мира и в определенном отношении, и есть современный реальный мир.

Сегодня уже понятно, что реальность Интернета выражается и в том, что он имеет не только информационную, техническую и технологическую сущность. Он имеет социальную сущность и одним из проявлений его со-

циальной сущности является то, что Интернет имеет свою собственную социальную структуру.

Социальная структура Интернета не является калькой и копией существующей реальной социальной структуры. Можно сказать так, что социальная структура современного Интернета выражается в том, что он имеет свои собственные социальные сегменты, системы, подсистемы, структуры и подструктуры.

Более того, современный Интернет характеризуется тем, что он имеет свой собственный социальный состав, свое «население», своих субъектов, акторов, агентов, пользователей. Это «население» вселенной Интернета характеризуется специфическими критериями стратификации.

Интернет-стратификация характеризуется критериями постоянного или временного использования информационных ресурсов, доступом к этим ресурсам, управлением этими информационными ресурсами и владением (собственностью) этими информационными ресурсами.

Соответственно этому, акторы и агенты информационного обмена и взаимодействия различаются социальными, политическими, психологическими, индивидуально-личностными параметрами и характеристиками.

Такой отечественный исследователь, как Г.С.Батыгин в своей работе «Социология Интернет: наука и образование в виртуальном пространстве» отмечает, что интерес, прежде всего, представляют исследования информационных массивов, их доступность, Гипертекст как массовая информация, Интернет-коммуникации и сотрудничество в Интернете, сетевые сообщества и структура пользователей информационными ресурсами.

Архитектура сети, по мнению автора, способствует формированию двух противоположных тенденций в структурировании виртуальных сообществ. Участники информационного обмена входят одновременно в несколько «клик» и групп и могут принимать разные профессиональные идентичности. Поскольку большая часть контактов в сети имеет эпизодический характер, виртуальные сообщества достаточно диффузны и неустойчивы. С другой стороны, в виртуальной коммуникации усиливаются корпоративизм и стремление оградить локальные сообщества, в том числе

«колледжи», объединенные взаимным цитированием (взаимным восприятием), от нежелательных внешних контактов. Аналогичным образом происходит формирование структурированных подгрупп в диффузном межличностном взаимодействии. Виртуальное пространство становится ареной борьбы за распределение ресурсов и контроль за информацией.

На смену массовой коммуникации, основанной на пространственном различии автора сообщения и аудитории, приходит интерактивная коммуникация — аналог межличностного общения. Гиперпространство не разрушает «естественную» межличностную коммуникацию, а наоборот, повышает ее интенсивность и расширяет многообразие ее форм независимо от предметного содержания. Нормы, идеологии, предрассудки, моды, этикеты, стандарты жизни, круг общения, представления о возможном и необходимом являют собой проекцию виртуального мира на повседневную жизнь.

Методология социологического исследования Интернета связано с тем, что это единая информационная Сеть, являющаяся основой виртуальной реальности трансформируют социум и порождают в нем такие новые качества, которые можно назвать социальностью нового типа. Эта новая социальность характеризуется коммуникативно-информационным взаимодействием, осуществляемым через посредство единой компьютерной Сети, на основе единого информационного пространства.

Кроме того, виртуальная реальность является специфическим состоянием сознания современного общества (виртуализацией сознания), выражением особенности современной эпохи (развития цивилизации на уровне общества, основанного на информации) и параметром соответствующей этому формой социальности — виртуальной социальности.

Все указанные новые качества и свойства имеют динамический характер нового типа социальных связей и отношений, которые выражаются в массовом коммуникативно-информационном взаимодействии.

Данное взаимодействие реализуется и осуществляется на различных уровнях: на индивидуальном уровне взаимодействия акторов, на уровне взаимодействия актора с социальной группой пользователей, на уровне

взаимодействия групп пользователей, на социетальном и социальном уровнях.

Это взаимодействие осуществляется в самых разных сферах: в сфере повседневности, в сферах образования, самообразования и самосовершенствования, в досуговой и игровой сферах, а также во всех сферах социальной жизни: экономической, предпринимательской, политической, культурной, экологической и т.д.

Виртуальная реальность является не только информационно-технологическим порождением объективной социальной реальности, но она также активно взаимодействует с последней, отражая ее запросы и потребности и активно влияя на нее. Вопрос об отражении виртуальной реальностью реальности объективной также не является таким уж простым. Сам характер отражения предусматривает новое системное качество этого взаимодействия.

Социум нового типа, информационный социум основывается на коммуникации, которая становится жизненной тканью этого общества. Это общество коммуникации, которая пронизывает все его поры.

Современная коммуникация – это:

- движение информации;
- обмен информацией;
- информационное взаимодействие;
- коммуникативное производство информации, которая:
- трансформируется в основную движущую силу общества;
- становится продуктом;
- становится основным товаром;
- становится основной ценностью;
- выступает в качестве основной производительной силы общества.

Реализация коммуникативного информационного обмена осуществляется в различных Интернет-жанрах: в виде публичного Интернет-дневника (так называемого «ЖЖ», или «Живого Журнала» (с англ. Live Journal), общение в форумах, блогах, на сайтах, также относится к проблемным узлам рассмотрения Интернет-коммуникации. Наконец, важным проблемным уз-

лом является рассмотрение моделей коммуникативного взаимодействия через Интернет.

Информационная Сеть многократно усиливает возможности, оперативность информационного взаимодействия за счет большой скорости, как процесса доставки информации, так и в самом осуществлении процесса коммуникации.

Под Интернетом следует понимать не только как международную [$\langle \text{inter(national)} + \text{networks} \rangle$] сеть, а именно как [$\langle \text{inter(connected)} + \text{networks} \rangle$], т.е. объединение, сопряжение, взаимосвязь коммуникационных сетей [5]. Все это вместе взятое порождает то, что сегодня в специальной и массовой, технической и гуманитарной областях знания и соответствующей литературе называется такими концептами, как «виртуальная реальность», «Интернет-пространство», «Интернет-среда», «Интернет-пользователь» «Интернет-сообщество», «Интернет-аудитория», а также «информационное пространство», «информационная сфера общества» и др.

Один из срезов методологии социологического исследования Интернета связан с тем, что глобальная информационная Сеть есть, прежде всего, новый тип массовой коммуникации. Исследование коммуникации, опосредованной глобальными информационными взаимодействиями, осуществлено в работах таких отечественных и зарубежных исследователей, как А.Абросимова, А.Ю.Антоновский, А.С.Биккулов, М.С.Вершинин, Е.В.Лазуткина, К.В.Овчаров, М.К.Раскладкина, Е.Спивак, С.В.Тихонова, А.В.Чистяков, О.Бразерс, Дж.Ликлайдер, М.Ричардсон и А.Рэкеч, К.Спербер и В.Вивер, Р.Стоуньер, Ф.Уэбстер и других авторов.

Осмысление виртуальной реальности как нового типа массовой коммуникации обусловлено тем, что коммуникация, осуществляемая на основе глобальных информационных ресурсов, способствует существованию, функционированию и жизнедеятельности отдельных индивидов как пользователей Интернета и устойчивых групп пользователей (онлайн-сообществ), составляющих социум Интернета, его акторов и пользователей [105]. Это, как подчеркивает такой исследователь, как Е.И.Горошко,

дает возможность рассматривать Интернет как качественно новый объект и предмет изучения [64; 65].

Другая группа исследователей, в частности, Газиев И.Д., Кутюгин Г.И., Тираспольский Л.М. и другие ориентирована на исследование сетевой природы виртуальной реальности.

Интернет становится «творцом» социума нового типа, он сам становится социумом и социальным институтом социума. Это его главное социально-информационное качество и его отмечают такие исследователи, как М. Кастельс, А. Неклесс, А. Биккулов, А. Родионов, А. Чистяков, Д. Кутюгин, Т. Бальжирова) [2; 3; 15; 16; 21].

Другая группа исследователей сосредотачивается на теориях виртуализации. Это связано с исследованиями виртуализации социального или социальной виртуализации. (П.Абрамов, А.Абросимова, А. Бюль, М. Вейнстейн, Д. Иванов, Д.Куликов, А. Крокер, М. Паэтау, Б.Свиридинов). В частности такой исследователь, как Д.В. Иванов, отмечает, информационное поле трактуется как некий фантом, виртуальный аналог или своеобразный образ мира, его информационная цифровая матрица [10; 11].

Следующее направление исследований в области методологии исследования информационной Сети основывается на методологических принципах постмодернистских концепций осмысления сути социальной жизни и самой социальности.

Здесь Интернет понимается, как пишет тот же Лиотар Ж.-Ф., как некая постмодернистская конструкция в виде виртуальной агоры. Эта постмодернистская конструкция есть суть один их принципиально незавершенных проектов постмодерна [19].

Об этом пишут такие исследователи, как Адамс, Дж. Айткен, Арестова О.Н., Бабанин Л.Н., Артамонов Г.Т., Кристальный Б.В., Курносков И.Н., Войскунский А.Е., В. Емелин,, Л. Компанцева, А. Маркхем, Л. Шедлетски и другие авторы.

Следующий подход в изучении Интернета и сетевого общества основан на далеко не новой идее глобального сверхобщества. Это сверхобщество является своеобразной высокотехнологичной (хайтековой надстройкой,

этаким «цифроградом») над обычным обществом. Оно порождается обычным обществом, является производным от соответствующих информационных технологий, но на определенном этапе начинает влиять на общество и даже управлять им.

Следующий подход, согласно такому исследователю, как Волохонская М.С. [6], связан с теорией дискурс-анализа, которая базируется на представлении о том, что дискурс вообще, в том числе и дискурс, свойственный Интернет-практикам, специфическим образом конструирует мир социальных коммуникативных отношений по их использованию, смысловому системобразованию, коммуникативной лексике и т.п. Это, на наш взгляд, дискурсное конструирование социальной реальности.

А.Некlessа считает глобальную Сеть неким обобщенным и абстрактным образом некоего «Фантомного Виртуального Града». Дискурс этой метафоры – новая общественная среда обитания в виде виртуально неограниченных просторов [21].

Глобальная Сеть есть нечто, напоминающее «электронную нервную систему». Ее аналог можно найти в любой сложно организованной социальной системе (в социальной организации, в государственной системе и т.п.). Такая информационная система, представленная информационной сетью, выступает как своеобразная «электронная нервная система». Подобная информационная система, как аналог «электронной нервной системы», может быть охарактеризована как сложный комплекс самых разных централизованных, децентрализованных и локальных информационных процессов. С помощью данных процессов социальная организация конструирует свой мир (так она его воспринимает, так она реагирует на его изменения, так изменяется она сама) [9].

Сетевые формы социальности рассматриваются в работах таких исследователей, как К.Агитон, П.Д.Абрамов, А.С.Аладышкина, О.Н.Арестова, Л.Н.Бабанин, А.Е.Войскунский, С.В.Бондаренко, И.А.Вершинская, А.Ю.Деньжакова и С.В.Шибанов, А.В.Назарчук, С.И.Паринов, В.Н.Поправко, А.Б.Скуратов и др. Сложности философского осмысления

этих понятий, как отмечает такой исследователь, как Носов Н.Н. в своей работе «Виртуальный человек».

В основе архитектоники глобальной Сети – сетевое сообщество. Как отмечает в своей работе «Феномен сетевого общества» такой исследователь, как Д.В. Куликов, под сетевым обществом (сообществом) понимается специфический вид социальной организации (социального образования или социальной агрегации), существование которой имеет место в информационной социальной сети, которое является устойчивым образованием, включает в себя постоянных членов (актеров, агентов, пользователей информационных ресурсов, объединенных общими интересами, потребностями и целями. Сетевое общество или сообщество можно и нужно понимать в расширенном и зауженном смысле данных терминов. В расширенном смысле сообществ – это все представители сети (как постоянные члены, зарегистрированные акторы или агенты) и временные члены (гости).

Сетевое сообщество виртуально. Общество-сеть также является виртуальным образованием. Сетевое сообщество, и общество-сеть есть виртуальные агрегации акторов или агентов, но для первых главным объединительным мотивом является внутренняя побуждающая причина (интерес, заинтересованность, увлечение, хобби и т.п.), а для вторых объединительный мотив кроется в тех социальных практиках, субъектами которых они являются в реальном обществе. Социальные практики также могут дополняться внутренними мотивами (интересом или увлечением, той или иной склонностью индивида), но для социальных практик это не является доминирующим и определяющим [20].

Виртуальная реальность – абсолютно новый мир и направления ее исследований трудно даже перечислить. Мы в настоящем разделе остановимся на двух аспектах этих исследований, а именно, исследовании природы сетевых сообществ как нового типа социальности и исследовании виртуального мышления и менталитета.

Глобальная информационно-коммуникационная Сеть имеет свою собственную социальную структуру, которая, не копируя реальную социальную структуру, имеет свои различные сегменты, системы, подструктуры,

своих «подданных» - пользователей, свои сетевые сообщества, стратифицированные согласно критериям доступа к информации, управления информационными потоками, согласно своим индивидуально-личностным и бизнес-интересам, политическим предпочтениям, психологическим пристрастиям, мотивам, целям, установкам, особенностям общения и информационного взаимодействия.

Термин «сообщество» (community), представляется весьма неоднозначным. Обычно его используют для описания некоторой агрегации людей, но социологический смысл термина далек от бесспорности. Так, по мнению Р. Хойслинга, это понятие не более, чем социальный конструкт и его содержание непрерывно изменяется и пополняется [25, 34]. Этот термин активно используется и в характеристике политических, экономических, религиозных, этнических агрегаций людей, а также в характеристике сетевых агрегаций. Тот же Р.Хойслинг считает, что социологический смысл термина «сообщество» следует понимать в значении группы людей, которые участвуют в каком-либо социальном взаимодействии и имеют между собой общие связи, черты, признаки, способы образования, формирования и функционирования [там же, 35].

Такое определение, на наш взгляд, вполне применимо к изучению Интернет-сообществ, т.е. групп людей, объединенных общими интересами, целями, формами информационно-коммуникативного взаимодействия. В словаре «Глоссарий-ру» дается следующее определение: Интернет-сообщество - это сложившаяся в процессе совместной деятельности относительно устойчивая система связей и отношений между пользователями сетевого информационного пространства. Сетевые сообщества – это специфическая форма организации Интернета, выражение его строения и структуры, в том числе, социального строения и социальной структуры. Но при всем этом, сетевые сообщества – элемент виртуальной реальности и от их виртуальных характеристик, как нам представляется, отвлекаться нельзя. Термин «виртуальная реальность» (от лат. Virtus — мнимый, воображаемый) был введен исследователями в Массачусетском Технологическом институте в конце 70-х годов для обозначения трехмерных макромоделей,

реализованных при помощи компьютера. Затем термин стали использовать применительно к сети Интернет, а также в аналитических рассуждениях как метафору [29].

Сегодня в узком смысле виртуальная реальность понимается именно как иллюзорная реальность трехмерного мира, создаваемого с помощью компьютерных технологий, позволяющая человеку взаимодействовать с представленными в нем объектами (включая изменение их формы, местоположения и т.п.), и в котором доминируют информационные и логико-языковые структуры. Синонимичным при этом выступает термин «киберпространство», введенный несколько позже и акцентирующий внимание не только на зрительно-слуховых механизмах восприятия компьютерной модели мира, но и на чувственно-тактильных, завершающих как иллюзию пространственности, так и иллюзию субъективного присутствия в нем.

Первый и самый поверхностный смысл термина «виртуальная реальность», как отмечает такой исследователь, как С.Л.Катречко, состоит в том, что это не естественная, а искусственная, порожденная человеком среда. С этим связан ее переменный характер в отличие от константного – устойчивого и постоянного – характера обычной реальности [17]. Виртуальный мир – это один из возможных миров, который отличается от действительного по тем или иным параметрам; мир, в котором действуют, возможно, другие, отличные от привычных нам законы (и который поэтому требует от нас определенных интеллектуальных усилий, т.к. мы к нему не приспособлены и наше инстинктивное поведение, являющееся результатом приспособления к обычному, действительному миру, здесь уже не помогает). Этот подход имеет давнюю философскую традицию. Об этом писал еще Г.Лейбниц в своей концепции монадологии и И.Кант в концепции «возможных миров» [13; 18].

В современной социальной философии и социологии весьма неоднозначно решается сложный вопрос о корректности соотнесения виртуальной реальности с объективной, или «реальной» реальностью, равно как и вопрос с реальностью сетевых сообществ. Об этом пишут такие авторы, как А.С.Аладышкина, С.В.Бондаренко, Г.И.Лыскин, В.Н.Поправко,

А.Г.Скуратов, В.Н.Щербина, которые характеризуют виртуальную реальность, как специфическую часть объективного мира. В работах И.А Акчурина, В.Л. Васюкова, Г.П. Меньчикова, С.С. Хоружего и других авторов даются некоторые принципиальные отличия этих двух видов реальности между собой.

Виртуальная реальность как вышеописанный фантом объективной реальности и сетевые сообщества виртуальной реальности являются системой информационного взаимодействия. Это динамично развивающаяся система (система информационных ресурсов, их владельцев, чисто материальных и технических ресурсов, акторов, находящихся в сложном сетевом информационном взаимодействии), система, отражающая потребности и запросы объективной социальной реальности, но во многом развивающаяся по своим собственным принципам и законам.

Пользователи Сети, акторы и члены сетевых сообществ, «населяющие» виртуальную реальность, подразделяются на временных и постоянных пользователей, пользователей объединенных в сетевые сообщества по интересу, хобби, по профессиональным, образовательным, коммерческим, идеологическим, конфессиональным, национальным, культурным или политическим предпочтениям. В виртуальной реальности «живут» также постоянные и временные «поселенцы» социальных сетей. Они характеризуют свои аспекты социально-информационного взаимодействия и связаны со своими социальными структурами виртуальной реальности. Это характеризует особый тип сетевой идентичности, форм самоотнесения к той или иной социально-информационной структуре, к тому или иному сетевому сообществу.

Можно сказать так: происходит размывание традиционной стратификации общества и в нем создается новая стратификация, которая в виртуальной реальности как в своеобразном информационном «зеркале» отражается множеством различных модификаций, связанных с информационным взаимодействием и информационным обменом. Новый вид приобретает и общество в связи с развитием его сетевых структур: сетевой экономики, сетевого бизнеса, сетевого способа организации продаж, сетевой структуры

магазинов, офисов, организаций. Сетевой характер приобретает и все, что связано с идеологическим воздействием. Палитра сетевого влияния и воздействия на сознание и поведение человека чрезвычайно широка: от сетевого вещания, до сетевой манипуляции, от сетевых тоталитарных сект до сетевого устройства общественных движений и партий.

Виртуальная глобальная информационная Сеть совершенствует сетевую структуру своего устройства. Она также представлена сетью виртуальных магазинов, сетью электронных презентационных площадок, маркетинговыми сетями, сетями профессиональных и любительских сообществ и т.п. Сетевое управление – также новый тип управления. Он характеризует многократно пересекающуюся, усиливающуюся ячеистую структуру, соты которой управляемы из единого информационного центра. Такой исследователь, как Говард Рейнгол определяет виртуальные сообщества как социальные агрегации, возникающие в глобальной информационной Сети, когда достаточное количество людей в течение достаточно длительного времени конструируют свои информационно-коммуникативные связи и принимают участие в публичных дискуссиях по социально значимым вопросам.

В такой агрегации людей, рекрутированной по интересам, профессиональным признакам, целям и пристрастиям, формируется весь спектр социальных отношений: эмоциональных, личностных, социетальных и т.п. Не простым является и ответ на вопрос о том, что же способствует формированию сетевых сообществ в киберпространстве? Вероятно, как подчеркивают современные исследователи, корни этого феномена следует искать в процессах урбанизации, глобализации и т.п., которые актуализируют определенные внутренние психологические мотивы и социальные потребности современного человека. Прежде всего, речь идет о потребности личности в общении, на основании которого организуются социальные группы и сообщества в Сети. Такие сообщества строятся на основе чатов, разнообразных форумов, игровых и прочих серверов.

Виртуальные сообщества охватывают все измерения сообщества как такового: экономическое, политическое, социальное, образовательное, са-

мообразовательное, досуговое, игровое и культурное. Такая форма информационного взаимодействия, как социальное взаимодействие в рамках электронных конференций и чатов приводит к складыванию разного рода межличностных и социальных отношений между участниками [22; 24; 26]. Такой исследователь Интернета, как Бондаренко С.В., отмечает, что сетевые структуры в условиях глобализации и формирования информационного общества приходят на смену иерархизированным и институционализированным структурам. Сетевые принципы, отмечает указанный автор, стали использоваться в анализе общества в целом, а само современное общество стало обозначаться как постиндустриальное, информационное, сетевое [4].

Таким образом, мы вслед за указанным автором, можем констатировать, что, во-первых, глобальное сетевое общество, равно как и сетевизация любого локального или глобального общества детерминированы бурным развитием информационных технологий и коммуникаций. Во-вторых, сетевой подход к современному обществу, ориентированный на рассмотрение современного глобального мира как сетевого общества, дает возможность изучать сетевые модели современного общества. Соответственно этому, как пишет Р.Н.Абрамов, сетевое общество – это и есть современное информационное глобальное общество, а сетевое сообщество – есть социальная структура сегмента такого сетевого общества [1].

Сетевая организация человеческих сообществ, как методы сетевого анализа социальных отношений, не является принципиально новым явлением, связанным исключительно с Интернетом. Элементы сетевого анализа впервые были сформулированы в классической социологии. Например, Георг Зиммель понимал «формальную социологию» как исследование базовых моделей социальных отношений, безотносительно к их объему или сущности. Это один из аспектов сетевого анализа, поскольку задачей сетевого подхода является исследование начальных, подчиненных структур социальных отношений и преемственность этой подчиненности от микро- до макроуровня. Идея Эмиля Дюркгейма о «социальной морфологии» также может рассматриваться как предтеча сетевого подхода. Для Дюркгейма

морфологический анализ означает «порядок, природу, размер и взаимодействие» частей.

М.Кастельс считает, что сетевизация есть выражение глобальных изменений общества. Он полагает, что доминирующие социальные практики встроены в доминирующие сетевые структуры, и наоборот, сетевые практики влияют на социальные структуры. М. Кастельс описывает следующую типологию, основанную на потребности и способности каждого исполнителя задачи связаться с другими рабочими в реальном времени в той же самой организации или в общей системе сетевого предприятия. Он различает три фундаментальных типа сетевых акторов: 1) сетевики-универсалы (*networkers*), которые устанавливают связи по собственной инициативе (например, в проектных работах, проводимых совместно с другими отделами компании) и прокладывают курс сетевого предприятия; 2) сетевики-операторы (*networked*), которые трудятся в режиме постоянного доступа, но не принимают участия в принятии стратегических решений; 3) внесетевые рабочие (*switched-off workers*), которые выполняют задачи, определенные не интерактивными односторонними инструкциями [14; 15; 16].

Эксплицируя понятие сетевого сообщества, мы намерены использовать методологию социального конструктивизма. Не лишая сетевые сообщества онтологического статуса, т.е. не сомневаясь в их реальной виртуальности, мы полагаем, что они есть специфические социальные конструкты. Для более всестороннего рассмотрения сущности виртуальной реальности в данной работе используется подход, обозначенный П. Бергером и Т. Лукманом в работе «Социальное конструирование реальности». С их точки зрения, реальность «реальна» в той мере, в какой она является содержанием коллективных представлений людей, то есть осознается ими [5].

В этом теоретическом допущении не содержится никакого предубеждения относительно реальности существования сетевых сообществ. Более того, любые другие социальные образования, будь то социальные группы, слои населения, страты, т.е. такие социальные образования, в реальности существования которых сомневаться не приходится, также являются социальными конструктами. Быть социальным конструктом – значит формиро-

ваться под воздействием методов коммуникации, информационного обмена, идеологии общества (в том числе и Интернета), продуцироваться средствами массовой информации и манипуляции, пиаром, а также работами исследователей в данной области. Любое социальное понятие, а понятие сетевого сообщества относится к такому разряду, есть социальный конструкт. Так, понятие сетевого сообщества конструируется исследователями посредством обоснования тех или иных методологических, теоретических предпосылок, политических, государственных или национальных идей и ценностей. Любой, кто думает, говорит или пишет о сетевых сообществах, принимает участие в их социальном конструировании. В том числе, когда автор пишет данную работу о природе сетевых сообществ, он тоже принимает посильное участие в конструировании данного понятия.

Любое понятие, в том числе и понятие сетевого сообщества, формулируется в языке, будь то язык повседневности и бытовой коммуникации, язык средств массовой информации, или язык исследователя. Любое понятие и схема его обоснования есть дискурс, т.е. связная, осмысленная и законченная устная или письменная речь. Таким же образом, и понятие сетевого сообщества (а исследователь работает исключительно с понятиями), является связным, в той или иной степени обоснованным языковым (общественное мнение, оценочные суждения и даже онлайн-анекдоты) выражением социальных идей, инновационных продуктов, информационных взаимодействий и обмена, даже чувств, мыслей и ценностей, а по происхождению, выступает произвольным продуктом эпохи и произвольным (осмысленным и целенаправленным) результатом идеологического воздействия на массовое сознание. Социальный конструкт – это понятие, вводимое или создаваемое исследователями по поводу наблюдаемых событий, отношений или объектов согласно оценке, масштабу ценностей, правилам предпочтения. Информационно-коммуникативное конструирование социальной реальности, как когнитивная практика анализа, представлена работами таких отечественных и зарубежных исследователей, как Бергер П. и Лукман Т., Герген К., Глазерсфельд Э. фон, Дейк Т.А., Джерджен К.Дж., Хартман Ф. и др. В исследовательских проектах социальное и коммуника-

тивное конструирование концептуализировано в принципах и методах конструирования, структурировано как познавательная и практическая технология и развернуто как когнитивная практика.

Итак, сетевые сообщества Интернета являются виртуальными фантомами, поскольку они представлены в иной реальности, нежели объективная реальность, но при этом они являются элементами социальной реальности, поскольку выражают социальные параметры информационного взаимодействия. В теоретическом плане, в плане экспликации их в понятиях, они являются социальными конструктами. Социальные конструкты – это искусственные теоретические образования с инструментальными служебными функциями, предназначение которых двойственное: 1. С одной стороны они есть термины теории, характеризующие определенный тип социальных отношений (в данном случае – сетевого сообщества); 2. С другой стороны, социальные конструкты – специфические маркеры социальных практик, указывающие на то, что именно отражением чего в данном случае является (а именно, сетевое сообщество – это отражение в профессиональном, пользовательском и массовом сознании и поведении, в социальной коммуникации, в социальном повседневном дискурсе, в сложившихся отношениях в информационном взаимодействии и оценка этого взаимодействия).

Нетривиальной исследовательской задачей является определение того, к разряду каких социальных явлений следует отнести дискурсивные социальные конструкты: к разряду социальной онтологии или к разряду социальной гносеологии, т.е. существуют ли они как реальные (пусть и виртуальные) объекты или являются всего лишь познавательной абстракцией, теоретическим изыском, символом и маркером. В первом случае – это реальные социальные явления, отношения и процессы; во втором – это теоретические абстракции или в любом случае ментальные образования. В этом отношении мы придерживаемся принципа Б.Рассела: «Везде, где возможно, следует подставлять конструкции из известных объектов вместо выводов о неизвестных объектах» [23, 324]. При этом мы также согласны с П.У. Бриджменом, который ввел термин «умственные конструкты», под

которыми понимал модели ситуаций, прямо «не фиксируемых» органами чувств, а эксплицированные косвенно, через процедуры вывода и теоретического обоснования [27]. Соответственно этому, социальные конструкты понимаются нами как своеобразные матрицы или операциональные модели оценок, ситуаций и действий, имеющие двойственную природу: они, как писал П.У.Бриджмен, являются «умственными моделями», т.е. теоретическими абстракциями (принадлежа сфере социальной гносеологии), с другой стороны – конструкты как модели выступают как база социальных практик, т.е. принадлежат сфере социальной онтологии [там же].

Эта двойственность социальных конструктов выражается в том, что они формируются как отражение социальных практик сетевого коммуникативно-информационного взаимодействия в теоретическом, пользовательском и массовом сознании и поведении и обобщаются теоретически в виде социальных конструктов и дискурсов.

Литература:

1. Абрамов Р.Н. Сетевые структуры и формирование информационного общества // Социс. 2002. № 3. - С. 133–141.
2. Бальжирова Т. Ж. Интернет как средство социальной коммуникации в условиях формирующегося в России информационного общества: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04. – Улан-Удэ, 2003. – 161с.
3. Биккулов А. С. Интернет как средство массовой коммуникации: Автореф. дисс. к. социол. н.: СПб.: 2003. – 25 с.
4. Бондаренко С.В. Социальная структура виртуальных сетевых сообществ. Автореф. дисс. д. социол. н.: Ростов-на-Дону, 2004. – 49 с.
5. Бронзино Л.Ю. Неклассические социологические теории и неклассическая рациональность. Автореф. дисс. к.социол.н.: М.: 2010. – 25 с.
6. Волохонская М. С. Дискурс-анализ как метод исследования доверия в интернет-коммуникации // Интегративный подход к психологии человека и социальному взаимодействию людей. Материалы научно-практической заочной конференции «Интегративный подход к психологии человека и социальному взаимодействию людей» / Под редакцией В. Н. Панферова, Е. Ю. Коржовой и др. - СПб.: Издательство НИИРРР, 2011. - С. 203-207.

7. Горошко Е.И. Лингвистика Интернета: формирование дисциплинарной парадигмы // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. – Орел: Картуш, 2007. – Вып. 5. – С. 223-237.
8. Горошко Е.И. Интернет-коммуникация: настоящее и будущее // О некоторых чертах цивилизации будущего. Научное издание по материалам Международного Форума к 90-летию со дня рождения академика РАН Н. Н. Моисеева. Под редакцией А. Т. Никитина и С. А. Степанова. - М.: Изд-во МНЭПУ, 2008. – 502с.
9. Журавлева Е.Ю. Основные этапы метафоризации Интернет (социально-философская проблематика) // Интернет и современное общество (IMS – 2007).
10. Иванов Д.В. Виртуализация общества. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2000. // <http://www.vbooks.ru/AUTHORS/IVANOV-DV/019748.html>.
11. Иванов Д. В. Виртуализация общества. Версия 2.0. - СПб.: Изд-во СПб. Ун-та, 2002. – 212 с.
12. Калмыков А. Что такое информационно-коммуникативное пространство? // <http://jarki.ru/wpress/2010/03/10/1004/>
13. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Сочинения. Т. 3. М.: Мысль, 1964. – 799 с.
14. Кастельс М. Могущество самобытности / Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология. М.: 1999. – С. 103-187.
15. Кастельс М. Информационная эпоха / Пер. с англ. М.: 2000. – 436 с.
16. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / Пер. с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитонова. — Екатеринбург: 2004. — 328 с.
17. Катречко С.Л. Специфика философского дискурса // Философия в современном мире: опыт философского дискурса. М.: 2003. - С. 23–33.
18. Лейбниц Г. Новая система природы и общения между субстанциями, а также о связи, существующей между душой и телом // Лейбниц Г. Сочинения. Т. 1. М.: Мысль, 1989. – 572 с.

19. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. Пер. с франц. Н. А. Шматко «Институт экспериментальной социологии», Москва: Издательство «АЛЕТЕЙЯ», СПб.: 1998. - 438 с.
20. Назарчук А.В. Сетевое общество и его философское осмысление // Вопросы философии № 7, 2008. - С. 61-75.
21. Неклесса А. Глобальный град: творение и разрушение // Новый мир. – 2001. - №3. – С. 143-153.
22. Поправко В. Н. Закрытое Интернет-сообщество как форма коммуникации в виртуальном пространстве // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 336. – С. 52-54.
23. Рассел Б. Человеческое познание: его сфера и границы. / [Пер. с англ. Н. В. Воробьева]. — М.: ТЕРРА — Кн. клуб: Республика, 2000. – 546 с.
24. Скуратов А.Г. Локальные Интернет-сообщества крупного российского города: социально-стратификационный анализ. Автореф. дисс. к. социол. н.: Екатеринбург, 2009. – 25 с.
25. Хойслинг Р. Контексты и перспективы сетевой теории // Социальные процессы как сетевые игры. Социологические эссе по основным аспектам сетевой теории – М.: Логос-Альтера, 2003. –192 с.
26. Щербина В.Н. Сетевые сообщества в ракурсе социологического анализа (опыт рефлексии становления «киберкоммуникативного континуума) / В.Н. Щербина. – Бердянск: Бердян. гос. пед. ин-т, 2001. – 252 с.
27. Berliner D.C. The Abuses of Memory: Reflections on the Memory Boom in Anthropology // Anthropological Quarterly. V. 78. N1. Winter 2005. - P. 197 - 211.
28. Rheingold Н. The Virtual Community — Perennial, 2000. – 346 p.
29. Интернет-мышление <http://iph.ras.ru/page50056493.htm>

ГЛАВА 4.

МОДИФИКАЦИЯ МЕТОДОВ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

4.1. КВАНТОВАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Концепцию квантовой социологии развивает такой отечественный исследователь как А.Шохов в своей работе «Квантовая социология, социальное пространство и деятельность» [4; 5]. С его точки зрения имеет место симметрия между квантовой механикой и гуманитарными дисциплинами. Указанную симметрию, по словам автора, отмечал еще В.Гейзенберг в виде квантово-механического образа мышления.

Отправной точкой размышления автора является то обстоятельство, что статистика, используемая при измерении социальных проявлений, противоречит природе социального по самой сути своего метода. В самом деле - ведь статистика создавалась для решения вполне частной задачи - расчета поведения идеального газа, частицы которого одинаковы и индивидуальное поведение которых случайно - важны макропараметры (объем, температура, давление). Разве можно назвать социальные проявления вполне случайными, а элементы - вполне одинаковыми? Следовательно, применяя статистику, мы поневоле искажаем социальную реальность. Мы применяем для обработки информации инструмент, который вряд ли для этого пригоден.

Автор исходит из представления, что социальное пространство является совершенно особенным, как по геометрии, так и по «физике» происходящих в нем событий, для современных социологов далеко не очевидно, более того, спорно и «ненаучно». Сам термин «социальное пространство», применявшийся, в частности, П. Сорокиным и П. Бурдьё, использовался ими не для обозначения принципиально иной реальности, а для фиксации особенностей расположения в физическом пространстве людей, имеющих различные социальные статусы и социальное происхождение [1; 2]. Автор

же намеревается рассмотреть социальное пространство как *отдельную реальность*.

Автор ссылается на то, что он в течение ряда лет ставит эксперименты в виде игровых моделей в пространстве такого рода. Конструктивная игропрактика, по его словам, позволяет менять способы взаимодействия менеджеров и работников внутри организации, одновременно позволяет на ограниченном отрезке времени (несколько дней) наблюдать и корректировать процессы, обычно разворачивающиеся в социальном пространстве организаций [6].

Социальное пространство выступает как система, а система – это целостность, состоящая из связанных друг с другом элементов, каждый из которых вносит свой вклад в характеристики целого. Такое определение с теми или иными вариациями дается всеми представителями системного подхода. Основными проблемами, встающими перед исследователем, анализирующим понятие «система» являются проблема возникновения интегральных системных качеств и проблема способа развития системы.

Социальные системы могут быть отнесены к особому классу систем, обладающему своими сущностными характеристиками. Социальные системы характеризуются тем, что системные признаки, закрепленные в определении любой системы, проявляются ими на нескольких экзистенциальных уровнях.

Это создает фактор сложности и неохватности социальных систем, которая до самого последнего времени не могла быть описана никаким другим математическим аппаратом, кроме статистического. При этом, большинство социальных процессов не могут быть корректно описаны как случайные, и в то же время они не являются строго определенными (в той степени, как, например, процессы классической механики).

Прикладная математика сегодня предлагает два математических аппарата: один для абсолютно детерминированных движений, другой для абсолютно случайных движений. Огромный класс задач, лежащий между этими двумя, остается недоступным. И именно к этому классу относится большинство задач, возникающих при управлениях социальными системами

и их развитием. Чтобы сформулировать аксиомы, на которых окажется возможным построение нового математического аппарата, необходимо изучить природу сложности социальных систем [4].

Она такова, что социальная система проявляет качество целостности, состоящей из частей, на нескольких уровнях экзистенции - на первом экзистенциальном уровне как потребитель информации, материальных и финансовых ресурсов, и одновременно производитель информации или материального продукта, на втором уровне - как система множества противоположных, а поэтому обуславливающих существование друг друга полюсов интересов, при этом распределение по указанным полюсам задает сеть игровых феноменов (*homo ludens*), а на третьем уровне как система социокультурных ценностей и управленческих технологий. Третий уровень - это система тех средств и принципов, на основе и с помощью которых строятся и реализуются игровые стратегии населяющих систему субъектов. Автор отмечает, что на каждом из этих экзистенциальных уровней социальная система предстает вполне законченной и самодостаточной [4].

Для того, чтобы признать изучаемую совокупность индивидов системой, нам достаточно было бы рассмотреть ее всего лишь на одном экзистенциальном уровне: на каждом из них социальная система предстает как целостность, состоящая из элементов, т. е. соответствует общему определению системы.

Этим свойством - существовать в трех указанных экзистенциальных пластах (предметном, игровом и социокультурном) одновременно, на каждом из них проявляя системные качества, обладают только социальные системы. Человек - объект проявляется как субъект множества пространств.

В социальном пространстве находятся статусы, ранги, роли, маски, ампула, опыт социальной деятельности. Оно же является ареной, на которой происходит взаимодействие занимающих разные позиции и стремящихся к разным целям субъектов.

В биологическом пространстве находится набор биологических программ, диктующих необходимость продолжения рода и выживания. Физи-

ческое пространство является наиболее изученным, поскольку внимание математиков и представителей естественных наук в течение нескольких тысячелетий было направлено на него. В рефлексивном пространстве расположен ментальный мир, содержащий в себе духовные и культурные ценности.

Ключевым понятием является понятие деятельности. Изучая деятельность, мы неизбежно сталкиваемся с проблемой соотнесения структуры и процесса. Признавая деятельность процессом, мы как бы отнимаем у нее признаки структуры, поскольку процесс может быть зафиксирован только «здесь и сейчас». Структура в данном случае не должна пониматься как нечто статическое и жестко зафиксированное. Лучшим для данной задачи пониманием структуры является следующее: структура - это форма локализации процесса.

На взгляд автора представление о социальном пространстве как о месте локализации деятельности, в котором она одновременно может быть представлена и как структура и как процесс благодаря свойствам этого пространства, позволяет разрешить проблему рассмотрения деятельности по - настоящему системно, при этом в модели деятельности процесс и структура выступают как *coincidentia oppositorum*.

Следующая проблема - это проблема фиксированной дробности изучения субъектов деятельности. Он называет уровень дробности рассмотрения фрактальным уровнем, а принцип выдерживания уровня дробности и не смешивания информации разных фракталов называет принципом фрактальности.

Деятельность, по мнению автора, обладает еще одним качеством: она имеет свойство «накапливаться» в экзистенциальных уровнях социального пространства. Фактически, именно деятельность создает то, условно говоря, вещество, из которого состоят эти уровни. Каждый субъект имеет социальный опыт - накопленную деятельность. Взаимодействуя с другими субъектами внутри одной социальной системы, он актуализирует этот опыт в процесс деятельности, что и создает социальную систему взаимодействий между субъектами деятельности [4].

Способность деятельности накапливаться может быть рассмотрена и под иным углом зрения. Дело в том, что целеполагание, проектирование, действие и рефлексия осуществляются индивидом внутри социальной системы на тех же экзистенциальных уровнях, на которых эта социальная система присутствует как целостность, состоящая из элементов. И если признается как факт существование внутри социальной системы особой, присущей этой системе социокультуры, если признается наличие общего для всей системы предмета и существование игровых феноменов внутри нее, то, поскольку на каждом из этих экзистенциальных уровней система представляет собою целостность, состоящую из элементов, этими элементами могут быть только населяющие систему действующие субъекты.

Но один и тот же субъект при этом может присутствовать на различных экзистенциальных уровнях в разной степени. Структура деятельности субъекта как бы «размывается» по тем экзистенциальным пластам, на которых расположена социальная система и на которых существует он сам. Возникает резонный вопрос: если деятельность каждого индивида протекает на разных уровнях в различной степени, каким образом оказывается возможным проявление социальной системой своих системных качеств на каждом из указанных уровней экзистенции?

Иными словами, что означает проявление системных качеств с точки зрения нормативной структуры деятельности субъектов? Для автора очевидно, что на каждом из экзистенциальных пластов проявившиеся в нем индивиды должны из частей структур своих деятельностей собрать единого коллективного субъекта деятельности. Тогда части соединятся в целое. Именно в этом должен состоять смысл управленческого воздействия на организацию.

Принцип бытийного разворачивания любого социального взаимодействия и деятельности определяется:

- с одной стороны деятельностью, которая есть процесс проявления субъекта;

- с другой стороны, социальным пространством, в котором деятельность может быть представлена как состояние субъекта и получает возможность «накапливаться»;
- с третьей стороны, этот принцип определяется сложившимся социальным «Я» (под социальным «Я» понимается проявление человека в качестве предмета социального пространства), которое имеет структуру, аналогичную описанной выше структуре деятельности, разворачивающейся на трех экзистенциальных уровнях;
- с четвертой стороны, принцип бытийного разворачивания социальных взаимодействий и деятельности определяется тем, что исследователь, находящийся в рефлексивном пространстве, изучает социальное пространство через призму собственного социального «Я».

Автор ставит вопрос о том, как описать свойства социального пространства и отвечает на него следующим образом.

Во-первых, социальное пространство дискретно (то есть это не многомерный континуум), во - вторых, его размерность и топологические характеристики непостоянны и изменяются в зависимости от того, что в нем происходит, в - третьих, социальное пространство субъектоцентрично, то есть имеет определенную структуру по отношению к субъекту деятельности, эта структура выглядит как предметный, игровой и социокультурный экзистенциальные уровни проявления социального «Я».

В социальном пространстве, кроме субъектов деятельности, располагаются атрибуты и знаки, имеющие отношение к реализации социального «Я» на том или ином экзистенциальном уровне, а также в том или ином социальном амплуа.

Таким образом, чтобы дать строгое определение социальной системы, по мнению автора, мы должны принять несколько исходных постулатов (аксиом):

Аксиома 1. Существует социальное пространство, населенное субъектами деятельности, имеющими свои атрибуты и знаки, в котором происходят структурированные особым образом социальные взаимодействия.

Аксиома 2. Социальное пространство структурировано относительно субъектов деятельности особым образом, эта структура представляет собою три несводимых друг к другу экзистенциальных пласта: предметный, игровой и социокультурный.

Аксиома 3. Существует нормативная структура деятельности, геометрически изображающаяся в виде круга, разделенного на сектора, существует принцип нормативности, задающий последовательность состояний субъекта деятельности.

Аксиома 4. Существует принцип фрактальности, утверждающий, что нельзя смешивать информацию, полученную с разных уровней детализации рассмотрения субъекта деятельности или любого другого предмета изучения.

Аксиома 5. Наличие сознания (аппарата *ego cogito*) создает необходимое, но не достаточное условие для пребывания в рефлексивном пространстве, из которого возможно изучение других пространств [5].

Социальная система представляет собой объединение субъектов деятельности, взаимодействующих в социальном пространстве на всех трех экзистенциальных пластах, то есть имеющих общий предметный контекст для предметного взаимодействия, общий контекст осуществления игровых действий и общую социокультуру, в которой зафиксированы принципы и средства игрового и предметного взаимодействия.

Организация является видом социальной системы. Организациями автор называет социальные системы, возникающие для удовлетворения индивидуальных и коллективных потребностей, внутренняя структура которых (систем) предполагает жесткое разделение обязанностей и распределение функций, служащее для достижения общей цели.

Аксиома 6. Невозможно определенно сказать, где в данный момент находится субъект деятельности в социальном пространстве организации. Можно говорить лишь о вероятности нахождения субъекта в данной области.

Данная аксиома говорит о том, что это невозможно сделать не потому, что этого не позволяет точность измерений, нет, это принципиально невоз-

можно, поскольку в мире социальном, как и в мире квантовой механики, отсутствуют определенность и однозначность [5].

Строго говоря, ни о какой вероятности речь тоже идти не может - это просто способ говорить о том, что трудно излагается на любом человеческом языке, а именно о том, что определенность отсутствует - субъекта нет в данной области, и он одновременно там есть. Выбрать ту или иную определенность представляется невозможным. Собственно говоря, именно этот постулат и уводит нас в ту область промежуточных задач - между детерминированностью и математической статистикой, к которой, как мы говорили выше, относится большинство задач управления организациями.

Неопределенность является принципиальной характеристикой социального пространства. Для характеристики социального пространства нужно сначала построить процесс, выводящий из неопределенности в определенность. А построить его можно только создав ситуацию, в которой субъекты деятельности вынуждены самоопределяться по целям, проектам действий, действиям и по пониманию ситуации в целом. Если удастся построить процесс, результатом которого становится самоопределение субъектов деятельности, они сами создают схемы работы, наиболее удобные для них, в наибольшей степени, позволяющие им самореализоваться, проявить накопленную ими в социальном пространстве структуру деятельности.

Определенность в проблемную ситуацию можно внести, только построив процесс, в котором состоится лично - профессиональные самоопределения. В момент самоопределения субъект сам себе задает четкую координату на нормативном кольце деятельности и в дальнейшем, используя имеющийся у него деятельностный потенциал (отраженный в виде коэффициентов матрицы), двигается по кольцу (соответствующим образом самоопределяясь на каждом этапе), пока ситуация не будет изменена и оптимизирована.

Итак, как отмечает автор, для каждого субъекта деятельности мы в состоянии построить матрицу, коэффициенты которой будут показывать степень его присутствия во всех областях социального пространства органи-

зации или, что то же самое, степень выраженности того или иного состояния субъекта деятельности. Здесь существует совершенно прямая аналогия с квантовой механикой, поскольку коэффициенты, стоящие в матрице, не являются характеристиками вероятности, а выражают амплитуду вероятностной волны, свойственной данному типу деятельности, который в свою очередь может быть определен как один из множества способов рангового распределения амплитуды по матрице.

Взаимодействие выступает как обмен квантами деятельности. Взаимодействуя, люди обмениваются вербальными и невербальными сигналами, которые содержат в себе описание их структур деятельности. При этом происходит обмен квантами деятельности, имея ввиду, что квант является порцией волновой энергии, имеющей определенную структуру.

Каждый такой пучок волн имеет определенную скорость, которую автор называет скоростью социального взаимодействия. Также он несет в себе энергию, которая прямо пропорциональна среднему арифметическому коэффициентов матрицы.

Создатель «теории администрации» Анри Файоль, в книге «Общее и промышленное управление» писал: «Все операции, какие только встречаются в предприятиях, можно разбить на шесть следующих групп:

1. Технические операции (производство, выделка и обработка).
2. Коммерческие операции (покупка, продажа и обмен).
3. Финансовые операции (привлечение средств и распоряжение ими).
4. Страховые операции (страхование и охрана имущества лиц).
5. Учетные операции (бухгалтерия, калькуляция, учет, статистика и т. д.)
6. Административные операции (предвидение, организация, распорядительство, координирование и контроль). Каким бы ни было предприятие: простым или сложным, небольшим или крупным, эти шесть групп операций, или существенные функции, мы встречаем в нем всегда» [3].

Таким образом, Анри Файоль еще до первой мировой войны сформулировал представление о трех экзистенциальных пластах организации. Социокультурный пласт он назвал правлением, игровой соединил с предметным при помощи существенной функции администрирования, но подчерк-

нул, что одна из сторон администрирования состоит в создании двойного - материального (иначе говоря, предметного) и социального (иначе говоря, игрового) организма предприятия.

Важно еще и то, что социальный (игровой) экзистенциальный пласт и правление (социокультурный пласт) не имеют для А. Файоля ценности сами по себе, а обретают его лишь по отношению к материальному (предметному) экзистенциальному пласту, обеспечивая бесперебойную предметную деятельность предприятия [3].

Ту же ориентацию на предметный экзистенциальный пласт мы находим и у Ф. У. Тэйлора. Кроме того, Тэйлор, занимаясь научной организацией труда, понимал научное управление как создание условий для наиболее рационального расходования сил рабочими в процессе рабочего дня.

Ф.У.Тэйлор рисует перед нами картину организации - команды, полностью соорганизованной, каждый человек в которой исполняет свои функции с предельной безупречностью. Научная организация труда - это такая организация, при которой хорошо работать каждому становится выгодно и при которой в своеобразной форме действует принцип социальной справедливости - каждый делает то, что может с максимальной отдачей и выгодой для себя.

Хоторнские эксперименты Элтона Мэйо являются этапом в развитии социологии организаций именно потому, что впервые внимание исследователей оказалось сосредоточено на игровом пласте социальной реальности и этот уровень экзистенции получил, наконец, право на самостоятельную роль в организации и обрел ценность сам по себе, а не по отношению к предмету деятельности.

Типология теорий управления четко соответствует структуре социального пространства: к теориям предметного уровня можно отнести кибернетическую теорию, байесовский подход, представление об организации как о «черном ящике» и представление об управлении как о руководстве (единоначалие, четкие задания, контроль исполнения, вознаграждение или наказание). К теориям игрового уровня можно отнести менеджмент и психологические подходы к управлению. К теориям третьего экзистенциаль-

ного пласта можно отнести методологию, представляющую собой теорию конструктивной игропрактики.

Литература:

1. Бурдые П. Практический смысл. - М.- С-Пб.,- 2001.- С. 156-165.
2. Сорока Ю.Г. Повседневное и социологическое восприятия социальной реальности как проблема социологического образования // Зб. Наук. Праць ДонДУУ: «Соціологія управління». Серія «Спеціальна та галузева оціологія». Т.: Вип. 2 (47). Д.: 2005. - С. 112-117.
3. Файоль А. Общее и промышленное управление. М - Л., 1924. – 436 с.
4. Шохов А.С. Природа социального пространства \ \ Социальные проблемы Уральского региона. Екатеринбург, 1994
5. Шохов А.С. Структура ментального мира классической Греции. <http://www.philosophy.ru/library/shoh/0.html>
6. Игротехники в социальном пространстве <http://stalker.newmail.ru>.

4.2. ФРАКТАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Современная теория фракталов, как в математике (геометрия фракталов), так и в некоторых естественнонаучных исследованиях представляет собой развитие теории сложных систем. Эти исследования ведутся, как за рубежом, так и в России. В 1984 году в штате Нью-Мексико (США) начал работу непрофильный институт по изучению различных аспектов сложности и хаоса во многих отраслях деятельности – Институт Санта Фе (The Santa Fe Institute, SFI), в котором понятие «сложность» изучается в самых разных аспектах научной и практической деятельности. В настоящее время теория сложности развивается как междисциплинарная отрасль знаний («complexity science»), охватывающая метеорологию, химию, биологию, а также психологию, социологию, экономику и другие дисциплины, включая медицину. Об этом пишет А.А.Бесчастный в своей работе «Состояние математизации в психиатрии» [2].

В России в журнале «Валютный спекулянт» были опубликованы статьи М. Чекулаева, одна из которых - «Магия фракталов, или Насколько прав Билл Уильямс» [11], связана с попытками применить методологию фрактального анализа к социальным процессам, в частности, автор пытается применить идеи фракталов к описанию хаотического поведения рынка и его фрактальной структуры.

Термин «фрактал» происходит от латинского прилагательного «fractus», и в переводе означает «состоящий из фрагментов», а соответствующий латинский глагол «frangere» означает «разбивать», то есть создавать неправильные фрагменты. Понятия фрактал и фрактальная геометрия, появившиеся в конце 70-х – с середины 80-х годов прочно вошли в обиход математиков и программистов. Термин был предложен Бенуа Мандельбротом в 1975 г. для обозначения нерегулярных, но самоподобных структур, которыми он занимался.

Рождение фрактальной геометрии принято связывать с выходом в 1977 г. его книги «The Fractal Geometry of Nature» – «Фрактальная геометрия природы». Об этом пишет Х.-О.Пэйтген [7]. Фрактальные объекты могут порождаться многими путями. Простейший из способов создания геометрического фрактала – задать порождающее правило и выполнить последовательность итераций.

Теория фракталов связана с анализом сложных нелинейных систем. Линейное мышление человеку более свойственно: в человеческое восприятие сложных, беспорядочных объектов самой природой заложено свойство пренебрегать деталями объекта и выделять в них наиболее существенные признаки.

Исследования в области динамики сложных систем связано с понятиями хаоса и порядка. В рамках концепции фракталов выявлена, как пишет Э.Л.Голдбергер, способность сложных динамических адаптивных систем к самоорганизации [4]. Комментируя это, А.А.Бесчастный отмечает, что очевидным является стремление избегать хаоса и стремиться к стабильности и порядку [2]. И далее он отмечает, что в этой логике предпочтений в определенных ситуациях нередко может сложиться парадоксаль-

ный конфликт: так, «хорошая» хаотичная нестабильная симптоматика доклинического развития эпизода транзиторной ишемической атаки это гораздо лучше, чем «плохая» стабильно устоявшаяся упорядоченная симптоматика ишемического инсульта. Это, по его мнению, связано с тем, что хаотическая нестабильность – это естественное условие существования, например, живого организма. На этой основе могут формироваться прогнозы и формулироваться «прогностические модели».

Это, казалось бы, парадоксальное утверждение о прогнозе, основанном на хаосе, связано с тем, что существование как и жизнь (бытие между жизнью и смертью) сами по себе являются парадоксами. Тут вполне уместно вспомнить происхождение понятия «хаос» - античное «хайно» – пространство между небом и землей, в котором мы и пребываем. А хаотичная нестабильность, суть существования, в своем анализе предполагает многовариантность путей его развития. Причем, эта многовариантность, как отмечают исследователи [4; 5], также хаотична и трудно предсказуема в линейной логике мышления.

Соотношение хаоса и порядка как выражение самоорганизации сложной системы есть некоторая мерность, пропорция, которую можно предполагать как существующую или использовать как аналогию фрактальной гармонии. Многие исследователи утверждают, что эмпирически эта мерность гармонии давно известна человечеству и использовалась в чисто практических целях, например, в строительстве или в ритуалах, связанных с организацией общественной жизни [8].

Эту мерность хаоса и порядка называют «золотым сечением», которое является выражением математической пропорции гармонии. Люди воспринимают эту гармонию чувственных качеств, выражаемую восприятием геометрических форм, музыкальных звуков, цветов спектра, фонем родного языка и т.п. Подобные способы восприятия были названы Л.А.Венгером «сенсорными эталонами».

Широкую известность получили психологические опыты Фехнера, ориентированные на выявление у взрослых чувства прекрасного, гармонии. Всем участникам опыта (228 мужчин и 119 женщин) предлагалось

оценить эстетические качества десяти белых геометрических фигур (один квадрат и прямоугольники) и посредством сравнения их между собой упорядочить по степени привлекательности для восприятия, отобрав одну или несколько из них, наиболее удовлетворяющих этому признаку. Получено 150 ответов мужчин и 110 женщин. Количество предпочтений отданных определенным фигурам, как мужчинами, так и женщинами хорошо взаимосогласуется. Самой привлекательной и приятной на вид фигурой оказалась фигура, наиболее точно соответствующая пропорции золотого сечения [1, 45]. Впоследствии подобные опыты многократно повторялись.

История человеческой цивилизации и история культуры дает множество образцов использования «золотого сечения» как пропорции математической гармонии при строительстве различных сооружений, начиная от храмов древнего Вавилона, заканчивая египетскими пирамидами. Кстати, помимо египетских пирамид, множество других построек Древнего Египта построены по принципам «золотого сечения». Так, сохранился рельеф эпохи Древнего царства (2800 – 2400 гг. до н.э.), свидетельствующий о сознательном использовании египтянами геометрических пропорций, основанных на золотом сечении. Это же касается и Парфенона в Афинах. Существуют исследования русских храмов И.Шевелева, К.Н.Афанасьева, М.А.Ильина, Б.Смоляка и других, установивших наличие золотой пропорции во многих православных храмах.

В Западной Европе, в которой, начиная со средневековья, охарактеризовавшегося постройкой великих готических соборов, образовались ложи Вольных каменщиков, масонов, которые возводили принцип «золотого сечения» в ранг божественного закона. Выражение о том, «архитектура - это застывшая музыка» стало крылатым выражением. Оно основано на образном, интуитивном ощущении некой связи гармонической архитектурной формы с музыкальной гармонией [10].

А музыкальная мелодия основана на чередовании звуков различной высоты и продолжительности, в её основе - временная упорядоченность звуков. Есть исследования М.Марутаева, Л.Мазеля, Л.Сабанеева и других, устанавливающих наличие золотого сечения в произведениях великих

композиторов. С древних времен имеются представления о соответствии размеров и музыкальной гаммы, о гармоническом сочетании.

Сущность золотой пропорции можно сформулировать следующим образом: для соединения двух частей с третьей совершенным образом необходима пропорция, которая бы «скрепила» их в единое целое. При этом одна часть целого должна так относиться к другой, как целое к большей части. «Золотое сечение» задается числом $1,61803398875\dots$, выражающим мерную гармонию. Присутствие этой мерной гармонии в дошедших до настоящего времени артефактах, несомненно.

Сторонники гипотезы о том, что динамическая стабильность общества как сложной самоорганизующейся системы основана на фрактальных принципах вообще и в частности на принципе «золотого сечения» настаивают на том, что фрактальные свойства присущи всем социальным процессам. Так, Э.М.Сороко пишет: «Структурная гармония систем природы, т.е. гармония их внутреннего строения подчиняется четкому математическому закону. Подобно тому как это мы имеем в квантовой теории, гармоничным (устойчивым, стационарным) состоянием систем объективного мира соответствуют особые числа, называемые обобщенными золотыми сечениями): эти числа - инварианты всех тех структур, в которых воплощена диалектика дискретного и непрерывного, целого и части, необходимого и случайного, единого и многого [8, 34].

И далее: «Мир в целом есть Волна. Другими словами, не только микрообъекты, но все существующие в действительности вещи, всё многообразие систем окружающего мира, коль скоро они диалектически противоречивы, представляют собой Волну - структурный резонанс субстрата, из которого образованы, т.е. интерференцией противоположностей внутри единства» [8, 36].

По гипотезе исследователей, восприятие этой гармонии заложено в человеке как своеобразный архетип, о котором писал еще К.Г.Юнг: «На самом деле первобытный человек не более логичен или алогичен, чем мы. Просто он думает и живет исходя из совсем других предпосылок по сравнению с нами. В этом и состоит различие. Всё, что выходит за рамки пра-

вил, всё, что поэтому его беспокоит, пугает или удивляет, основывается для него на том, что мы называем сверхъестественным. Разумеется, он не считает это сверхъестественным, для него это является принадлежностью мира, который он познает. Наша рациональная исходная посылка состоит в том, что всё имеет свои естественные, видимые причины. В этом мы убеждены a priori. В этом смысле каузальность является для нас самой священной догмой» [12, 232]. Примером такого архетипа может служить образ Бога, любви, времени, гармонии и счастья.

Многие исследователи отталкиваются от гипотезы, что все природные объекты имеют фрактальную структуру, они соответствуют числам Фибоначчи (производным от золотой пропорции) и золотому сечению. Человек, как часть природы есть выражение этой гармонии в виде пропорций его тела, ритмов сердца и мозга, этапов взросления, стадий жизни человека. Все это, по их мнению, подчинено закономерностям, сводимым только к одному числу - $1,61803398875\dots$, т.е. к «золотой пропорции» [3, 45].

Общественное устройство, религия, культура при подходе, основанном на материалистическом понимании человеческой истории, есть абсолютно человеческое (социальное) достояние, полностью отличное от природы и ее закономерностей. Однако, факты и соображения, представленные выше, дают возможность формулировать гипотезу о том, что поиск мерной гармонии «золотого сечения» и фрактальных параметров социальных процессов, могут дать новое знание о социальной динамике. А значит и фрактальная парадигма в социологии не может игнорироваться!

Однако вернемся к фракталам и к фрактальному образу мира. Многие естествоиспытатели считают, что в принципе почти все естественные объекты являются фракталами. Это облака, исчерченная береговая линия, поверхность гор, скал, очертания листка дерева и цветка, да и сами деревья и вообще все живые организмы. Это соображение дает основание для гипотезы том, фрактал есть математическая модель, показывающая упорядоченность и процессуальность самоорганизации любых сложных структур.

Ныне наиболее распространено рассмотрение фракталов, в которых структуры всей (целостной) системы и любого её фрагмента идентифицированы. Это характерно, прежде всего, для математических фракталов: теоретико-множественных, геометрических, алгебраических, стохастических - словом, итерационно построенных и, следовательно, компьютерно-графически представимых. Однако, как пишут такие исследователи, как А.И.Тишин и Т.М.Эгемберлиев в своей работе «Фрактальность человека», во фрактальной интерпретации как природных, физических, так и математических объектов подобность, похожесть структур целого и части не сводится лишь к идентичности их, а предполагает широчайший спектр вариаций от тождественности до «размытости», граничащей с неподобием. Фракталы, обычно рассматриваемые исследователями, являют собой объекты, т.е. определенные предметные, вещные образования или в математическом представлении - множества произвольной природы [9].

Фракталы формируются нелинейным, но в сути одним преобразованием. Дополнительное влияние среды, условий или взаимодействие объекта (системы) со средой лишь усложняет это одно преобразование, делает его многомерным, многозначным. Здесь фрактальность (самоподобность) выступает характеристикой, свойством, особенностью именно объекта, пусть становящегося, пусть циклически, «итерационно» развивающегося, но объекта, а не его действия, не активности, не функционирования, не его развития.

На любом шаге итерационного пути фракталы остаются порой очень красивыми, но все же неподвижными, умертвленными, недействующими образованиями. Наряду с изучением самоподобия объектов возникает потребность исследования фрактальности процессов, различных форм движения, функционирования косных и живых систем, в частности, деятельности человека. Однако феномены структурного подобия, похожести процессов и перенесения конкретных движений с одних объектов на другие системы в науке пока недостаточно рассмотрены. Еще хуже обстоит дело с выделением и анализом фрактальности символов, смыслов, значений, ценностей и других феноменов жизнедеятельности людей. У человека, в дея-

тельности людей обнаруживается много малоизученных моментов самоподобия [там же].

Человек, будучи существом одновременно природным, социальным и духовным, он самоподобен во взаимной проникновенности каждого из этих трех «компонентов». В духовности и единстве психики, интеллекта и воли - выражается вся природность и социальность людей. В социальности обнажается вся природность и духовность человечества, каждого его представителя.

Природность же, естественность человека предопределяет его социальность и духовность. Но так представленная фрактальность человека лишь номинальна, мертва. В действительности же она жизненна, реальна, ибо объектная (телесная, общественная, сознательная) сущность человека не может быть разорвана, отделена от деятельностной сущности людей. Которая является в триедином процессе - производстве (прежде всего самой жизни и как следствие отсюда и жизненных средств, благ), общении и мышлении.

Выявление и анализ фрактальных особенностей предполагает единение, неразрывность, одновременность рассмотрения субстанциональной и деятельностной сущности человека. Такая задача усложняется при выражении субстанционально-деятельностных моментов в многообразии символов с их различными смыслами и незавершенными, открытыми значениями [9].

Кроме универсальной, всеобщей, единой природной и социально-духовной фрактальности человека, пишут указанные авторы, обнаруживается фрактальность частичная, на уровне отдельных систем и подсистем. Человек всегда стремится познать и понять самого себя. Простейшими средствами здесь выступают сравнение, аналогия, сходство, различие. Сходство или подобность самому себе человек издревле искал в объектах и действиях природы, в явлениях общества, феноменах с собственного духа [там же].

Как отмечает И.Н.Ястремкий, все средства производства, постоянные, съемные и сменные «продолжения» искусственных органов люди создава-

ли и совершенствовались по своему образу и подобию. Прежде всего, по образу и подобию своих действий, а также сходных, похожих на человеческие, действий животных и приручение животных и использование их человеком в своей деятельности [13, 58].

Фракталы и самоподобные объекты повсеместно присутствуют в обществе. Это такие объекты, которые при наблюдении в различных увеличениях повторяют один и тот же самоподобный рисунок. Человек создал свою подобность в технике и стал познавать себя посредством техники. Возник фрактал человека, названный *homo tetechnicus*. Техника и творение человека. Вместе с тем, техника - образ человека. Человек созидает свой образ, фрактал, т.е. продолжает строить себя [9].

Кроме построения и развития механической фрактальности («рук», «ног», «глаз», «ушей» и даже «крыльев», «ласт», искусственных органов – «легкие», «почки» и т.д.), человек начал строить и развивать и другой орган и искусственный «мозг». Ряд современных мыслителей, полагают, что развитие техники изменит саму природу человека. А это - новый аспект проблемы фрактального развития человека. Однако он требует особого рассмотрения [там же].

Устремляясь за подобностью, человек пытается в XXI в. идентично воссоздать себя. Клон - это и есть фрактал. Первое клонирование, т.е. фрактализирование проводилось в растениях (клубника и т.д.), далее в животных (мышка Маша, овечка Долли), но теперь человек пытается клонировать себя. Это еще раз доказывает, что человек всегда пытается познать себя на основе своего же образа и подобия. Этот образ он ищет в технике, в кибернетике, в животных (тотемизм), в потомстве, в клонировании и т.д. Приведенные примеры характеризуют природную, естественную фрактальность человека. Она воплощается в материальной культуре и прежде всего в человеческом техническом преобразении и «расширении» природы [9].

В обществе принцип фрактальности приобретает порой своеобразную форму: один или несколько человек могут быть фракталом другого человека, а он, в свою очередь, может быть фракталом еще третьего. Более того, один человек может являться несколькими фракталами. Некоторые «авто-

ритетные» руководители, указывая на отдельных своих подчиненных, утверждают: «он является моей правой рукой, а этот левой». Иными словами, руководитель фрактально развивает свои органы в социальном мире. Военные структуры почти полностью описывают фрактальность человека. Например, полевая разведка – глаза, государственная разведка – уши, военный штаб – мозг, механизированная пехота – ноги, и т.д. В этом же ракурсе можно увидеть организацию государства, которое тоже подобно человеку: парламент - мозг, воля; правительство - тело т.д. [там же].

Характерной особенностью социальной фрактальности, как отмечают А.И.Тишин и Т.М.Эгемберлиев, выступает своеобразная обратимость. Сначала человек по образу и подобию своему создает новые предметы (опредмечивает себя), а потом сам же уподобляется этим созданным предметам (очеловечивает, олицетворяет их, а себя низводит до предметно-природной примитивности и ничтожности). Наглядно это проявляется в юриспруденции, когда наряду с человеком – «физическим лицом» - рассматриваются не люди, а фирмы, организации, учреждения и словом, «юридические лица» [9].

Обезличивание человека и олицетворение нечеловеческого и это своеобразие социальной фрактальности. Такие феномены волновали мыслителей раньше, интерес ученых не ослабевает к ним и сегодня. Для исследователей социальных фракталов особый интерес представляет наследие представителей естественнонаучного направления в социологии и прежде всего разработчиков биологизаторских и организмических социальных концепций.

Фрактальная методология обнаруживаются как в круговороте циклов развития наций у Дж. Вико, так и в концепциях развития локальных цивилизаций у Н. Данилевского, О. Шпенглера, П. Сорокина, А. Тойнби и других. Было бы целесообразно проанализировать наследие этих мыслителей через призму социальной фрактальности, ибо обобщение результатов такого анализа могло бы послужить основой разработки фрактальной концепции общества и его развития в целом и, в частности, современной цивилизации [9].

Наряду с природными и социальными проявлениями фрактальности человека особого внимания ученых заслуживают и фракталы духовного порядка. Человеческая и человеческая психика базируется на чувствах, эмоциях и выражается в них. Вся психика, по сути, фрактальна. Действительно, чувство соперничества, жалость возникают как раз на основе существующих в человеке фрактальных чувств. Понимать и воспринимать другого человека, поставив себя на место страдающего есть подобность чувств, т.е. фрактальность.

Нравственность, этические воззрения людей фрактально развиваются через образы добродетели, справедливости, блага. Во всех произведениях искусства в той или иной мере раскрывается внутренний мир человека. И этот художественный процесс так же фрактален. Христианские и исламские догматы, хотя и нет этого религиозники, уподобляют человека Богу (человек создан по образу и подобию Бога), а Бога наделяют качеством человека, всеми его особенностями и свойствами. В религии фрактальность человека тоже очевидна. Всем своим общением, сравнительно-сопоставительным поведением и практически преобразующей деятельностью люди формировали, развивали, совершенствовали своеобразные фрактальные образования - цели, двигались к замыслам и претворению их в реальность [9].

В результате рождалась мысль, формировалась идея, развивалось познание, становилась наука, совершенствовалось сознание. По мнению Князевой Е.Н. и Курдюмова С.П., «... всякий творческий акт в науке можно истолковать как фрактальный по своему характеру, т.е. как несущий в себе природу всей науки в её истории» [6, 67].

Литература:

1. 10. Артемьева Е.Ю. Психология субъективной семантики. – М.: Изд-во МГУ, 1980. – 265 с.
2. 21. Бесчасный А.А. Состояние математизации в психиатрии / А. А. Бесчасный, А. В. Немцов // Журн. невропатол. и психиатр. им. С. С. Корсакова. 1990. № 2. - С. 144–146.

3. 38. Васютинский Н. Золотая пропорция, - М.: Молодая гвардия, 1990. – 256 с.
4. 59. Голдбергер Э. Л. Хаос и фракталы в физиологии человека / Э. Л. Голдбергер, Д. Р. Ригни, Б. Дж. Уэст // В мире науки. 1990. № 4. – С. 25–32.
5. 60. Головкин В. А. Применение нейросетевых методов и теории хаоса для обнаружения эпилептиформной активности / В. А. Головкин, В. В. Евстигнеев
// International Conference «Advanced Information and Telemedicine Technologies for Health» (АИТТН'2008). Minsk, Belarus, 2008. Vol. 1. P. 379–383.
6. 118. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем. - М.: 1994. – 345 с.
7. 189. Пэйтген Х.-О., Рихтер П.Х. Красота фракталов / Пер. с англ. – М.: Мир, 1993. – 325 с.
8. 216. Сороко Э.М. Самоорганизация систем, проблемы меры и гармонии. Дисс. к.филос. н.: Минск, 1991. – 186 с.
9. 226. Тишин А.И., Эгембердиев Т.М. Фрактальность человека // http://sins.xaos.ru/articles/articles_r017.html
10. 250. Фулканелли М. Тайны готических соборов. – М.: REFL-book, Ваклер, - 1996.- 317 с.
11. 258. Чекулаев М. Магия фракталов, или Насколько прав Билл Уильямс // Валютный спекулянт, 2000, № 6. – С. 18-22.
12. 276. Юнг К.Г. Структура психики и процесс индивидуации. М.: 1996. – 473 с.
13. 281. Ястремский И.Н. Человек как субъект рабочего процесса. // Вестник Московского университета, серия 7, философия, 1998. – С. 56-65.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленные читателю различные новые социологические концепции, а именно, социальный акционизм, активизм, социальная объектология, инвайроментальная социология и социология жизни, квантовая и фрактальная социология.

Подобная характеристика данных социологических подходов связана с тем, что, как правило, построены, во-первых, на социальном микроуровне, на уровне социального взаимодействия некоторых индивидов, а порою и просто абстрактных индивидов, как познающих субъектов, во-вторых, представленные концепции при достаточно обстоятельной проработке методологического статуса и концептуального аппарата, тем не менее, не выходят на уровень прикладных социологических исследований, т.е. не касаются социологических практик.

Отсутствие проработанного социально-практического уровня исследований, возможности конкретных прикладных исследований во многом сужает базу представленных концепций. В этом плане они в основном выступают как интересные методологические прогнозы, но не как конкретный инструмент анализа реальных социальных отношений.

Это также касается и анализа тех социальных условий, на котором происходит социальное взаимодействие индивидов, исследуемое в большинстве представленных выше социологических концепций. Традиционная социология привыкла к тому, что социальные условия взаимодействия индивидов, принадлежащих к тем или иным устойчивым социальным образованиям (социальным группам, демографическим, профессиональным, конфессиональным, гендерным и другим социальным группам, социальным слоям, сословиям, стратам) являются необходимыми предпосылками изучения специфики этих взаимодействий. В большинстве представленных выше социологических концепциях, как правило, социальные условия инвариантны, предзаданы как общий социальный фон, а значит – не конкретны, не содержательны и не историчны.

Это и делает по существу проблемой вопрос следующего свойства: а вообще возможны ли конкретные, содержательные и исторические индикаторы в концепциях данного рода?

При том, что ответ на данный вопрос напрашивается в большинстве случаев отрицательный, большинство представленных выше социологических концепций являются интересными и оригинальными конструктами, дающими новый и зачастую неожиданный взгляд на исследуемый объект – человеческое общество в многообразии его граней, проявлений и измерений.

Право на жизнь имеет любая концепция, если она не является антинаучной, если она систематически и непротиворечиво выстроена, если она вводит в социологический тезаурус новые оригинальные термины и понятия, а в этом представленным выше социологическим концепциям не откажешь. В конце концов, говорил же Конфуций: «Пусть расцветут сто цветов!».

Учебное издание

В.И. КУРБАТОВ, Л.Ш. КРУПЕНИКОВА

НЕТРАДИЦИОННЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ
Учебное пособие

Сдано в набор 23.12.2014.
Подписано в печать 22. 01. 2015.
Формат 60×84 1/16. Усл. печ. л. 9,65. Уч.-изд. л. 7,94
Тираж 100 экз. Заказ № 4133.

Издательство Южного федерального университета.

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции
Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1. Тел. (863) 247-80-51.